

С. Богачев

**УДАРНАЯ
ВОЛНА**

Роман

Донецк
2011

ББК 84 (4УКР=РУС) 6

Б 73

С. Богачев

Б 73 Ударная волна. — Донецк: Издательство газеты “Труд”, 2011. — 304 стр.

Выбор у человека есть всегда. Если не сдаваться даже тогда, когда жизнь висит на волоске, судьба может даровать неожиданные возможности. В этом убеждают нас автор романа “Ударная волна” Сергей Богачёв и его уже традиционный главный герой Иван Черепанов.

Роман выдержан в детективном жанре и полон неожиданных поворотов. Вместе с тем это глубокая правдивая книга о сегодняшних украинских реалиях. Автор не идеализирует, но и не чернит своих героев и действительность. Это уже четвёртое серьёзное произведение Сергея Богачёва. Он не иссякает и не изменяет себе. Как и в прошлых книгах “Переход”, “Переплёт”, “Мизер с тузами”, встречаем исторические параллели, попытки осмысления непознанных энергетических взаимосвязей во Вселенной, здоровую иронию.

ISBN №978-966-2495-25-6

© С. Богачев

© Издательство газеты “Труд”

Глава 1

МИНИСТЕРСКАЯ ЗАКЛАДКА

Журавский вышел из служебной чёрной “Тойоты” и энергичной, но ровной, годами выработанной походкой в считанные секунды преодолел мраморные ступени и министерский холл, успев при этом кому кивнуть, кому — пожать руку.

В свои 57 он выглядел просто отменно. Спортивная пропорциональная фигура. Короткая стрижка делала почти незаметными небольшие залысины и умеренную седину на висках. Но для мужчины это просто мелочи. Морщинки одолели только впадинки у глаз, и даже лоб был почти гладким. Большие серо-зелёные, никогда не бегающие глаза располагали. Это был тренированный взгляд хорошо владеющего собой человека. Лишь кончики губ во время приветливой улыбки слегка выдавали хитринку. Регулярный умеренный загар, стойкий, но не резкий запах хороших духов, всегда чистая обувь, исключительно качественные галстуки и свитера свидетельствовали о том, что Журавский в элитной среде чувствует себя, как рыба в воде. Он был единственным замом, удержавшимся при трёх министрах.

В лифте Станислав Васильевич сделал мягкий комплимент новенькой переводчице на предмет интересного сочетания её причёски с фасоном блузки. Ему достаточно было секундного взгляда, чтобы оценить и выделить то, над чем трудилась барышня для привлечения внимания, и сделать ей не дежурный, а специальный комплимент. Мало кто сейчас догадывался, какая работа в своё время стояла за этим. Самые гонористые и уверенно держащиеся в своих креслах сотрудники побаивались с ним конфликтовать, словно чуя какое-то невидимое, непонятно в чём выражающееся преимущество Станислава Васильевича.

Единственным человеком, которому Журавский доверял в течение последних 20 лет свои тайны, был он сам. Ни одно слово за это время не было им произнесено в силу глупости, слабости или неконтролируемой эмоции. Ни за рюмкой, ни по телефону. Он никогда не поносил и не раскрывал секретов своих предыдущих начальников, из чего нынешние — а все они были людьми неглупыми — могли сделать вывод, что так же он будет поступать и по отношению к ним.

При этом Станислав Васильевич вовсе не походил на робота. Напротив. Уча-

ствовал, но не засиживался в застольях, умел в тему произнести тост, рассказать анекдот, который всегда был свежим, смешным и мастерски исполненным.

Ещё один из секретов его стабильности — умение правильно выстраивать отношения с противоположным полом. Он даже обнаружил в этом вопросе некие общие подходы в ведении дел. Ведь в нашем бизнесе быть одновременно кристально честным и успешным — невозможно. Нужно уметь лавировать. Зарабатывать, обходя законы, но не попадаться. Разрешать подчинённым подхихивать себе на бутерброд, но в разумных пределах и делать вид, что не замечаешь этого.

Он ожёгся в молодости с первой женой, которую крепко полюбил и перед которой вывернул душу наизнанку, за что и был наказан. Но Журавскому повезло — он сумел сделать выводы. Женщина и отношения с ней — это не просто шахматы. Это — минное поле. По которому нужно пройти и не взорваться. В амурных делах эмоциональная составляющая — одна из самых интересных, без неё секс пресен. Но именно эмоции и таят в себе опасность. Чем выше степень противостояния, чем больше адреналина, тем выше риск быть взорванным. Он любил этот

драйв. В порыве откровения Журавский разрешал себе доверительно сообщить понравившейся барышне какой-либо свой секрет. Правда, только пятиразрядной важности, о чём ей, впрочем, знать было вовсе не обязательно. Так поступали при захоронении фараонов, когда для грабителей устраивали фальшивые тайнички, дабы те успокоились и не добрались до настоящей сокровищницы. Вообще, Станислав Васильевич был крепко подкован в этом разделе истории.

Взять его давнюю подружку Наташу. С виду покорная и безобидная, всегда преданно глядящая в глаза... Расскажи он ей в порыве откровения подноготную своих доходов, детали этих аварий — завтра она потеряет к нему интерес, взбрыкнёт или обидится, что не купил ей авто, да мало ли поводов можно придумать? Или выдаст его секреты новому любовнику или мужу. Или просто выложит в Интернете соответствующие фото.

Зайдя в кабинет, Станислав Васильевич сверил с секретаршей Ниной план предстоящего дня.

— Да, на пятнадцать нарисовалась срочная встреча — внеси коррективы. Вводных не поступало? — он бегло взгля-

нул на Нину. Та, как обычно, излучала внимание и деловитость.

Нина была очень ценным для него сотрудником. Она прекрасно разбиралась в его делах, быстро схватывала суть и хорошо чувствовала людей. Она знала, с кем соединить, кого мягко перенести на завтра, а главное, она ничего не делала невпопад и не бывала навязчивой. Он старался регулярно приплачивать ей к зарплате премию в конверте, помог устроить дочь в лучшую, как считалось, в столице школу — на Прорезной, а Нина платила преданностью и благодарностью. Станислав Васильевич к святошам себя не причислял, но с секретаршей не спал принципиально и, установив доверительные отношения, определил дистанцию, не допуская лишних откровений. Впрочем, и Нина, когда пришла к нему в своё время на собеседование, в лоб заявила: положиться на неё можно во всём, но спецпоручений в виде интима она не приемлет. "А это и не требуется, — успокоил тогда претендентку Журавский, — для этого есть другие".

И сейчас ему очень льстило, что у него не самая молодая, но зато очень стильная секретарша, которая к тому же на работе в интимных связях ни разу замечена не была. Нина всегда действовала на него

успокоительно-бодряще. Как заплыв в чистом море. И сейчас он с удовольствием отметил, что юбка у неё не выглядит короткой, но подчёркивает красоту упругих ног и хорошую фигуру, тёмные большие глаза, брови, ресницы, аккуратная, но не пышная причёска, густая прядь черных волос, скрывающая едва наметившиеся морщинки на лбу, — всё естественно, а если что и подкрашено, то очень органично. И руки всегда ухожены, но маникюр тоже мягкий, не вызывающий.

— Вчера, когда вы уехали, по городскому номеру вас разыскивал одноклассник по фамилии Арнаут, просил мобильный, сказал, что в Киеве на два дня проездом, по каким-то делам, а вообще он сейчас где-то в Тюмени обитает. Судя по голосу, ваш одноклассник где-то уже отметил свой приезд, и я вас беспокоить не стала. Вот телефон, который он оставил.

— Не позвонить нельзя. Одноклассник — это святое. Да и как объяснить ему, что не зажрался я, а подзапарился, мягко говоря. Давай набери его в обед. Нет, лучше так, пригласим его сюда часов на шесть. Посидим в задней комнатке минут 40, а потом эвакуируешь меня — подневольного чиновника — по срочному госу-

дарственному заданию начальства, — переглянувшись, оба улыбнулись.

— Сводки перед вами. Я просмотрела. За ночь практически ни одного ЧП не произошло. Так, 7 одиночных случаев травмирования, и то по мелочам. В Краснодоне одному шахтёру ногу вагонеткой отрезало, другой ехал на транспортёрной ленте и без кисти остался, но жертв и крупных аварий, слава Богу, — нигде.

— Оно хорошо, конечно, — Станислав Васильевич интуитивно опасался ситуаций, когда всё складывалось слишком гладко. Он даже привык, что в течение рабочего дня обязательно должна произойти какая-нибудь гадость. Разгребёшь это дерьмо — и порядок. А вот если всё хорошо, есть угроза, что завтра произойдёт сразу две гадости. Одна — за сегодня, а вторая — за вчера. Журавский тем временем начал обдумывать планы на вечер. После встречи с одноклассником хорошо бы уделить внимание и себе.

Когда у него и возникали неуставные отношения с барышней на работе, Станислав Васильевич потом безапелляционно совал девушке в карман сто долларовую купюру. Делал это необидно, но решительно, жестом, не позволяющим возражений, со словами: "Очень хочу подарить тебе хо-

рошие духи, но боюсь ошибиться с запахом. Сделай это сама, но от моего имени". Этим он как бы расставлял точки над "i", а также обрезал участнице приключения путь к излишней болтливости. Тех, от кого мог исходить подвох, Журавский умел выделить и избежать на подготовительной стадии. Вечером он собирался уделить внимание кадровичке. Она работала в министерстве уже больше года, отличалась скромным, даже слегка скованным поведением. Ей было 32 года. Журавский выяснил, что женщина разведена, дома на её плечах больной отец и двое детей. Производила она впечатление человека воспитанного, неизбалованного и обделённого мужским вниманием, несмотря на привлекательную внешность. Накануне в министерской столовой она сидела к нему спиной, и Станислав Васильевич с удовольствием рассматривал проступающие сквозь белую полупрозрачную блузку белые же ляпочки лифчика, туго обхватывавшие загоревшее тело. Выпустить бы его порыв на свободу! Своим безошибочным чутьём Журавский уловил в её природе немалый темперамент, закупоренный воспитанием, комплексами и обстоятельствами жизни. Небольшая полнота Станислава Васильевича ничуть не смущала.

Наоборот, она выступала его союзником. Женщины на фоне этого комплекса воспринимали ухаживания и комплименты благодарней. Накануне, общаясь с Катей, он запустил пробный шар: "Катюша, вы такая интересная, где мои 20 лет?!" Ответ: "А по-моему, вы сейчас намного интересней, чем в 20" — явно содержал обнадеживающий знак.

Его мысли прервал зазвонивший, как всегда некстати, прямой телефон министра. Через полторы минуты Журавский уже был в кабинете шефа.

— В Зимнем на шахте "Передовая" опять рвануло. 47 человек под землёй, пожар, будет много погибших. Короче, ну ты понимаешь, срочно вылетай на место, разбирайся и докладывай мне регулярно. И с прессой поаккуратней.

— Всё понял. Ещё маленький вопрос — и полетел. Звонил наш друг, — министр был в курсе приятельских взаимоотношений с заместителем председателя СБУ. Журавский их успешно познакомил за рюмкой чаю, в честь чего был поднят тост за взаимоподдержку порядочных людей. — Есть у него хороший малый на Лугани, трудится в нашей системе — главным инженером на "Первомайке". Просил его продвинуть.

— Подумай, кстати, насчёт Лукьянца. Шахта у него в порядке, а он, хоть и человек заслуженный, и линию нашу вроде выдерживает, но уже подустал от ответственности, пора и передохнуть. И эта самовольная остановка шахты без причины вылетела нашим партнёрам в копеечку.

— Я подумаю.

Хотя этот расклад Журавскому и не очень нравился, виду он не подал. Станислав Васильевич машинально вспомнил, как лет пятнадцать назад летал инспектировать аварию на шахте у Лукьянца. Если ему не изменяла память, тогда спаслись двое из 23 горняков. Но Лукьянец лично ему понравился. Принял хорошо, не утомлял обихаживаниями, а в дальнейшем все пожелания выполнял с одного намёка. Но перечить начальству смысла не имело.

— Да, чуть не забыл, — эти слова министра настигли Журавского уже возле дверей, и он спиной почувствовал: известие будет неприятным. — Счета для перечисления средств родственникам погибших и пострадавшим мы в каком банке открываем?

— В "Центрально-Славянском", а что?

— А почему? — министр смотрел на развернувшегося Станислава Васильевича в упор, но не зло.

— Так давно сложилось, претензий к ним ни разу не возникало, — ни один мускул не дрогнул на лице Журавского.

— Ну ладно, — после секундного колебания шеф сделал ход конём, — пусть пока так остаётся, а с нового года нужно будет упорядочить, мы ведь отдали приоритет "Экономбанку", если не ошибаюсь?

Станислав Васильевич покладисто кивнул. Он твёрдо усвоил, что все схемы на этой работе временны, и приучил себя к мысли, что расставаться с ними нужно легко. Получилось — и хватит.

Обидно, конечно, но не смертельно. Он знал о больших схемах больших начальников, но никогда туда не совал нос. Поскольку он занимался одной из самых неблагодарных работ — расхлёбывал всякого рода ЧП, то и в его "мелочёвку" никто особо не вмешивался. Хотя, если всё правильно сосчитать и умножить, не такая уж это была "мелочёвка", во всяком случае Журавский её ценил.

Станислав Васильевич всегда держал на работе "тревожный чемоданчик" командировочного. Больше всего в подобного рода поездках его напрягал неизбеж-

ный и чрезмерный подхалимаж местного начальства. Впрочем, он вовремя научился избегать походов в бани с девочками и попоек, которые вроде как к чему-то обязывали.

В самолёте, когда уже не первой свежести, но сохранившая остатки былой яркости бортпроводница начала изображать жестами, как пользоваться спасательным жилетом в случае посадки на воду, Станислав Васильевич почувствовал, что с трудом сдерживает готовый прорваться истеричный смех. Ведь чушь собачья! Пусть бы хоть один случай был в мире, когда самолёт упал в воду и хоть один человек спасся с помощью этих дурацких жилетов. Но кто-то обосновал их необходимость, кто-то наладил выпуск, и весь мир авиапассажиров теперь наблюдает за жестами стюардесс, фантазируя вовсе на другие темы. "А ведь авиакатастрофы — тоже чей-то бизнес", — вдруг влетела в мозг Станислава Васильевича непрошенная мысль, которую он тут же постарался удалить, как ненужный навязчивый файл. Но, похоже, ему только удалось переместить его "в корзину". Аварии на шахтах — как ни кощунственно было это осознавать — тоже имели коммерческую составляющую.

Похоже, скоро у него останется всего один живительный ручеёк: закупки систем оповещения о предстоящих выбросах метана. Хотя и объёмы денег, и сам процент его гонорара — это слово ему нравилось больше, чем общепринятое "откат" — были относительно невелики, два момента являлись для Журавского приятными и определяющими. Во-первых, гонорар свой он получал от чешского партнёра, надёжность которого была проверена более чем десятилетним опытом сотрудничества, так что в Украине вычислить это было практически невозможно. Схема работала так, что им не было нужды даже созваниваться. Единственный раз, когда нужно было срочно согласовать изменения, изобретательный Журавский из осторожности сделал телефонный звонок с почтового переговорного пункта. Вторым привлекательным моментом являлась стабильность. Оборудование должно было соответствовать многим критериям, пройти соответствующие испытания и получить сертификаты. Причём параметров соответствия придумывалось всё больше. И все эти действия составляли очень длительную и почти безнадежную для чужаков процедуру. А единственным институтом, который всем этим ведал, ру-

ководил приятель Журавского — Артём Павлович Воздвиженский. Журавский никогда не вручал ему конвертов с купюрами, но помог в своё время стать академиком, а затем всячески оберегал от препровождения на заслуженный отдых. Воздвиженский же был действительно неплохим учёным, но при этом отличался мягким и благодарным характером. Както он высказал Станиславу Васильевичу мысль о том, что для страны было бы экономней, если бы они разработали свои приборы, на что Журавский дал понять, что профинансировать быстро и в нужном объёме столь объёмный проект из бюджета не реально. На том и определились.

Перед вылетом Журавский набрал кадровичку, похвалил её замечательные качества, взгрустнул по поводу внезапной командировки, пообещал звонить по возвращении и, что любопытно, ни в чём ни капельки не солгал. Потом, вспомнив о звонке одноклассника Арнаутова, набрал Нину: "Свяжись, пожалуйста, с этим Арнаутовым, объясни ситуацию и — уж ладно — дай номер моей мобилки на 045". Последнее можно было, впрочем, и не уточнять. Нина прекрасно понимала, какой номер для кого предназначен. Сам Станислав Васильевич не одобрял пижо-

нов, которые обкладывались тремя или четырьмя мобильными телефонами, что, по его мнению, только мешало и приводило к путанице. У него, как и положено, номеров было два. Один — ненавистный, который он никогда не отключал, — для начальства, семьи и Нины, второй — для всех остальных, на который он обращал внимание несколько раз в день — по настроению.

А Нина, поняв, что шефа до конца дня уже точно не будет и, наконец, появится возможность уйти с работы вовремя, уже созванивалась со своей коллегой Ритой. Рита работала референтом у заместителя председателя СБУ. Правда, в последнее время под предлогом сокращения аппарата её должность переименовалась — в старшего аналитика, но суть и функции от этого не изменились. Поскольку Нинин шеф Журавский давно дружил с Ритиным шефом Маштарём, девушкам часто приходилось контактировать по работе, выполняя их поручения: то перебрасывать по почте документы, то передавать неизвестного содержания пакеты, то кого-то с кем-то стыковать. В результате у них возникло что-то вроде дружбы. Это не была детская беззаветная преданность и открытость. Отношения строились ис-

кренне, но тактично, без выворачивания наизнанку души друг перед другом, на основе уважения и симпатии, насколько это возможно между женщинами. Положительную роль играл и тот факт, что ни сами барышни, ни их жизненная среда больше практически нигде не пересекались.

Рита ответила сразу и явно огорчила Нину:

— Никак сегодня не получится. Раньше девяти не освобожусь, — и после паузы уже весёлым тоном продолжила: — Шутка! Представляешь, ты как почувствовала, я сама тебя уже собиралась набрать. Шеф сегодня сорвался в срочную командировку и подкинул два приглашения на какую-то супер-пупер-тусовочную закрытую вечеринку в "Евроконтинентале". Там будут что-то кому-то вручать, плюс шикарный банкет. Так что бросай все дела — никаких отговорок!

— И не надейся — буду стопроцентно! Вот те совпадение! Представляешь, моего тоже куда-то заслали.

— Тогда в семь в вестибюле при полном параде.

— При полном — не получится. Если заезжать домой — раньше восьми не ус-

пею. Так что предстану перед бомондом в рабочей спецодежде.

— Знаю я твою спецодежду, что ж, будем отбиваться от женихов.

— Или не будем?

Барышни дружно рассмеялись.

* * *

В столице Черепанов чувствовал себя вполне уверенно и комфортно. Уровень доходов позволял себя особо ни в чём не стеснять, а наличие друзей делало город более комфортным, уютным и приветливым. Но эта поездка задалась какой-то особо импровизированной, что ему очень даже нравилось. Иван почувствовал, что жить правильно и в точном соответствии со здравым смыслом и прагматичными графиками — скучновато.

К своей аспирантке Ольге он давно начал присматриваться, но, как опытный "охотник", не спешил.

Увидев Ольгу в первый раз, Иван несколько расстроился. Девушки с такими замечательными внешними данными обычно отличаются леностью, завышенной самооценкой и не очень хорошим характером — так подсказывал ему житейский опыт. А тратить время на эту заочницу, выполнять работу за неё в пла-

ны Черепанова не входило. Заводить романчик в обмен на хлопоты и головную боль было бы неправильно, тем более дефицита на этой ниве он никак не ощущал. Поэтому он выбрал проверенный и единственно правильный в данной ситуации способ: строгий деловой стиль общения. Справится — хорошо, не справится — её проблемы.

— Ольга Петровна, тема вашей диссертации "Развитие манипулятивных технологий в украинских телевизионных ток-шоу" предполагает и творческий подход, и большой объём рутинной работы. За ближайшие две недели вы должны найти и изучить зарубежные исследования, касающиеся этой тематики. В отечественной науке таких пока нет — это я вам сразу подскажу. Также вам следует изучить историю развития ток-шоу в мировой тележурналистике. И постарайтесь записать свой архив в хронологии. Начиная с эпохи распада Союза — Листьев, Молчанов, Познер, а потом уже Шустер, Киселёв, исконно наши — Куликов, Безулик, Герасимюк. Да, и найдите те передачи и ведущих, которые успели сойти с арены. Пиховшек и другие. Архивы нашей компании — в вашем распоряжении, сейчас по-

знакомлю вас с инженером видеомонтажа Денисом, он поможет. Вопросы?

Красивая Ольга Петровна, закончив конспектировать речь мэтра, как ни в чём не бывало спросила:

— Как вы считаете, Иван Сергеевич, передачу "Порта а порта", которую ведёт Бруно Вэспа, я в вашем архиве раскопать смогу?

— Сможете, — автоматически ответил ошалевший Черепанов, — кстати, знаете, что означает "Порта а порта"?

— Конечно. От двери к двери.

— Вот и замечательно. Тогда за работу!

Когда дверь за Ольгой закрылась, Иван вспомнил собственный экзамен по русскому языку в университете. Не то чтобы он всё выучил идеально. Автором учебника был Розенталь. Везде так и писалось "Д.Э. Розенталь". А Черепанов по своей дотошности вычитал в аннотации, набранной мелким шрифтом, что полное имя Розенталя — Дитмар Эльяшевич. Редкое имя он запомнил и ввернул на экзамене: "А Дитмар Эльяшевич по этому поводу в своём учебнике дал следующую классификацию..." Эта деталь так позабавила экзаменатора, что тот накинул Ивану балл и поставил "отлично".

Ольга на самом деле оказалась девушкой толковой и довольно трудолюбивой...

Это была их первая совместная поездка на острова. Вначале Черепанов планировал просто отдых. Перелёт из Луганя в Киев, а через несколько часов из другого терминала аэропорта "Борисполь" — в тёплые края. Но неожиданно у него нарисовались дела в столице, и Иван предложил новый план: он поедет в Киев пораньше, а потом там присоединится к Ольге. Но тут же выяснилось, что ей ну очень-очень хочется повидать киевскую подругу, встретиться с какими-то корифеями по теме своей диссертации и походить по театрам... и, разумеется, магазинам. Посему они приехали в столицу почти на неделю, дни бежали весело и насыщенно. На второй вечер коллеги вручили Черепанову приглашение на церемонию вручения новой и самой яркой журналистской премии "Викеликс джорналист Юкрейн" — за самую громкую сенсацию года.

Церемония должна была проходить в банкетном зале модного и супердорогого отеля "Евроконтиненталь". Будучи человеком небедным, но рациональным, Черепанов не позволил бы себе снять здесь апартаменты — это было бы как минимум

расточительно. Впрочем, когда-то у него здесь состоялось несколько деловых встреч — вход и в отель, и в ресторан был свободным. Тогда Иван заприметил здесь знакомого киевского пиарщика, который, видимо, для пущей важности, дабы поднять свой статус и расценки на услуги, назначал встречи именно здесь. При этом собеседники за его столиком чередовались, а недопитая небрежно отодвинутая чашка кофе оставалась неизменной. Как говорится, зачем платить лишнее?

Черепанов окинул Ольгу оценивающим взглядом и остался доволен своей спутницей. С такой женщиной не стыдно появиться на людях. Чёрное вечернее платье, серьги, кулон, кольцо, туфли — всё было нарядно, красиво, подчёркивало привлекательность, но не содержало признаков вульгарности. "Вкус — великое дело", — отметил про себя Иван, пока Ольга заботливо и как-то по-хозяйски поправляла ему галстук и ворот идеально выглаженной рубахи. Он вспомнил, как на одной из вечеринок оказался в обществе закомплексованной девушки, от поведения которой и ему было некомфортно.

Когда в качестве заказанного такси за ними подкатил дорогой и почти новый джип "Мицубиси" с шашечками, Иван

слегка ошалел. Он вальяжно расселся рядом с Ольгой на заднем сиденье. По пути Черепанов не удержался и задал водителю, приветливому, слегка лысоватому дядечке лет пятидесяти, чем-то схожему с артистом Николаем Губенко, мучавший его вопрос: "Скажите, пожалуйста, вы везёте нас за 40 гривен. Столько же мы заплатили бы, если бы нас доставили на "Ланосе" или другом дешёвом авто? Но если посчитать стоимость вашей машины, амортизацию, обслуживание, расход топлива — то, мне кажется, вы работаете в убыток. Или я чего-то не понимаю?" "Всё верно, — "Губенко" был рад поговорить. — А мне деваться некуда. До кризиса я на фирме работал. Хозяин платил прилично. Он и уговорил меня взять кредит и эту красотку купить, сто лет бы мне это нужно было. А через полгода он сдулся. Я же остался с машиной и кредитом. Продать её за те деньги, что взял, уже невозможно. Если банку её вернуть, то они её так оценят, что я ещё им должен останусь, хотя уже почти треть стоимости выплатил. А так — хоть как-то на погашение кредита зарабатываю..."

На прошлой неделе немного повезло — американцев катал три дня. И знаете, что их больше всего впечатлило? Не му-

зеи, не церкви. Поездка на дамбу. Это в районе Конча-Заспы. Там выросли, как грибы, не сотни — тысячи особняков стоимостью в несколько миллионов "зелени". Земснаряды фугуют день и ночь, прокладываются собственные реки, и всё это якобы в бедной стране. И поразило их, что владеют этими дворцами преимущественно чиновники..."

В этот момент они въехали на ярко освещённую, выложенную из дорогой брусчатки площадку перед "Евроконтиненталем", и шустрый швейцар ретиво бросился открывать заднюю дверцу. Иван неспешно, давая швейцару подождать столько, сколько потребуется, выдал довольному водителю полтинник, выйдя, уверенным жестом подал руку Ольге и, дав возможность швейцару услужливо открыть перед ними нарядную дверь, сунул ему в руку пятигривенную купюру. В холле в свете сотен лампочек — их, казалось, невозможно было сосчитать — невероятных размеров хрустальной люстры суежилась разношёрстная публика. "Сколько всё же в этой люстре лампочек? Сколько она весит? Сколько стоит?" — эти вопросы профессионального любопытства остались без ответа, потому что Иван уже с кем-то здоровался и представлял свою спутницу.

Ей явно льстило, что и в столице на такой элитной тусовке Иван был, как рыба в воде.

Они спустились по мраморной лестнице в банкетный зал. В углу расположилось трио молодых скрипачей, довольно виртуозно наполнявших звуками собрание.

Вручение премии — чека на 50 тысяч евро — сопровождалось речами англоязычных руководителей международного фонда, которые озвучивал картавый переводчик с монотонной интонацией и нетипичным ударением, явно раздражавший Ивана. А может, Черепанов выплёскивал на него досаду, на самом деле адресованную герою церемонии? Может, он завидовал этому щуплому, довольному пареньку в дырявых джинсах, который стоял на сцене? Конечно, лауреат обнародовал в Интернете тайные контракты Украины на поставку оружия режиму одной из африканских стран. Интересно, рисковал ли он жизнью, добывая эти материалы, обжигал ли пальцы, когда доставал горячую головешку из огня? А может, ему кто-то элементарно "слил" эту самую информацию — и весь тебе героизм. С такими материалами и он, Черепанов, такую бомбу взорвал бы! Да где ж их взять-то?

Тем временем официальная часть подошла к завершению. Зал, заполненный известными политиками, артистами, шоуменами, гудел всё сильнее. Чревоугодие и возлияния достигли апогея. И, как всегда бывает на подобных мероприятиях, у богато сервированных банкетных столов публики оказалось несколько больше, чем предполагалось: штатные тусовщики с важным видом просачивались по ходу банкета, когда контроль ослабевал. За столом было не то чтобы тесно, но плотновато, Ольга неожиданно встретила университетскую подружку и увлеклась болтовнёй с ней. Черепанов, пользуясь моментом, сказал, что отойдёт в другой конец зала пообщаться с киевским другом — ведущим программы "Дуэль" Костиком Журбой. Когда они с Костиком, обменявшись традиционными колкими подковырками, воодушевлённо подняли бокалы с виски и Иван неосмотрительно выдвинул локоть, он почувствовал, как кого-то задел, и повернулся, чтобы извиниться. И наткнулся на обворожительный взгляд чуть улыбающихся оливковых в глаз.

— Извините, — Иван растерянно улыбнулся.

— Пустяки, можете подать мне вон то канапе. Не в плане компенсации, это

слишком мало, — рядом с Иваном стояла девушка лет тридцати. Но было в ней что-то, его застопорившее. Какие-то флюиды.

"Вот так всегда, — подумал он, — обязательно такие встречи случаются не тогда, когда надо".

Судя по всему, она была с подругой. В этот момент Ивана окликнул Костик. А через минуту, заметив, что его ищет взглядом Ольга, Черепанов решил сам ретироваться. Ему почему-то не хотелось, чтобы девушка видела, что он не один.

По пути его поймала пресс-секретарь Центризбиркома, к их компании присоединилось ещё пару друзей — и понеслось-завертелось. Интеллигентные музыканты, оставив инструменты, тем временем начали налегать на коньячок. Как только распорядители покинули вечеринку, официанты стали деловито уносить со столов снедь и напитки. Черепанов вполглаза наблюдал за девушкой, поразившей его воображение. Её с подругой развлекали двое бойких высоких мужиков. Иван даже слегка приревновал, но вскоре переключился на свою компанию, которую они с Костилом наперебой заводили своими шуточками. Соскучился он по этому бесшабашному братству!

Глава 2

ВЗРЫВ

Василий Кондратьевич давно задавался вопросом, почему некоторые его думы через время материализуются. Не то чтобы он был пророком, нет, но порой ни с того ни с сего его посещали мысли, не имеющие никакого отношения ни к ситуации, в которой он находился, ни к его ближайшим планам. Вдруг перед глазами появлялась картинка, смысл которой он понять не мог. Поначалу Кондратьич не придавал этому значения. После аварии на шахте, когда из бригады выжили только он и Серёжка Фролов, зеленый и необученный выпускник техникума, такое стало случаться с завидным постоянством.

Уже почти десять лет прошло со времени того проклятого взрыва. Смена работала как обычно, всё шло по плану, и сигнализация вела себя спокойно. Её не заглушали в этот раз: после череды аварий на других шахтах о практике отключения датчиков метана в лавах забыли. Взрывы уносили всё больше жизней, и никому не хотелось стать следующим.

Они работали в самой нижней точке шахты. Глубже было только тело Земли,

которое шахтёры беспощадно сверлили и дробили в поисках чёрного камня, который когда-то был обычным деревом. "Как этот древний лес попал на глубину более километра и за миллионы лет окаменел?" — Кондратьич, несмотря на своё пролетарское происхождение, иногда задавался такими глобальными вопросами, что сам удивлялся.

Земля мстила им горячим воздухом — за сорок и пыталась предупредить о своём недовольстве постоянным потрескиванием кровли. Но горняки — народ закалённый. После некоторого опыта работы под землёй чувство опасности обычно притупляется. Одним для этого нужно три или четыре раза спуститься в лаву, другим требуется месяц или больше, а есть такие, что не могут побороть чувство естественного животного страха перед глубиной. Ну что ж, бывает... Тогда на поверхности трудись. Но всё равно — на шахте. Она кормит всех. Нет другой работы в их родной глухомани.

Ничего необычного не происходило, все находились на своих местах, до конца смены оставалось не более получаса, когда ударила стена горячего воздуха вперемешку со смогом угольной пыли...

Кондратьич пришёл в себя уже на носилках в клети. Горноспасатели достали его одним из первых — он и новичок Серёга оказались дальше всех от эпицентра взрыва.

Резкий свет болью ударил по пропитанному угольной пылью векам. Глаза Кондратьича были закрыты, но от этого боль в них не уменьшилась.

— Отец, держись! — спасатели, услышавшие стон, поняли, что шахтёр пришёл в себя, и ускорили шаг.

Свежая струя весеннего воздуха стала самой большой радостью в жизни Василия Матвеева. Без малого тридцать лет он спускался под землю и всегда поднимался оттуда сам, своим ходом. А теперь, когда до пенсии осталось всего ничего, его выносят сынки-горноспасатели. "Это хорошо ещё, что не вперед ногами..." — Кондратьич всегда находил плюсы в самых, казалось, неприятных ситуациях.

До сих пор Василия Матвеева считали самым везучим на шахте. Уж сколько раз миновала его беда. То срочно бежит устранять неисправность, а на том месте, где он только что стоял, происходит обвал. То дочь внука подарила и с зятем так отметили, что на следующий день не было смысла идти на работу, а электровоз дал

искру — и рванул метан. И таких случаев было много, но травмы, тяжелее, чем перелом указательного пальца правой руки, Василий Кондратьевич так никогда и не получал. И то засмеяли его потом — мол, дверью прибил на поверхности.

— Василий, Вась... Боже мой... Живой вроде... — женский плач рекой потёк по шахтному двору.

— Как там, сынки? — старики шахтёры боялись задать горноспасателям главный вопрос — выживет ли смена.

— Грит, завалило сильно...

— Боже, Боже! Сколько же тебе ещё нужно забрать наших мужиков? Когда ж ты уже наешься? — тучную женщину, плачущую навзрыд, подхватили рядом стоящие люди...

Эта авария была, конечно, не первой, и все понимали, что она не будет последней. И когда по посёлку быстрее любовью самой правительственной телеграммы разнеслась весть о беде, люди, следуя отработанным поколениями ритуалу, кинулись к шахтному двору, кто в чём был. Женщины в тапочках и домашних халатах, замотав головы в серые пуховые платки, стояли кучками. У одних лица были скованы каменной маской скорби, другие дали волю слезам. Громче всех го-

лосили те, которые знали точно, что их мужики находятся внизу. А деды и счастливы, которые пришли на следующую смену, одну за другой курили "Приму" и пытались прояснить хоть какие-то подробности.

Эти люди, объединённые общим горем, понимали, что платят очередную дань подземелью. Так же, как их отцы, как их деды, они плакали над погибшими, но знали, что всё равно, когда закончатся спасательные работы в аварийной лаве, они опустятся туда снова и ничто не изменит их жизнь.

Как обычно в таких случаях, штаб ликвидации аварии вывесил список тех, чьи жетоны остались на поверхности. Здесь было теснее всего. Одни, пробежав глазами список с фамилиями, как бы стесняясь, что не нашли в нём своих, тихонько крестились и отходили в сторону со слезами счастья. Другие, увидев фамилию, подтверждавшую самые худшие мысли, впадали в отчаяние, умоляя Всевышнего вернуть на поверхность мужа. Или сына. Или обоих. Это было страшнее всего. Такие жены и матери либо падали тут же, теряя землю под ногами, либо в бессильной ярости колотили закрытые двери ненавистной шахты, как будто она, проклятая,

вернёт им самых родных людей в страхе перед гневом человеческим.

Жёлтые автобусы горноспасательной службы — эти ненавистные вестники горя — выстроились в ряд и только добавляли трагизм. Бабоньки, подходившие на шахтный двор, видели их краснополосые бока и понимали, что раз столько их наехало, то беда внизу большая. Скорые реанимобили лимонного цвета также выстроились в ряд в сторонке, экипажи их с надеждой смотрели на выход, им теперь хотелось иметь на своём борту больных, как это ни казалось странным... Если в "скорую" попал, значит, жив ещё...

Смена за сменой горноспасатели ходили вниз, разведка докладывала ситуацию в штаб, но на шахтный двор доходили скудные вести: взорвался метан, обвал, 23 человека в лаве, горение в эпицентре взрыва, разрушения сильные.

Василия Матвеева вынесли первым. Накрытый одеялом, он не понимал, что происходит, потому что весь состоял из боли. Она была везде, но, похоже, начала отступать, так как он пришёл в себя. Ещё под землёй ему оказали первую помощь, укололи обезболивающее, перелом или переломы были очевидны и без рентгенаппарата — уж очень неестественно выгля-

дела его правая нога, голова была окровавлена вместе с осколками каски и коногонки — шахтёрского фонаря.

Шёпот пронёсся волной по толпе земляков: "Жив Василий, слава Богу... Счастливый он всё же..." И снова зарыдали женщины, которые никак не хотели представить себя вдовами.

— Мой-то где трудился, когда рвануло, Вась? — чьи-то заплаканные глаза с мольбой смотрели на покрытое кровью и грязью лицо Матвеева, но Кондратьевич не мог разлепить обожжённые губы и виновато улыбнулся уголком рта: "Не знаю я. Не помню. Простите". Наверное, его поняли правильно.

— Товарищи, пропустите, пропустите, он не может говорить, он только что в себя пришёл...

Голубое небо сменилось белым толчком реанимобиля, потом и без того разрывающаяся от боли голова раскололась на несколько частей от воя сирены, лица врачей склонились над Кондратьичем, и он поплыл... Только на сей раз на душе было спокойней. Его теперь спасут. Точно спасут.

* * *

Ожоговый центр областной больницы был хорошо оснащен. Страна не жалела денег на оборудование отделения, в котором спасали выживших в аду. Светлые свежеекрашенные стены, современные каталки, двери, не издающие ни единого скрипа, — это всё резко контрастировало с темнотой подземелья, груканием электровоза и звуками, которые издавала закрывающаяся клеть.

Василий Кондратьевич снова пришёл в себя уже на специальном матрасе в палате ожогового отделения. Он лежал голый, обработанный какой-то пеной, нога была опутана железными скобами, а голову сдавливала тугая повязка. Глаза болели уже не так резко, свет в лицо не бил, а лился откуда-то из кармана в потолке и был мягко-жёлтого цвета.

"Я жив, это точно", — Кондратьич констатировал самый радостный на данный момент факт.

Мозг, раскалываясь от боли, всё же дал несколько команд телу. Для начала нужно удостовериться, что всё на месте. Поднять голову Матвеев, правда, не смог.

"Так. Правая рука", — пальцы пошевелились, подтвердив, что они и всё, что соединяет их с телом, на месте.

"Левая — хорошо... болит, но работает".

"Правая нога... ух ты... Плохенько. Там непорядок".

"Ладно, болит, значит, на месте".

"Левая нога", — мозг заканчивал ре-визию и остался более или менее доволен комплектацией своего уже немолодого тела. Все конечности были при нём, похоже, что нога пострадала больше всего, но как же раскалывается голова!

Слева монотонно пикал какой-то аппарат, раздражая высотой звука.

По приближающимся мягким шагам Кондратьич понял, что у него гости.

Над ним склонилось лицо в маске, явно женское, с очень красивыми глазами. Василий Кондратьевич хватанул воздух ртом, когда вспомнил, что лежит абсолютно голый, и, наверное, густо покраснел. Знать он этого не мог, но так подумал. "Во как, в другом месте, может, и рад был бы, а тут лежу, как на площади, достоинством кверху".

Маска будто прочитала его мысли и произнесла:

— Не переживайте, вас накрыли. Сейчас это не главное, не смущайтесь.

— Где я?

— В Лугани. В областной больнице.

— Что со мной?

— Ожоги около 30 процентов тела, неглубокие, перелом правой ноги и черепно-мозговая травма.

— Кто-то ещё здесь есть из ребят?

— Сергей Фролов.

— И всё?

Маска в это время с помощью тампона и длинного медицинского зажима обрабатывала ожоги на лице.

— Постарайтесь не разговаривать, так лучше будет заживать.

— И всё? Скажите!

— Пока так. Идут спасательные работы.

— И?

— Вот вы упёртый! Я же прошу! Не разговаривайте, пожалуйста. Будете отвечать только тогда, когда профессор вас о чём-нибудь спросит. Вам следует как можно меньше задействовать мышцы лица.

— Тогда догадайтесь сами, о чём я хочу спросить, и расскажите всё сразу.

— Достали 16 человек, из них пока только вы двое живы. Судьба остальных неизвестна. Чем дальше идут спасатели, тем сложнее условия. Шансов почти нет, говорят. Так что, можно сказать, вы счастливцев. Вам меньше всего досталось. Фролов очень тяжёлый.

Матвеев и на этот раз выскочил из могилы. Всё-таки бережёт его какая-то сила. А вот ребята... Хорошо, если сразу. Бац — и всё... Кондратьич много раз представлял, как это — быть при памяти и знать, что ты погребён завалом. Нет, уж лучше сразу. И ещё не хотелось бы сгореть заживо. Пусть уж резко пару десятков тонн породы на голову, чтобы наверняка. И в сознание не приходите.

"Чего это я... Уже всё хорошо..." — испытывавший сильную боль организм брал своё, и Кондратьич заснул...

* * *

Вот уже пятьдесят дней хамсин — жаркий ветер, несущий песок и жар из пустыни, мучил плодородные земли великого Нила. Он дул с той стороны, куда каждый день в своей дневной ладье Манджет бог Ра, плывущий по небу, увозил солнце. Жизнь в Мемфисе (столица Древнего Египетского царства) и его окрестностях в это время замирала. Все ждали наступления первого дня месяца тот, когда священная звезда Сириус после семидесяти дней отсутствия вновь появится на небосклоне и возвестит о большом разливе. Вскоре Нил станет мутно-зелёным, а затем его высокие воды окрасятся в кроваво-красный

цвет и принесут из своих верховий много ила, и всё закрутится заново — буйволы потянут мотыги, земледельцы будут идти следом, погоняя их плетью и разбрасывая семена. Вся жизнь царства зависела от того, насколько много ила принесёт река.

Хемиуну каждый год в это время обязан был явиться к великому фараону Хуфу и доложить, как продвинулись работы по возведению пирамиды. Несмотря на то, что главный архитектор строительства Большой пирамиды Хемиуну был племянником ставленника бога Ра, каждый раз он ждал этой встречи с трепетом. Двадцать лет назад, когда место для строительства было выбрано на плато возле Гизы, Хуфу пожелал, чтобы его гробница была не только непревзойдённой по величию, но и надёжно защищённой от воров, которые с завидным постоянством, несмотря на все мыслимые и немыслимые проклятия и ловушки, умудрялись доставать сокровища фараонов из гробниц в долине царей. Этих людей не останавливала ни кара богов, ни перспектива жестокой расправы на Земле в случае поимки. Зная, что его творение станет целью для грешников, желающих добыть сокровища, Хемиуну задумал пирамиду так, чтобы никто не смог проникнуть в её сердце, не

зная чертёж. Свитки архитектор хранил в своём неприступном замке, в месте, известном только ему одному.

Великий фараон ждал его, чтобы познать тайну своей пирамиды.

Восемь рабов с носилками, на которых восседал Хемиуну, вышли на аллею дворца фараона. Впереди виднелись ступени и величественные колонны с вратами, за которыми суждено было побывать лишь избранным. Наместник бога Ра окружил себя исключительно проверенными людьми, в основном родственниками и ещё (от этого никуда не деться) верховными жрецами — хранителями вековых тайн династии.

Стражи молча преградили путь архитектору, вопросительно глядя исподлобья. Леопардовые накидки через одно плечо свидетельствовали, что это не простые воины, а лучшие из лучших — личная охрана фараона.

— Хемиуну, — архитектор назвал своё имя, и стражи пропустили его.

— Великий Хуфу ждёт Вас, Хемиуну. Следуйте за мной, — слуга почтено поклонился и повёл гостя.

Одни за другими открывались тяжёлые, высокие створки дверей, давая до-

ступ в новые залы, каждый из которых был украшен богаче предыдущего.

В конце пути их ждали тяжёлые кедровые двери, обитые золотом, закрытые в знак того, что за ними находится нечто священное. Слуга стал вполборота и ещё раз почтено поклонился, указывая на вход. За всем этим пристально наблюдали стоявшие по обе стороны воины.

Другой слуга раскрыл створки дверей, и перед архитектором предстал тронный зал фараона, в центре которого восседал сам Великий Хуфу, наместник бога Ра на земле. Чуть поодаль стояли рабы, одетые в расшитые кожаные передники. Они неспешно помахивали большими опахалами, отгоняя зной от восседавшего на троне фараона. Его массивная золотая корона символизировала верховную власть Египта, но каждый вошедший сюда и так понимал, какой чести удостоен.

Хемиуну сделал несколько шагов по направлению к трону и присел в почтительном поклоне.

— Приветствую тебя, великий повелитель обеих земель, да пребудет вечным царство твоё...

— Ты можешь подняться, Хемиуну.

Архитектор встал с колен, но всем своим видом продолжал выказывать почтение к царственной особе.

— Подойди ближе, племянник.

Хемиуну сделал ещё два шага к величественному трону, высеченному из белого камня.

— Прошёл год с той поры, когда мы последний раз виделись. Мне жаль, что заботы о процветании Египта не позволяли мне сделать это раньше, но пора подумывать и о своём будущем...

— Всемогущий Хуфу, я готов раскрыть тебе тайны пирамиды. Все свои знания я применил для того, чтобы твой дом в новом мире был безопасным и самым величественным среди усыпальниц царей Египта.

Фараон пристально смотрел на архитектора, скудное освещение тронного зала только подчёркивало блеск золота его одежд, а змея на короне, служившая во всех династиях символом власти, хищно смотрела на гостя, расправив свой синий капюшон.

— Я не ошибся в тебе, Хемиуну, ты уже двадцать пять лет служишь мне верой и правдой. Пирамида, которая теперь своими белыми гранями раздаёт свет над долиной великого Нила, — это символ влас-

ти великой династии над всеми смертными, это вдохновение для архитекторов будущих поколений и загадка для всех, кто не будет посвящён в её тайны. Это твое детище, Хемиуну, и ты заслужил награду.

— Но пирамида еще не закончена, великий фараон. Я готов принять из твоих рук и кару, и награду, но я прошу дать мне закончить работу, и только потом, если ты считаешь нужным, приму щедроты твои.

— Ты, как обычно, честен со мной, племянник. Сколько тебе потребуется времени для окончания работ?

— Я уверен, великий наместник бога Ра, что к следующему разливу Нила строительство пирамиды будет окончено, и ты сможешь созерцать её во всем великолепии.

— Значит, тебе нужен всего год?

— Да, мой царь.

— Через год, когда ты сможешь предстать передо мной с хорошими вестями, ты получишь десять талантов и двести рабов.

Хемиуну почтительно преклонил колени.

— Твоей щедрости нет предела, мой повелитель...

В действительности архитектор и его семья уже давно ни в чём не нуждались. Просторный дом в Мемфисе, слуги и рабы, земельные угодья. Он мог позволить себе содержать театр, в котором комедианты и фокусники давали представления не только для него, но и для прочей местной знати. Всякому представлению предшествовали возлияния из винных запасов его поместья, и каждый раз хозяин удаивался похвал, ибо его винодел был лучшим в округе. Регулярные и немалые его жертвоприношения в сокровищницу храма святого Амона способствовали тому, что каста жрецов прониклась уважением к архитектору, но всё же по мере возвышения пирамиды над плато, с каждым новым её уровнем эти отношения всё больше охлаждались.

Сам Хемиуну понимал, что священнослужители никогда не допустят в свой круг чужака, тем более — настолько образованного, как он, да и не хотел он этого. Его родственные связи с фараоном теперь, когда Египет оказался на грани разорения, являлись скорее недостатком, чем достоинством. И причина этого была и в самом главном архитекторе великой пирамиды — Хемиуну. Это он придумал, как создать самое величественное строе-

ние за всю историю человечества, это он выбрал для неё место на плато недалеко от Гизы. Место, где твердые скальные породы возвышаются над зелёной дельтой Нила, там, где заканчивается жизнь и плодородие Земли и начинается смерть и жар пустыни, на границе двух миров — настоящего и потустороннего, царём которых мог быть только один человек — его дядя фараон Хуфу.

Несмотря на это, подарок от Хуфу был поистине царским — десять талантов — целое состояние, о рабах и говорить не приходилось — в последнее время всё меньше им доставалось еды, а работы меньше не стало.

Хемиуну поднялся с колен и выпрямился перед повелителем.

— Потом будешь благодарить, племянник, — фараон пристально смотрел на него. — Говорят, что, помимо таланта строителя, есть у тебя еще один необычный дар, не присущий учёному, знающему точные науки.

Хемиуну напрягся.

— Дар, мой повелитель, — это возможность оставить после себя след для потомков, а то, чем меня наградил всевышний, — это мучение...

— Почему ты скрывал от меня свои способности провидца, Хемиуну?

— Негоже слуге знать то, что ему не положено, мой фараон. Только ты один можешь знать истину, а я всего лишь служу твоим делам и славе твоей.

— Ты скромн. Это похвально. Но это правда, что ты задолго предсказал последнее землетрясение?

— Нет, мой повелитель, предсказать — значит предупредить. Я всего лишь догадывался о том, что оно произойдет.

— Ты лукавишь со мной, Хемиуну!

— О величайший! Как я могу? Мои знания материализуются только в твоих интересах, их слишком мало для того, чтобы увековечить твоё величие. Ты знаешь, мой царь, над пирамидой работает много учёных мужей, которые знают всё о звездах и правилах их движения по небу. Без опыта многих поколений египтян мы не смогли бы даже правильно расположить пирамиду на плато, но мы поставили её безошибочно, это показывают измерения, которые мы делаем каждый год. Вот это — способности людские, а мои видения — это мои проклятия, я не хочу их видеть! Знать будущее — удел жрецов, имеющих доступ к святыням в храмах, только они

достойны божественных провидений, я же простой учёный — слуга твой.

— И всё же? Я хочу всё об этом знать!

— Да, мой повелитель... Я предчувствовал землетрясение...

— Почему ты скрыл это?

— Посылать наказание египтянам может только бог и ты, его воплощение на Земле. Какой же смысл в наказании, если его можно избежать?

— Ты мудр к тому же, Хемиуну ...

— Я знал, что боги пошлют нам наказание, но единственное, что я себе позволил, — это обезопасить пирамиду. Все непрочные конструкции укрепили, новые блоки не поднимали, и людей со строительства я тоже посмел вывести.

Фараон смотрел на архитектора с восхищением и осуждением, смущая Хемиуну колючим царским взглядом.

— И Аменеминт, верховный жрец, тоже не знал, что кара придёт на земли Египта?

— Я не могу говорить за другого, тем более, такого просвещённого и мудрого, каким является хранитель верховных тайн... Глубина его знаний не вызывает сомнений, он...

— Не говори ничего! Аменеминт наверняка знал об этом! Хитрец решил, что

он более приближён к небесам, чем я! Что он возомнил о себе? Он теперь говорит, что эти наказания — землетрясение, засухи — связаны с гневом небес, которые якобы недовольны тем, что пирамида сделала египтян ближе к богам!

Хемиуну весьма предусмотрительно замолчал и опять принял почтенную позу. Присутствовать при взрыве ярости фараона — сомнительное везение. Хуфу многих людей лишил жизни в таких приступах, не желая разбираться, в чём состояла истина. Архитектора хранили узы родства с Великим, но испытывать их прочность ему вовсе не хотелось.

— Как ты узнаешь будущее, Хемиуну?

В воздухе тронного зала повисло молчание.

Что ответить царю? Архитектор выпрямился, но голова его осталась преклонена.

— Великий Хуфу! Не в моих силах объяснить, как это происходит. Изредка меня посещают видения... Иногда просыпаюсь среди ночи от мыслей тяжёлых, иногда — глядя на человека, радуюсь, что боги пошлют ему счастье. Знаю точно: причиной тому моя кошка Гепа.

— Священное животное помогает тебе смотреть в грядущее?

— Точно так, мой повелитель... Без неё никогда не посещали меня такие мысли. Все предположения я могу делать только тогда, когда она рядом.

— Что ещё ты предсказал? Как давно боги одарили тебя видениями?

— Несколько лет назад, мой господин, меня свалила болезнь, неведомая египтянам. Почти месяц родные выхаживали меня всеми известными способами, но помог мне только лекарь Саисе. Он открыл глубины моего черепа и дал духам болезни и зла покинуть моё тело. Потом я пошёл на поправку, а вот кошка не отходила от меня ни на минуту. Это она вылечила меня, я не сомневаюсь. Саисе сказал, что не ведомы ему случаи такого быстрого выздоровления. А что до предсказаний — я не знаю, это грёзы или пророчества — не могу проверить большую часть из них, да и мысли мои только о пирамиде.

— И что же говорят твои мысли?

— Пирамида будет стоять вечно, мой повелитель, до тех пор, пока цела будет под ней земля. Многим поколениям предстоит восхищаться твоим творением, божественный фараон. Тайну свою пирамида не откроет ещё очень-очень долго, и

покой твой не нарушится. Племена дикарей станут искать путь к твоей сокровищнице, но правильного не найдут. Для них мы построили нисходящий коридор и ложную гробницу, в которой, когда придёт время и великий фараон станет повелевать миром небесным, мы устроим несколько ловушек и оставим покоиться несколько скелетов. Любой вошедший туда будет считать, что до него в гробнице побывали воры, а потому не найдёт ничего существенного. Со временем пирамида потеряет белоснежные одежды и позолоченный камень в своей главе, но от этого она не станет менее величественной. Сняв белые одежды, она поможет отстроить город у своего подножия, город, который она всегда будет хранить. И так, Великий Хуфу, ты позаботишься о народе своём, да будет царствие твое вечно...

— Зная будущее, ты сконструировал пирамиду так, чтобы она стояла вечно? — фараон с восхищением смотрел на племянника, стараясь сохранять величественное выражение лица. — Воистину, тебя мне послал сам Амон!

— Точно так, мой повелитель. В ходе строительства я умышленно допустил несколько изменений. Они не отражены в чертежах, которые находятся в храме

Птаха, у верховного хранителя тайн Аменеминта. Жрецы не всё знают об устройстве пирамиды. Вся правда о ней — здесь...

Архитектор достал приличной толщины рулон свитков и возложил его к ногам фараона.

— Папирус не вечен, мой господин, но я не решился высечь эти тайны на табличках. Божественная воля и ум повелителя великого народа подскажут тебе, как поступить со свитками, но знай всегда, что здесь, — Хемиуну показал пальцем на свою голову, — хранится оригинал этих планов. Я готов забрать его с собой, когда боги прикажут мне плыть в неземной мир. И я обещаю, мой фараон, что никто и никогда не узнает то, что я храню в голове.

Хуфу встал с трона, архитектор застыл в почтенной позе.

— Я рассчитываю на тебя, Хемиуну. Для продолжения славы династии мне недостаточно знаний визирей и жрецов, лекарей и астрономов. Мне нужны твои сны. Повелевать обоими мирами можно, только если знаешь будущее. И это будет второй нашей тайной, племянник. О том, что ты рассказал мне и еще расскажешь, не должен знать никто, а тем более — жрецы.

Владимир Иванович Лукьянец никогда не считал себя трусом или предателем, но на этот раз выйти на шахтный двор долго не мог. Он уже семь лет был директором одной из самых глубоких в Донбассе шахт. Свыкся с вниманием учёных, прессы, но к авариям привыкнуть не мог. Каждый раз, когда нужно было сделать шаг за дверь и сказать, что шансов найти живых больше нет, он собирался с мыслями так долго, как будто шёл на собственную казнь.

Шахта "3-я Глубокая" после того, как перешла отметку 1000 метров, приобрела репутацию убийцы. Раз в несколько лет там начали происходить случаи массовой гибели шахтёров. Учёные и инженеры корпели над грудями бумаг и десятками квадратных метров чертежей, пытаясь понять, почему ранее самая безопасная шахта так круто поменяла свой нрав. Экономисты считали себестоимость ставшего таким драгоценным угля, а сухая статистика выдавала стоимость тысячи тонн угля, измеренную в количестве шахтёрских жизней. Все эти цифры росли постоянно, но тем не менее уголь, который добывали на шахте, был по своим качествам самым лучшим в стране. А там, где есть государ-

ственный интерес, нет места сомнениям — так учили Лукьянца со времён Советского Союза.

— Итак, сейчас мы должны принять решение. Есть хоть малейший шанс спасти тех, кто числится пропавшим без вести? — заместитель министра угольной промышленности Станислав Васильевич Журавский, возлаживший штаб по ликвидации аварии, был печален, но вполне спокоен.

В воздухе повисло молчание.

— Владимир Иванович, доложите обстановку по состоянию на десять часов утра, — замминистра говорил негромко, но все слышали каждое его слово.

— Спасательная операция длится десятые сутки, из двадцати трёх горняков на поверхность подняли двух живых и четырнадцать — без признаков жизни. Судьба ещё семи человек нам не известна, хотя на самом деле... не будем себя обманывать надеждой. Пожар в лаве продолжается, температура около тысячи градусов.

— Каково мнение горноспасателей?

Встал командир отряда горноспасателей. Опустив глаза и понимая тяжесть своей миссии, он сказал то, что рано или поздно говорить приходится:

— Дальнейшее проведение спасательной операции в связи с условиями пребывания бойцов считаю невозможным. Шансов найти кого-либо живым — ноль. Там пекло. Смысла пытаться достать останки тел, рискуя потерять кого-то из бойцов, не вижу. Да и вряд ли эти останки сохранились: крематорий там... Предлагаю ставить перемычку.

Постукивая ручкой по столу, замминистра взял паузу.

— Скажите, Владимир Иванович, наша совесть чиста?

— Всё, что возможно, мы сделали.

— Ну что ж... Приступаем к монтажу перемычки. Я выйду к прессе, поясню ситуацию, а вас, Владимир Иванович, попрошу подготовить встречу с коллективом, с родственниками погибших. Наверное, будет правильно, если правду они услышат от вас, своего земляка.

"Другого и быть не могло..." — Лукьянец знал, что самое тяжёлое достанется ему, и кто-либо из зала обязательно выкрикнет в его адрес слово "убийца". Таков его крест. Такова плата за достаток семьи, учёбу в престижных вузах детей, хороший автомобиль, возможность управлять производством, отдыхать на дорогах зарубежных курортах и чувствовать причаст-

ность к некой элите с вытекающими отсюда перспективами...

— Соберите народ в актовом зале на 16 часов...

Тучный Лукьянец вовсе не казался жирным из-за хорошей подвижности. Особую выразительность придавала ему и бурная жестикуляция — даже во время прохождения службы в армии он толком не научился держать руки по швам. Жена заранее извлекла из гардероба приготовленную для таких случаев чёрную траурную рубашу. Поначалу она не знала, как правильно вести себя в подобных ситуациях. Каждое её слово злило мужа, безжалостно срывавшегося на неё резким ором. Но молчание оказывалось ещё более тягостным. Позже она решила: уж пусть покричит на неё, раз ему так надо, в конце концов, ему всё равно тяжелей, а так она выступит в роли громоотвода. А к вечеру всё равно отойдёт, приголубит и скажет: "Ты, мать, не серчай, что сорвался" — и новое кольцо подарит.

Пока супруга завязывала галстук и что-то говорила с успокаивающей интонацией, Лукьянец продумывал свою речь: где сделать паузу, где дать выход волнению, где говорить приготовленный текст без остановки роботом, но главное — пре-

вратиться в тень и ничего не слышать, не слушать, испариться. А через три-четыре дня мотануть в соседний городок Зимнее — к Наташке. Подарить ей цепочку золотую. Забить продуктами холодильник. И наслаждаться её — кто знает — может, и искренним звонким смехом. Несмотря на разницу в возрасте, она, кажется, на самом деле радовалась их встречам. Пока он её не приметил, торговала мороженым в парке. Интересно устроены женщины. Интересно, дай ей его возможности, как бы она с ним поступила? А какая, в конце концов, разница? Мы что, лучше? Мы хитрим, они хитрят...

Тусклый свет актового зала шахты делал массу собравшихся серой и неприветливой. Женщины попеременно с мужчинами стояли в проходах — зал предназначался для торжественных мероприятий и не был рассчитан на такое количество людей.

С трудом протискиваясь сквозь толпу, пытались занять удобное для съёмки место операторы местных и центральных каналов со штативами наперевес.

Президиум состоял из трех массивных столов двадцатилетней давности, нескольких скрипучих стульев и старенького советского микрофона, который многое

слышал в своей жизни: поздравления с юбилеями и трудовыми свершениями, но теперь ему предстояло услышать те слова, которые бы ему лучше не транслировать...

Лукьянец, командир горноспасателей и главный инженер вышли в президиум. Сотни пар глаз просвечивали их, как рентген. Для чего собрали?

Зажглись софиты камер.

Директор стал за трибуну, пальцем постучал по микрофону и услышал эхо из колонок. Сколько можно оттягивать этот момент? Ком плотно стоял под кадыком. Не помог и стакан с водой.

— Товарищи...

— Говори, не тяни, директор! Нет уже у нас слёз!

— Сегодня штаб по ликвидации аварии совместно с правительственной комиссией принял решение об окончании спасательных работ.

Рёв женщин, которых эта фраза лишила всякой надежды на спасение родных мужиков, разорвал тишину.

— Как же так? А если они живы?! — шахтеры вытирали грубыми ручищами уголки подкрашенных угольной пылью глаз — не железные они всё же, и слёзы им не чужды...

— Товарищи, уже нет шансов, мы можем лишь потерять горноспасателей.

— Гады! — средних лет вдову, поднявшуюся со своего места в зале, соседи пытались успокоить.

— Не нужно, Свет.. ты же понимаешь, ничего они не смогут сделать...

— Верните мне Женьку моего! Его там поджарило заживо, а вы тут сидите, в костюмчиках, в галстучках! — крик становился всё громче.

— Товарищи, поймите...

— Не хочу ничего понимать! Мужа верни!

— Товарищи, спасатели жизнью рисковали все эти десять дней ежеминутно, они сделали всё возможное...

— Зачем ты посылаешь их на смерть?! А следующим кто будет? Брат мой? — женщина срывалась на фальцет, ей не хватало вдоха, чтобы прокричать о своём горе. Голоса у вдовы вдруг не стало, и она, тихонько рыдая, сползла на потёртое сиденье...

— Не хочет шахта нас дальше пускать, уничтожит она нас, директор! — зал гудел, как улей, плач смешался с низкими тонами мужских голосов.

— В лаве будет установлена перемычка для предотвращения распростра-

нения пожара. С этого момента семь наших друзей будут считаться не пропавшими без вести, а погибшими на производстве... Со всеми вытекающими отсюда последствиями, — Лукьянец сквозь гул продолжал говорить то, что обязан был сказать, несмотря на подкатывающие слёзы. — Семьи всех погибших получат компенсации от государства...

— Какие деньги? Верни их!

— И дети будут пользоваться статусом детей погибших шахтёров.

Камеры телеканалов развернулись в сторону зала, бесцеремонно подглядывая за людским горем и страданиями.

— Прошу всех почтить минутой молчания память наших товарищей, погибших в этой страшной аварии...

Захлопали откидные сиденья, некоторые женщины, обессилев от горя, не смогли встать...

* * *

— Василий Кондратьевич... — шёпот медсестры совсем на ухо оторвал Матвеева от красивого сна, который пришёл к нему, наверное, в качестве награды за боль, пережитую в течение последних десяти дней. — Василий Кондратьевич, конечно, нельзя, но я не могла не пустить. Там ваша

дочь приехала. Что ж вы не говорили, что у вас семья есть? Вас же спрашивали, кого предупредить из родственников, что вы здесь. Эх, Василий Кондратьевич, бессердечный вы! Сейчас приведу, а то плачет навзрыд.

Матвеев очень любил свою дочь, это единственное, что осталось у него от любимой, так рано ушедшей жены Ольги.

Когда-то давно, когда Василий Матвеев пришёл из армии, недостатка в молодёжи посёлок не испытывал. Каждую субботу памятник вождю, выбеленный мелом, служил местом встреч местных барышень в нарядных ситцевых платьях и их кавалеров, шагающих вразвалку в широких штанах. Бюст Ленина возвышался над клумбой, украшавшей площадку перед гордостью посёлка — новым Дворцом культуры, недавно открытым к очередной годовщине Октября. ДК, или клуб, являлся очагом культуры не только самого Ивантеево, но и всех прилегающих окрестностей. Кино приезжало сюда каждую субботу. О том, какую картину ждать в конце недели, непременно знали председатель поселкового Совета Владимир Иванович Клименко и, конечно же, директор ДК Клавдия Дмитриевна — дородная тётка лет пятидесяти, которая курирова-

ла и поселковую библиотеку, расположенную там же.

После того, как чёрная эбонитовая трубка телефона в кабинете поселкового начальника сквозь треск помех таки прокрикивала название субботнего кино, Иваныч неспешно снимал с вешалки свою светлую шляпу (в холодное время года — чёрную) и размеренным шагом направлялся к Клавдии, дабы провести оперативку на предмет составления афиши. Ритуал совещания был незыблем, и только очередная мировая революция могла его изменить. Клавдия Дмитриевна давно и крепко страдала за председателем, но поселковые нравы были всегда консервативны, и, дабы не прослыть легкомысленной, она не афишировала свою недопустимую для работника культуры слабость. Владимир Иванович делал вид, что не догадывался о причинах избирательной хлебосольности Клавдии Дмитриевны, но варенье её ценил. Посему оперативное совещание всегда начиналось с чаепития.

Руководитель районного очага культуры неизменно делилась с шефом новостями из жизни местного бомонда за прошедшую неделю и, получив указания, звала местного таланта — Федьку Будыку.

Фёдор всегда готовился к оперативке и выглядел нарочито официально, хотя праздничная шляпа на его рязанской морде смотрелась смешно. Тем не менее Фёдор надевал на шею платок, завязывал его большим бантом, что подчёркивало его незаменимость. Толстовка с широкими рукавами висела на нём, как на вешалке, что его совершенно не смущало.

Разумеется, Фёдор и являлся художником. Только ему было дано знать, как правильно писать афиши. Но, как известно, труд художника — дело неблагодарное и прокормить не может, посему Фёдор работал в основное время на шахте. Он ценил своё хобби не только за возможность быть первым в курсе репертуара (что, без сомнения, придавало ему значимости), но и за шанс произвести впечатление на Иваныча, чья дочь Ольга давненько не давала спокойно спать молодому дарованию, хотя все попытки привлечь её внимание проваливались, как зимняя кампания Наполеона в 1812 году.

— О, Репин, заходи! — председатель сделал радушный жест.

— Всегда вы так, Владимир Иванович, а дело ведь серьёзное, дилетантов не терпит. Я работаю над постановкой кисти,

скоро жалеть будете, что не разглядели талант вовремя.

— Да, уж... Только как я пойму, что кисть твоя уже встала? — Иваныч разразился громким смехом от своей же остроты.

— Владимир Иванович... — Клавдия Дмитриевна никак не могла свыкнуться со специфичным юморком председателя и смущалась от его откровенных острот.

— А что? Я ведь по-доброму! Кадры, понимаешь, выращиваем, заботимся. Не только же молотком отбойным махать, так ведь, Фёдор?

— Так точно, Владимир Иванович! — любое доброе слово будущего (как он надеялся) тестя было Фёдору желанно.

— Только ты, Федя, мне дорого обходиться стал.

Фёдор почувствовал, что погода в кабинете директрисы стала резко портиться.

— Да я ж на полставочки...

— Содержит тебя, дорогой, страна, а я из-за тебя таблетки глотать должен. Успокаивающие.

— Да Бог с вами, Владимир Иванович. Что ж Федька мог натворить? — Клавдия тоже начала переживать.

— В прошлую субботу какое кино привозили, Фёдор?

— "Чапаев".

— Точно, а в эту знаешь, что привезут?

— Никак нет.

— "Щорс" привезут, Фёдор. Фильм о героическом командире Красной Армии времён гражданской войны.

— Так я готов...

— Федя, ты Чапаева, Петьку и Фурманова зачем в профиль в ряд изобразил? Тоже мне. Маркс, Энгельс и Ленин!

— Так я это... в городе такое видел, ну чего не добавить красного комиссара?

— Вот и добавил, демон! Как тебе сказать, не очень реалистично у тебя получилось. А инструктор горкома, товарищ Петряков, по дороге к теще углядел в этом шарж на главных идеологов коммунизма. Ты, Федя, уж очень не старайся в следующий раз, я тебя прошу. Давай как-то скромненько, без разночтений. Щорс, Федя, должен быть Щорсом, а не царём Николаем. Они похожи были, Фёдор, а при твоих способностях и ещё не поставленной кисти это может нам хлопот добавить.

— Я буду стараться, — Фёдор теперь выглядел не так убедительно, как во время примерки шляпы перед зеркалом.

— И вы, Клавдия Дмитриевна, уж приглядите за ним, сделайте милость. Я пойду.

Уже в дверях Иваныч обернулся и строго глянул на Федьку.

— А что, правда, говорят, Фёдор, что ты на Ольгу мою глаз положил?

К такому резкому повороту событий Фёдор не был готов совершенно, подтверждением чему стал его красный цвет лица.

— Ну.. Да...

— Не моё это дело, но смотри, Василий из армии вернулся, ждала она его, как обещала.

Клименко вышел, а ошарашенный Фёдор не мог поверить в своё несчастье. Нет, конечно, Ольга не давала ему ни малейшего повода для надежды, но ведь и "нет" она тоже не сказала. В кино с ним хаживала несколько раз, но максимум, что позволяла, — проводить себя до угла улицы. Дальше шла сама. А Фёдор каждый раз надеялся, что, может быть, обладательница лучшей в округе косы сжалится и разглядит в нём своё будущее.

Следующая суббота должна была опреледелить перспективы по крайней мере одного из этого треугольника — Фёдора Будыки. Отступать он не собирался.

Василий заявился домой утром. Выйдя из автобуса, гвардеец Матвеев оправил китель и распрямил грудь, чтобы все могли разглядеть его гвардейский и другие значки. Пока он следовал знакомыми кварталами в сторону родного дома, не одна барышня проводила его взглядом. Военные, пусть и отставные, появлялись в шахтёрском посёлке уж совсем нечасто, и белый парадный ремень производил впечатление приманки для восхищённых девчонок, но Матвеев знал, куда шёл. Сначала — мать и отец, а потом самая желанная, его невеста Оля.

Поворот направо — вон, под большущей шелковицей лавочка, ворота и мамыны ромашки перед забором.

— Привет, Федька! — командным голосом рявкнул Василий соседу.

— Здорово, военный... — Фёдор не стал подавать руки, благо он весь был намазан маслом, и разобранная "Верховина" подтверждала его занятость.

— Ты как тут сильно зарылся? Заходи вечером, отпразднуем возвращение моё!

— Спасибо, будет видно...

— Что это ты неродной какой-то. Ладно, прощаю на первый раз. Радость у меня сегодня!

"У кого радость, а у кого — не очень..." — Фёдор стал пасмурней осенней тучи.

Мама, как и все матери в мире, первым делом обцеловала и, заплакав от радости, обняла своего возмужавшего сына.

Батя, неловко переминаясь, не мог насмотреться на Василия.

— На пользу служба пошла, факт, да, мать?

— Ой, я ж не готова... побегу, соберу на стол.

— Давай, давай! Теперь и выпить можно, теперь с сыном могу выпить, ведь мужик-то какой!

Застолье образовалось из ничего — соседи притянули всё, чем были богаты закрома, мать не могла нарадоваться, а сам Василий никак не мог дожидаться, пока завершится официальная часть и выпивших соседей можно будет оставить во дворе наедине с отцом и его баяном.

— Что, не терпится? — мама почувствовала, что сын сердцем уже не здесь.

— Да, мам... пойду я, ладно?

— Иди, жених... иди... ждёт она тебя, — мама поцеловала Василия в щёку. — И если кто чего болтнёт, не верь...

— В смысле?

— Да мир же не без добрых людей. Может, шепнёт тебе кто о ней глупости какие, не верь. Ждала тебя честно.

— Кто?

— Да не важно, сынок.

Как и во все времена, новости в посёлке разносились со скоростью ветра. Стоило Ольге позволить Фёдору себя проводить, как тут же зашушукались кумушки. Разумеется, Василий недолго оставался в неведении о Фёдкиных планах.

За синей калиткой, которую венчали два жёлтых петушка, похожие скорее на голубей, чем на мужей куриц, разрывалась собака. Василий приподнялся на цыпочках, чтобы увидеть, есть ли кто дома. Оля вышла во двор.

— Сейчас, сейчас, подождите! — закрыв овчарку, направилась к воротам.

Хорошо смазанная калитка не издавала ни звука. Вместо этого послышалось лишь девичье "ох...", и она повисла на шее у Василия. Все его намерения начать разговор серьёзно, как будто казак вернулся домой с войны, сразу потеряли актуальность. Куда делась спесь — растаял Василий и знать ничего не хотел.

— Вернулся, мой хороший...

— Да куда ж я денусь? Обещал ведь.

Оля, вся розовая от прилива крови, замерла, почувствовав на талии его сильные руки и поцелуй, которого ждала целых два года.

Так же бесшумно калитка затворилась, и старая шелковица, бережно прикрыв влюбленных от солнца, стала единственной свидетельницей их встречи...

— Отец сейчас вернётся — даст нам на орехи! — Оля опомнилась и поправила сарафан.

— Так не виделись сколько!

— Давай вечером в клуб сходим, тогда и поговорим вдоволь, а?

— Чего ж не сходить? Пойдём. Возле головы в восемь — годится?

Когда интересы ухажёров пересекались, это неминуемо приводило к очной дискуссии за углом Дворца культуры. Бились до первой крови и, естественно, один на один. Беспристрастные судьи — товарищи дуэлянтов — никогда не вмешивались в разговор джентльменов, лишь следили за соблюдением кодекса чести. Считалось дурным тоном пользоваться подручными средствами: досками, кирпичами — так можно и зашибить ненароком, а цель такая не ставилась. Приветствовались многообещающие выражения в стиле "щас я тебя..." и им подобные, про-

скакивали крепкие словечки, пыль стояла столбом, и через некоторое время победитель мог положить руку со сбитыми об зубы конкурента костяшками на талию предмета своего обожания. При этом сама девушка с трепетом ждала, кто же победит. И не всегда её интерес совпадал с результатами боя.

И Оля Клименко, стоя между колоннами Дворца культуры, не знала, куда деть руки от волнения. Фёдор всё-таки решил не отступать от своих планов, и они с Василием разговаривали о том, как жить дальше. Судя по шуму, дискуссия проходила по всем правилам.

Через пять минут из-за угла в сопровождении друзей появился гордый Василий, в полностью помятых брюках, без нескольких пуговиц на рубашке и с накинутым на плечи абсолютно чистым пиджаком.

— Ну вот, теперь он не будет тебя доставать. Мы договорились, — Вася вытер щёку и обнял Олю.

Так началось их счастье, в результате которого скоро на свет появился самый дорогой теперь для Василия человек — дочь Антонина...

* * *

— Как тебя одного оставлять! — дочь с потёкшей тушью присела рядом с кроватью Матвеева с виноватым видом.

— Да что ты, моя хорошая, я живучий, ты знаешь.

— Почему не сообщил? Я как по телевизору увидела, домой трезвоню, там никого — хорошо, соседям дозвонилась.

Матвеев успокаивающе улыбнулся.

— Тонь, жив — и хорошо, чего сопли распускать. Домой хочу, обещали через пару дней.

— А за живностью кто смотрит? Соседи?

— Да, Жужуку варево носят, он старый уже, почти как я, ему много не нужно.

Дочь, похоже, немного успокоилась.

— А кошку что, не кормят? Или ты её на довольствие не ставил?

— Какую ещё кошку, доча? — удивился Василий Кондратьевич.

— Сидит под дверью, красивая, чёрная. Домашняя — сразу видно. И что любопытно — у неё глаза голубые — я таких ещё не видела.

— Вот новости, прямо модель — по твоему описанию. А Жужик что, уступил ей двор?

— Он к ней даже не подходит, боится.

— Посмотрим, кто такая. Вернусь — разберёмся.

— Ты иди, Тоня. Я, правда, уже нормально себя чувствую. Говорю же, день два — и домой. А тут хоть выплюсь вволю...

Антонина ещё долго говорила о чём-то, а Матвеева опять сморил странный сон.

Да и на сон то, что он видел, было мало похоже — будто сидел он совсем один в тёмном кинозале и смотрел на экране кем-то хаотично склеенные куски киноплёнки. Нехорошее это было кино. Он проснулся в холодном поту, с чувством тяжёлой усталости во всём теле. Антонины уже рядом не было — ушла. Хотелось отдохнуть, он закрывал глаза и снова оказывался в тёмном кинозале. В полном одиночестве.

* * *

Факелы на стенах мерцающим огнём освещали величественный зал храма Птаха — бога-творца.

Девять жрецов, обритые наголо и одетые в белые одежды, сидели полукругом, внимательно глядя на десятого — стоящего в центре украшенного бирюзовой мозаикой и росписями зала.

Бог Птах и остальные восемь богов, составлявшие вместе великую эннеаду* (девятку), покровительственно расположились на сводах зала. В центре, над местом, где стоял верховный жрец, был изображён сам творец, держащий в руке уас* (посох).

— Большой совет собирается только в исключительных случаях, и сегодня у нас такой день, — низкий, жёсткий голос жреца отразился от стен и потолков большого зала и несколько раз прокатился под его сводами.

— Я никогда не стал бы без причины тревожить вас, самых влиятельных и уважаемых настоятелей храмов Египта, но по традиции я не в праве один принимать решения, касающиеся судьбы нашей касты.

— Говори, Аменеминт, мы готовы внимать тебе.

— Не мне вам рассказывать о положении в сокровищницах жрецов — ваши священные храмы находятся в разных частях великого Египта, и в дельте, и в верховьях. Где лучше, где хуже, но дела везде плохо. Фараон Хнум-Хуфу пять лет назад, когда запасы его талантов иссякли, запретил носить в храмы пожертвования под страхом смерти! — голос верховного жреца становился всё громче. — Тогда мы не

смогли ничего поделывать, но главное — мы не позволили распечатать вход в Лабиринт. И вот теперь через своих людей во дворце мы узнаём, что когда до окончания строительства Большой пирамиды остаётся меньше года, фараон хочет запустить руку в сокровищницу жрецов! Стоит позволить ему сделать это один раз — и следующий не заставит себя ждать.

В зале начался ропот.

— Экспедиции фараона на Синай не приносят должных доходов, добыча золота не покрывает расходов на строительство. В верховьях Нила добыча красного гранита почти остановилась — не хватает рабочей силы. Простолюдины ропщут, потому что целое поколение вынуждено забыть, как они возделывали свои земли раньше, и всему причиной — Большая пирамида. Фараон строит её в долг, денег едва хватает на еду рабов.

Подошло время совету овладеть тайной пирамиды. План коридоров и помещений передан нам на хранение. Как всегда в таких случаях, видеть его положено только мне, верховному хранителю тайн. О месте нахождения плана вы все знаете, но если богам будет угодно забрать меня, то вновь избранный вами хранитель станет на моё место. Но обязанность верхов-

ного хранителя тайн не только беречь сокровища жрецов, но и приумножать их.

— Мы помним об этом, Аменеминт, — самый старший из жрецов, видимо, имел право перебивать говорящего, — но как мы можем упрекнуть тебя в том, что уже несколько лет сокровищница не пополняется? Ты настойчив в своих трудах, но слово фараона — закон...

— Да, слово фараона... Если слово фараона не совпадает с интересами жрецов, то либо он должен поменять своё слово, либо мы — фараона!

Девять пар глаз пронзили Аменеминта. Одни взгляды были решительно одобряющими, другие — вопросительными, но не было ни одного осуждающего.

— Что ты предлагаешь, Аменеминт?

— Сумма, которую попросил у нас Хуфу, недопустима велика. Сейчас Египет может стать лёгкой добычей для любого врага, будь то ливийцы или ещё кто. Эти деньги должны храниться на чёрный день. Надеюсь, он не скоро наступит, но ждать, покорно сложив руки, мы не можем. Я прошу согласия совета жрецов на то, чтобы наши молитвы о смене ставленника богов на землях Египта стали реальностью.

— Твои слова дерзки, Аменеминт, но мы не можем с ними не согласиться, — произнёс один из старцев.

Аменеминт по очереди посмотрел в глаза каждому — и от всех получил одобрительный кивок.

— Значит ли это, жрецы, что я могу начинать поиски преемника?

Все девять ещё раз одобрительно кивнули.

Глава 3

ПРОЗРЕНИЕ

Шум и пыль. Кровь и крики людей о помощи. Темно. Мебель вперемешку с бетонными плитами. Почтовые ящики, расплющенные лестничным пролётом. Обрывки занавески висят на обломке стены девятого этажа в комнате без пола. Проектор. Ещё один.

Какой-то мужчина, ревя от горя, из последних сил пытается прорваться через оцепление. Его не пускают.

Соседний дом вроде цел, но как-то странно свисают плиты. Теперь наверняка здесь жить будет нельзя.

Одна за другой приезжают машины с синими мигалками. На углу уцелевшего подъезда табличка: "ул. Гурьянова"

Василий Кондратьевич открыл глаза резко, в надежде увидеть свет, но увидел только белый потолок палаты. Липкий пот насквозь пропитал больничную одежду, мозг перерабатывал остатки кошмарного сна, не давая покоя. Обычно люди свои сны почти не помнят, но в памяти откладываются только самые тяжёлые или самые лучшие.

Уже проснулся первый воробей за окном, его громкое в тишине больничного двора чирикание разбудило всё летающее племя. Утро вкрадчиво осветило небо, и Кондратьичу стало немного легче. Тяжесть с души начала уходить, а глаза опять захотели спать...

Утром Антонина пришла к отцу с цветами и большой сумкой для вещей.

— Всё, отец, хватит лентяйничать, ты здоров, как бык. Профессор сказал, что после обхода можно домой. Давай собираю вещи пока.

Она складывала в сумку немногочисленные пожитки, а Матвеев осторожно, боясь задеть обожжённую кожу, одевался.

— Как там дома, Тонь?

— Порядок навела, а то совсем в холостяка превратился. Тебе понравится. И кошка осталась. Только дверь открыла — она сразу нырнула в дом, как будто всю жизнь так жила, и на твоё любимое кресло уселась. Смотрит на меня вопросительно, глаза голубые такие, глубокие. Похоже, умная.

— Интересно... — сказал Матвеев рассеянно, больше для поддержания разговора. Мысли его были далеки от прибудившейся кошки.

— Я соседей спрашивала — у всех живность на месте, да и приметная она, такой не было ни у кого.

Обход прошёл быстро и деловито. Профессор пожелал Матвееву больше к ним не попадать, пожал руку.

— Уж хватит судьбу испытывать, голубчик. На следующий раз может так не повезти. На пенсии тоже своя прелесть.

В этот момент Кондратьич вдруг подумал не о пенсии, а о профессоре. Во время пожатия его тёплой руки Василия посетило непонятное чувство.

— Надеюсь, вы меня слышали, — профессор Кадочников не любил, когда его слова пропускали мимо ушей. Об этом знали все его студенты и интерны.

— У вас что-то болит... — неуверенно произнёс Матвеев.

Из-под профессорских очков Василия пронзил острый взгляд.

— Вам больно сейчас, профессор. Живот. Да?

Лицо доктора на мгновение застыло в удивлении.

— Обход закончен, коллеги. Можно заняться текущими делами.

Свита разошлась, и Матвеев остался наедине с доктором.

— Откуда вам это известно, Василий Кондратьевич?

— Вы мне руку подали, а я почувствовал, как на себе, только это не моя боль.

— Покажите, где, по-вашему, у меня болит?

Василий указал в область желудка. Профессор с каким-то напряжённым интересом смотрел на Василия.

— Чудно... Действительно, моя хроническая язва обострилась, пора самому лечиться. И давно у вас эти способности? Вы никогда не занимались диагностикой?

— Нет, профессор. Какая там диагностика...

— И не лечили людей?

— Что вы, я же говорю — всю жизнь в шахте да на огороде...

Профессор попросил Матвеева присесть на кровать, сам опустился рядом на стул для посетителей.

— Для вас это новое ощущение?

— Совсем новое, — лицо Матвеева изобразило виноватую улыбку. — Не знаю, почему я это сказал.

— Очень любопытно. Позвольте вас задержать ненадолго?

— Хорошо, а что случилось?

Доктор достал из кармана мобильный телефон, быстро пощёлкал клавиша-

ми, затем, видимо, передумав, снова убрал его в карман халата.

— Видите ли, голубчик, ваше состояние после травмы становится очень интересным. Я сейчас, подождите, пожалуйста...

Профессор вышел, а остолбеневшая Антонина вопросительно смотрела на отца.

— Вот новости, па... Ты что это надумал?

Матвеев только плечами пожал.

Профессор вышел, но через несколько минут привёл ещё одного доктора.

— Знакомьтесь, Василий Кондратьевич, это мой коллега, Семён Михайлович. Мы имеем некоторые совместные научные труды, посттравматические осложнения, изменения и всё такое, но это не важно сейчас...

— Семен Михайлович, больного Матвеева пора выписывать, но, возможно, мы будем просить его захаживать к нам, — профессор многозначительно посмотрел на коллегу и снова обратился к Матвееву: — Василий Кондратьевич, возьмите его руку.

Матвеев взял за руку доцента и сам удивился своим ощущениям.

— Что скажете о состоянии этого человека?

— Он почти здоров, но вот здесь болит иногда, — Василий показал на свою левую ключицу.

Профессор снова многозначительно посмотрел на своего более молодого коллегу.

— Так, так, не отвлекайтесь.

— Я не знаю, как сказать, его ударили, что ли?

Восторженный Семён Михайлович повернулся к Кадочникову:

— Это то, о чём я думаю, Павел Ильич?

Профессор задумчиво покивал головой.

— Не знаю, не знаю, но очень любопытно...

— Мы хотели бы за вами понаблюдать. Мы просим, чтобы реабилитация проходила под нашим контролем. Хорошо?

Матвеев опять в растерянности пожал плечами.

— Я живу не в городе, в Ивантеево, у нас поликлиника есть.

— Видите ли, Василий Кондратьевич. Поликлиника нам не нужна. Мы с коллегой пытаемся изучить особые спо-

собности людей, которые появляются после травм. В вашем случае, похоже, есть за что зацепиться.

— В прошлом году я попал в автомобильную аварию. Удар пришёлся в водительскую дверь, к счастью, не сильно, но ключицу сломал, — Семён Михайлович с восхищением смотрел на Василия. — Знать об этом вы не могли, но с диагнозом угадали!

— Если вы не против, будем посещать вас на дому по субботам.

— Да хорошо, чего там... — согласился Василий. — Мне не сложно...

На костылях в калитку протиснуться было не так уж и легко, но путь домой — он всегда быстрый, как справедливо заметили дальнобойщики.

Жизнерадостный Жужик не знал, куда деть хвост от счастья, они уже давно жили вдвоём с хозяином, и вынужденное одиночество сделало большую рану в его преданной собачьей душе.

— Здравствуй, мой хороший.

Пёс просто лег перед хозяином на землю, беззащитно расставив в стороны лапы, и Кондратьич погладил его брюхо кончиком костыля.

— Идём, посмотрим, как ты тут без меня.

Дочь копалась в сумке в поиске ключа от входной двери.

— Не бедствовал, как видишь, даже морду наел на соседских харчах, — Тоня поспешила вперед открыть дверь. — А вот и наша гостья!

Кошка сидела на пороге, не шелохнувшись, и наблюдала за возвращением хозяйина. Матвеев с интересом оглядел неожиданную гостью.

— Хороша, чего уж там, мышам война будет! Живи, коль пришла.

Василий первым делом уселся в кресло, а кошка запрыгнула ему на колени.

— Ух ты, какая... будешь у меня Маргаритой называться...

А на шахту он больше не ходил. Оформил инвалидность, пенсию стал получать приличную. Счастливо отделался. И чего еще желать?

Из выпуска новостей:

"В 0 часов 10 минут на пульт оперативного дежурного Московского МЧС поступила информация о взрыве и пожаре в жилом доме по ул. Гурьянова. Уже через 11

минут на место происшествия прибыли спасатели. Из-под завалов они слышали голоса пострадавших. В течение получаса огонь был потушен, и началась операция по спасению людей".

"Предположительно, под завалами разрушенного дома по ул. Гурьянова, 19, находится ещё около 80 человек, сообщила пресс-служба МЧС. Из двух домов спасено 125 человек, погибших — 13, из них — 1 ребенок. Всего эвакуировано около 800 человек. Госпитализировано 62 человека в 7-ю, 13-ю, 15-ю и 36-ю горбольницы и в институт имени Склифосовского, а также 23 ребенка — в Морозовскую больницу и больницу Святого Владимира. В кинотеатре "Тула" временно размещены 537 эвакуированных граждан, организовано питание. Работа спасателей затруднена из-за сильного задымления. В результате взрыва обрушились секции 4-го и 5-го подъезда дома № 19. В доме было прописано 827 человек. Находящийся напротив дом № 16 получил частичные разрушения".

Василий был не удивлён — он был потрясён. Телеэкран показывал картинки его сна недельной давности: разрушенная секция, занавеска, странно болтающаяся

в комнате без пола, прожекторы, мужчина, рвущийся через оцепление...

Трагедия в Москве не имела к нему никакого отношения, но почему тогда Василий всё это видел? В уме каруселями вертелись мысли. Тут ещё доктора эти ...

Маргарита запрыгнула к нему на колени и стала утапывать место, чтобы лечь...

Большие кожаные барабаны торжественным неспешным боем возвестили о том, что всем нужно пасть ниц. Длинный караван, состоящий из воинов охраны фараона, его челяди и, собственно, самого божественного, приблизился к пирамиде.

Двигаясь на носилках сквозь коридор тел, протянувших руки вдоль пыльной земли, Хуфу не видел, сколько из этих лиц, обращённых к земле, выражали ненависть и злость. Перед ним возвышалась белая, как крыло взрослого лебедя, Большая пирамида. Теперь никакие дурные вести и мысли не могли затмить торжества самолюбия его, Хнум-Хуфу, создавшего самое великое строение на благословенных землях Египта, да и те только.

Носильщики плавно опустили носилки, и фараон ступил на пыльную землю.

— Я преклоняюсь пред тобой, о великий Хнум-Хуфу. Ты почтил своим визитом своё же детище...

— Подойди ко мне, Хемиуну ...

Архитектор приблизился к фараону, и тот знаком велел всей челяди держаться на расстоянии. С ними остался только слуга, который нёс полотняный квадрат на длинном шесте, дабы царь постоянно находился в тени. При этом человеку фараон мог разговаривать о чём угодно, так как тот был с рождения глухонемым и понимал только язык жестов.

— Хемиуну, как идут работы? Есть ли мысли, которые тебя тяготят? — фараон имел привычку задавать вопросы так, чтобы предрасположить собеседника к форме и теме беседы. Эти неписанные правила придворные хорошо знали, и Хемиуну следовало откровенно отвечать.

— Есть такие мысли, мой царь...

— Они из настоящего или из будущего?

— Из настоящего, повелитель. О будущем я теперь думаю только до срока, обещанного мной для окончания строительства.

— Говори, нас никто не слышит.

— Повелитель, до конца работ всё меньше времени, но чем ближе этот светлый день, тем хуже обстоят дела. Содержание строителей стало гораздо хуже. Они мрут, как рыба в заводи, испепелённой солнцем. Оставшиеся — либо не отличаются добросовестностью, либо уже не могут работать в полную силу.

— Накажи их, разве для тебя это ново?

— Наказать сытого за лень — это справедливо, но голодного за его бессилие — это жестокость, которая породит ненависть.

— У тебя есть другой способ? Свободных людей ближайшие три года в стране не будет. Египту следует развиваться, а экспедиции — дело затратное. Я и так выделил тебе всех возможных земледельцев, больше нельзя — начнётся голод.

— Желательно увеличить содержание для строителей. Нужно больше хлеба, пива, чеснока. Тогда они будут здоровее и веселее. В деревнях строителей начались роптания, нам следует позаботиться о них.

— Сколько ты хочешь денег, Хемиуну?

— Раньше за год мы тратили до семи-десяти талантов. В этом же году — всего тридцать, мне не хватает сорок талантов.

— Мы позаботимся, чтобы твои мысли о настоящем были в покое...

— Спасибо, государь...

— Теперь мне нужно знать, что ты видишь в будущем.

— Что конкретно интересует моего повелителя?

— Я хочу знать, что ждёт мой народ в ближайшем будущем, как будет разливаться Нил, где искать золото и будут ли у нас войны.

— Мой повелитель, боюсь быть неправильно понятым, но если бы я мог видеть всё это, то не ждал бы, пока услышу вопрос. Гепа не позволяет мне видеть всё желаемое. Могу сказать только, что следующий разлив Нила будет плодородным и потом тоже, но где золото, я не вижу..

— Его нет на землях египетских или ты его не видишь?

— Я его не вижу, великий фараон, но зато могу тебе сказать с полной уверенностью, что в ближайшие десять лет войны не будет, так что армия может набираться сил постепенно.

— Это хорошо, хорошо... — фараон погрузился в свои думы.

— Показывай, племянник, что тебе осталось достроить... — Хуфу вернулся к разговору так же неожиданно, как и прервал его.

"Малайзия — это экзотика. При этом в туристической части страны всегда чисто, безопасно и высокий уровень сервиса. Здесь хорошие дороги и внятно говорящие по-английски местные жители. В Малайзии прекрасные возможности для пляжного отдыха, хорошая экология и развитой этнографический туризм. Самые популярные курорты — острова Лангкави и Пенанг — находятся на западе страны, где круглый год столбик термометра показывает от 21 до 32 градусов тепла. Природные достопримечательности Малайзии — тропические леса и национальные парки с уникальной живностью и растительностью, удивительный подводный мир, прохладные горы и уникальные пещеры острова Борнео. Малайзия является одним из наиболее притягательных мест для подводного плавания".

Ольга оторвала взгляд от красочного рекламного буклета с манящими фотографиями и, сдвинув брови, что характеризовало недюжинную работу мысли, мучи-

тельно вспоминала, где же слышала это название — остров Борнео. Ага, то ли в фильме "Двенадцать стульев", то ли в "Золотом телёнке" так говорил великий комбинатор — Остап Бендер. В связи с чем, она не помнила, а вот красивое название осталось в памяти. Тогда этот далёкий остров казался чем-то непонятным и недосягаемым, а сейчас стал вполне реальным и даже осязаемым. На журнальном столике небрежно лежали две такие же красивые, как и фотографии из буклета, путёвки в Малайзию. Ещё неделя — и они с Черепановым будут бродить по паркам с богатым животным и растительным миром, путешествовать по заповедным пляжам с удивительным подводными красотами и чистой голубой водой, форсировать прохладные горы и уникальные пещеры этого самого острова Борнео. Именно так обещал ей буклет, и не верить в это оснований у неё не было.

У Ивана Черепанова и его аспирантки Ольги отношения складывались весьма своеобразно. Почти полгода оба были подчёркнуто вежливы, держали дистанцию, при этом присматривались друг к другу. Хотя каждый занимал немалое место в мыслях и воображении второй стороны. Интерес и инстинкт одолевали обоих,

но они продолжали играть в строгих учителя и ученицу. Иван узнал, что Ольга воспитана в провинциальной, но интеллигентной семье. В её сущности присутствовали женственность, независимость и покладистость. Но розовые очки уже были сняты вместе с романтически-идеалистическим представлением об устройстве жизни. Недавно она рассталась с парнем, с которым встречалась почти пять лет и планировала создать семью, потому что... потому что он не мог сложить себе цену. А природная практичность и трезвый взгляд на жизнь всё больше доминировали во вчерашней студентке.

Однажды после нескольких очередных часов работы над её будущей диссертацией она ни с того ни с сего в упор подошла к измотанному за день Черепанову, обняла его и страстно, и заботливо одновременно сказала тихим голосом: "А поехали, Ванечка, ко мне, я вареников напечю, любишь вареники?" На секунду Иван утратил дар речи. "Ты не бойся, тебя это ни к чему не обяжет. Меня, кстати, тоже. Завтра будет завтра, оно может быть у нас разным. А сегодня есть сегодня — за чем его не прожить в радость?"

Черепанов действительно был уставшим и не стал себя долго уговаривать. Всю жизнь он заботился обо всех близких. О нём когда-то очень давно заботилась только мама. Ольга не выставила никаких претензий. Не задавала вопросов и не обижалась, если он был занят и не находил на неё время. Его это вполне устраивало, ибо не подрывало, во всяком случае — явно, свобод и завоеваний его холостяцкого образа жизни. Иван, несмотря на уже солидный возраст — 45 лет, выглядел значительно моложе, и как всегда был неотразим. Подтянут, красиво и модно одет, со спортивной фигурой и умным, пронзительным взглядом серых глаз, он одинаково очаровывал девушек и женщин от 16 и до 60. А учитывая его общественный статус депутата и хорошее материальное положение, жених он был завидный. Хотя склонить его на этот шаг вряд ли кому могло удалиться в ближайшее время. Слишком привычно и основательно в последние годы сросся он с ролью холостяка, которая при таком беспокойном образе жизни устраивала его полностью. Семья осталась там, в прошлой жизни, которая хоть и периодически пересекалась с настоящей, но не напрягала и не мешала. С женой — Марией они разошлись мирно, без скандалов

и претензий. Шутка ли, вместе прожито около пятнадцати лет, и двое ребят, красавцев и спортсменов, оба — вылитый Черепанов, были обоюдной гордостью бывших супругов. Иван частенько пересекался с бывшей женой и по работе, и в различных компаниях, а с ребятами — в основном на спортивных площадках. Они уже вполне выросли и практически определились в жизни. Старший уже год как работал в престижном банке, женился и вот-вот готовился сделать Черепанова дедом, а младший заканчивал Луганский университет по модной теперь специальности "Маркетинг и менеджмент организаций".

Черепанов обоснованно считал, что семья в порядке, устроена, и повторять семейный опыт второй раз хотел не очень. Жизнь мудрого и одинокого "волка" его полностью устраивала, хотя каждая новая женщина, ненадолго появлявшаяся в его квартире, так или иначе пыталась намекнуть ему на прелесть стабильной совместной жизни.

Ольга намеревалась проделать такие пассажи после путешествия, хотя и понимала эфемерность замысла. Но чем чёрт не шутит, ведь ломаются и не такие закоренелые холостяки. Тем более, глядя на её

параметры, разве можно остаться равнодушным — до классических 90-60-90 она не дотягивает всего каких-то пару сантиметров сверху и перетягивает снизу. Впрочем, сегодняшнее положение временной подруги её тоже устраивало, тем более Иван хоть и часто занят на своей работе, но человек нежадный, весёлый и неревнивый. Что ещё надо, пока тебе 23 года — живи в своё удовольствие.

И наконец, совсем недавно она убедилась, что Иван взял двухнедельный отпуск и слетать в эту экзотическую Малайзию. Это не Турция или Египет, где не был только ленивый. Юго-Западная Азия, Борнео, понимаешь... Да и Ивану отдохнуть не мешает, в последнее время совсем забегался, даже осунулся и посетил терапевта, чего ранее с ним не случалось.

Надо сказать, что после смены власти он стал какой-то "дёрганный", нервный. Новая власть, прикрываясь популистскими и демократическими лозунгами, наломавала немало дров, загнала область в число отстающих. Декларируемые новые рабочие места созданы не были. В их угольном краю с добычей угля происходила сплошная чехарда — в зависимости от политических взглядов менялись руководители предприятий и целых отраслей. На их ме-

ста ставились абсолютно некомпетентные, но "свои" люди. На депутатских приёмах от простых граждан — своих земляков — Иван наслушался такого, что даже не мог представить.

В своих передачах областная частная телекомпания "Зенит", учредителем и директором которой с самого начала являлся Иван Черепанов, постоянно рассказывала о "достижениях" новой власти, за что их неоднократно пытались закрыть, лишиться лицензии, придумывая различные поводы. Но Черепанов телекомпанию отстоял. Конечно, помогли и коллеги по партии, и статус депутата, и простые зрители, поставившие "Зенит" вторым по рейтингу после одного из центральных каналов.

"Всё, — продолжила прогнозировать Ольга, — сегодня Иван передает дела заместителю, и уже завтра вылетаем в столицу, недельку там потусуем, а откуда — "под крылом самолета...". На работе она отпросилась, сумку — общую с Иваном — уже собрала. Практически они на низком старте — она любила повторять словечки Черепанова. Только надо не забыть позвонить ему, напомнить, чтобы взял на студии классную видеокамеру, там будет на фоне чего заснять — она уже предвку-

шала и репетировала разные позы, движения перед зеркалом в прихожей. Покажет потом кино подругам — те обзавидуются! Что-что, а красиво снимать и грамотно монтировать Иван умел, шутили, сколько лет на телевидении проработал, да и местным студентам режиссуру преподавал. Будет кино, как на Каннский фестиваль, ребята с видеостудии Ивана добавят спецэффектов... А жизнь-то, не смотря ни на что, налаживается!

Глава 4

ЧЁРНАЯ ПРОВИДИЦА С ГОЛУБЫМИ ГЛАЗАМИ

— Василий Кондратьич, скажите, он станет здоровым? — молодая девушка с ребёнком на руках затаила тревогу.

— Как тебя зовут, дочка?

— Валентина.

— Ты вот что, Валя, подумай хорошо, правду знать тяжело бывает.

— Да говорите, как есть. Он у меня один... Как муж узнал, что больным сыночек родился, так и бросил.

— Тогда ладно. Крест это твой. На всю жизнь крест. Нет, не выздоровеет. Зато будет у тебя ещё двойня. Девочки. Семья образуется.

Девушка, всхлипывая, вышла с сыном на руках, а уставший Василий сел в кресло.

Каждый приём давался ему тяжело. Люди, прослышав о его способностях, сначала не верили, а потом как пошли, ведь неизлечимо желание людское знать правду.

После лечения профессор Кадочников ещё долго наблюдал за странностями Матвеева. Явно после травмы что-то непо-

знанное произошло с Василием. Он стал различать болезни людей на ранних стадиях, правда, не мог их описать, но это и не всегда требовалось, в большинстве случаев своевременная диагностика позволяла вылечиться "малой кровью". Василия просили записывать всё, что ему приходит на ум. Оказалось, он способен предсказывать некоторые события.

А однажды упросили Василия поехать в столицу, в НИИ головного мозга. Там его ждала целая экспедиция докторов. Сканировали его и вдоль, и поперек, но ничего особенного в мозге бывшего шахтёра не обнаружили.

Попросили диагностировать несколько человек, но ничего у Матвеева не получилось. Как обрубил. По возвращении домой он чувствовал себя настолько разбитым, что даже не придавал сначала значения тому, что именно здесь, дома, он может чувствовать людей, но особенно хорошо у него получалось тогда, когда рядом с ним была Маргаритка, его кошка. Умное животное садилось на колени, и тогда Матвеев мог рассказать о чём угодно — и когда дети родятся, и какие болезни одолевают. С тех пор Василий старался из дома не уезжать.

— Здравствуйте, мне к Владимиру Ивановичу.

Приёмная директора шахты выглядела так же, как и двенадцать лет назад: дубовый паркет, выдавший тысячи подошв, неизменные цветы в большущих кадках в углу, секретарь, обставленная телефонными аппаратами, факсами, лотками для бумаг. Всё было, как и в те времена, когда шахта являлась частью его жизни, менялись только модели компьютеров на столе да и лица секретарей.

"Почти ничего не поменялось", — Василий Кондратьевич, прежде чем подняться в приёмную, обошёл почти весь корпус. Ностальгия понесла его ноги по лестницам и коридорам знакомого здания. В нарядной — всё та же белая плитка, старенький микрофон за трибуной и горящие через одну лампочки. "В наше время было всё основательней..." — Кондратьич расстроился. Бывшая столовая превратилась в руины. Её развалины, слева от главного здания, добросовестно разбирали на кирпичи все, кому не лень. Что теперь о работах думать, теперь важно только одно — прибыль. Бесконечные реорганизации, новые концепции и веяния порядка не добавляли.

— Вы договаривались о встрече? — несколько удивлённым голосом спросила секретарша

— Он меня примет, — тоном, не допускающим сомнений, произнёс Матвеев.

— Как о вас доложить?

— Матвеев. Василий Кондратьевич.

— По какому вопросу?

— По производственному, — Кондратьич сам себе улыбнулся в душе, настолько убедительным получился его ответ.

Секретарь проделала какие-то хитрые манипуляции с кнопками на пульте, и трубка дала "добро".

— Проходите, Владимир Иванович вас примет.

Громадный директорский кабинет напоминал о былой славе предприятия. Грамоты и дипломы занимали одну из стен, за спиной директора возвышалась советского производства мебельная стенка, между стеклянными дверцами которой скромно, в углу притаилась дверь в комнату отдыха. В своё время наличие её говорило о статусе хозяина.

На столе слева были разложены громадные распечатки чертежей, планов выработок и всякие другие документы, непонятные простому, не имеющему отношения к горному делу человеку.

Уставший, слегка растолстевший, но сохранивший былую подвижность Лукьянец разглядывал из-под слегка затемнённых очков Матвеева, явно пытаясь вспомнить, как зовут гостя. Набухшие веки и мешки под глазами свидетельствовали о нелёгких перипетиях и непростом ритме жизни директора, не изменявшего традиционному деловому стилю одежды — добротный, но не самый дорогой костюм, галстук. Только часы выдавали его начальственный статус.

— Василий Кондратьевич, если не ошибаюсь? — Лукьянец встал из-за громадного стола и, подав руку, вернулся на своё место.

— Так точно, Владимир Иванович, приятно, что помните.

— Как же, как же, легенды ходили, что большего везения ни у кого на шахте не было. Присаживайтесь. С чем пожаловали?

— С предложением.

Директор молча кивнул и внимательно посмотрел на собеседника.

— В течение недели — максимум четырёх дней на шахте произойдёт выброс.

Лукьянец перестал постукивать карандашом по столу — эта давняя его при-

вычка выводила из себя всех его многочисленных начальников.

— На чём вы основываетесь?

— Это тяжело объяснить. Я точно знаю, могу даже место показать.

— Пройдёмте, — директор подвёл Василия к чертежам выработок.

— С тех времён, как я спускался в шахту, много воды утекло. Прошли уже наверняка гораздо дальше. Что находится под Куренёвой балкой?

Директор надел очки и принялся изучать схему.

— Это здесь. Новая выработка, горизонт 816 метров, лаву скоро запустим.

— Там опасно. Вот там и произойдёт выброс.

— Василий Кондратьевич, вы меня озадачили. Такие утверждения должны быть обоснованы. Каковы ваши аргументы и предложения?

— Я знаю, что это будет там. На поверхности чувствую. И Маргаритка моя беснуется, когда в балку её ношу.

— Маргаритка? Это ещё кто?

— Это моя кошка. Можете, конечно, меня странным считать, не вы один такой, но это правда.

— Да, наслышан я о ваших способностях, но вы ведь радикулиты лечите, а не в НИИ работаете.

— Нужно остановить работы по запуску лавы, там будет выброс метана.

— Интересно... Как вы представляете себе остановку работ? Шахта напичкана датчиками, аппаратурой на миллионы гривен, а я должен остановить производство потому, что кошке на поверхности стало плохо? Не смешите.

— Она об этом даёт знак только мне. Я не могу это объяснить, но когда я с ней, мы вместе...

— Василий Кондратьевич, лично я отношусь к вам с большим уважением. Но безопасностью в выработках занимаются серьёзные научные организации, а наша задача — вовремя отреагировать, ваши же аргументы по крайней мере странны. Сейчас модно быть прорицателем, вон их сколько на телевидении, но там хоть как-то это изучается, эксперименты ставят разные, а вас я там что-то не видел.

— Ни к чему мне эти столицы. Я только вместе с кошкой могу помочь, а она не любит переездов, сами понимаете — живность домашняя.

— Василий Кондратьевич, спасибо, мы примем к сведению ваше беспокойство, спасибо ещё раз.

Разговор был окончен.

Матвеев, опершись на палочку, тяжело поднялся со стула и направился к выходу. Уже перед дверью, словно в отместку упрямому директору, он повернулся и резко бросил:

— Будете у доктора — почки посмотрите. В правой камень у вас, на днях выйдет. До свидания.

Дверь закрылась, и Кондратьич поковылял прочь.

"Нет, я не хочу никого ни видеть, ни слышать. В конце концов уже начало восьмого, все нормальные люди давно дома, жуют пельмени, пьют чай на кухне под абажуром и смотрят по телевизору, как извергается очередной вулкан где-нибудь в Исландии, и радуются, что это далеко от их пятого квартала", — весь этот монолог Иван хотел высказать секретарю Юле, но прозвучал он в пространство, поскольку Юлю он отпустил ещё полтора часа назад. С охраны передали, что его давно ждёт пожилой мужчина, как он сообщил, по экстренному государственному делу. За вре-

мя работы директором телестудии Иван навидался таких типов с суперважными сообщениями. Было в их облике что-то общее, и приходили они всегда, как им казалось, с потрясающими новостями. В основном это были очевидцы НЛО или различного рода инопланетных представителей. Попадались и непризнанные авторы мировых открытий типа вечного двигателя или квадратуры круга. Таких людей Иван делил на психически ненормальных, слегка болеющих навязчивыми идеями и просто зануд, которым необходимо общение и внимание.

Человек, возникший в кабинете, внешне не подпадал ни под одну из этих категорий. Пожилой, невысокий, лет пятидесяти пяти, в простом, не новом, но аккуратном сером костюме, он решительно вошёл и резко протянул руку навстречу привставшему Черепанову.

— Шахтёр, Василий Кондратьевич Матвеев, — глуховатым негромким голосом представился настойчивый посетитель.

"Чапаев", — хотел подправить его Иван, поскольку вошедший внешне походил на киношного Василия Ивановича в исполнении артиста Бабочкина: узкое лицо, тонкие губы, зачесанные назад волосы

и главное — лихие усы, пусть не закрученные кверху, но такие же густые и броские. Эта аналогия немного подняла настроение Ивану, и он уже без неприязни человека, которого оторвали от дел, приготовился выслушать непрощенного гостя.

— Черепанов Иван Сергеевич, по просьба, учитывая позднее время, уложиться в пять минут. У меня ещё масса дел, а завтра я уезжаю в... — Иван подыскивал формулировку, — в рабочую командировку.

— Быстро не получится, — уверенно и даже как-то по-хозяйски произнёс Матвеев, — я вас уже почитаю неделю вылавливаю. Всё никак не застать, потерпите уж и вы чуток. Дольше, чем надо, не задержу. А дело у меня важное. Речь идет о жизнях многих людей — наших с вами земляков, шахтёров.

— Если вы об улучшении условий работы или о повышении зарплат и выплат по регрессу, то мы уже делали об этом серию репортажей, — перебил "Чапаева" Иван, — и продолжаем отслеживать тему. Ею занимаются в отделе документалистики, и завтра приходите туда, к редактору Олегу Григоренко.

— Не об этом. Что ж я не понимаю, по какому делу куда ходить? Вас, Иван Серге-

евич, в нашем городе каждая собака, извините, знает. И как депутата, и как человека. Вы тут выросли и тут остались. Не польстились на столицы. И не скурвились, как многие ваши коллеги. Поэтому я и пришёл к вам, а не к кому другому.

Хоть Черепанов и считал себя не падким на лесть, "лещ", брошенный Матвеевым, всё же приятно его задел.

— А дело мое серьёзное, — не меняя тональности, произнёс гость, — завтра-послезавтра на шахте "3-я глубокая" должен произойти взрыв. Её срочно надо остановить и людей вывести.

— Ничего себе сообщенище, — Иван посмотрел на гостя более внимательно. Неужели тот из категории "немного больных навязчивыми идеями"? А с первого взгляда не похож был. Что ж, не повезло, теперь надо сделать вид, что сообщение заинтересовало, и вежливо выпроводить или лучше перенаправить на кого-нибудь другого этого знатока — Чапаева.

— Конечно, это важные сведения, — медленно, как бы подбирая нужные слова, начал Иван. — Но лучше сообщить в милицию или СБУ. Рассказать о террористе, и пусть они примут соответствующие меры, обезвредят его, арестуют, и дело с кон-

цом. Ведь откуда-то вы узнали о предстоящем взрыве, не придумали же сами?

— Нет, не придумал, — теперь уже Матвеев внимательно смотрел на Черепанова. — И в милиции уже был. И с директором шахты Лукьянцом Владимиром Ивановичем встречался. В милиции выслушали — посмеялись, а Лукьянец не понял или не захотел понять. Но люди-то, люди погибнут! На вас одна надежда, может, вы их сумеете убедить, что шахту надо остановить.

"Тяжёлый случай, — подумал про себя Иван.— Быстро отделаться не удастся, старичок прилипчивый, настырный, пропал вечер..."

— То есть их не убедили ваши аргументы, — вежливо и обречённо продолжил Черепанов, — но если не убедили таких компетентных людей, то, может быть, ваши страхи преувеличены и ничего не случится? Вам-то о взрыве кто сказал?

— Так кошка и сказала, — Матвеев, казалось, был удивлен тупостью Ивана, — кошка. Вернее, не сказала, конечно, — он уловил недоумённый взгляд Черепанова и поправился: — Своим поведением показала. Нет, вы не думайте, я с ума не сошёл. Просто кошка у меня такая — чувствует заранее катаклизмы в земной коре. А в ос-

тальном кошка как кошка, даже мышей ловит. И в последнее время она себя тоже тревожно ведёт, особенно в том месте, где лава шахтная проходит. А это верный знак — быть беде.

— Погодите, — Иван вдруг вспомнил разговор с ликвидаторами аварии на Чернобыльской АЭС годовой давности, когда они по традиции вместе отмечали очередную дату той страшной трагедии. Я что-то слышал от ребят о человеке, который после перенесенной аварии на шахте тонко чувствует поведение животных, иногда видит внутренние органы и даже диагностирует некоторые болезни. Не вы ли?

— Может, и я, но мои возможности по диагностике и лечению несколько преувеличены. Действительно, я пытался и даже помог нескольким чернобыльцам определить недуги. Они вовремя обратились к врачам, и те всё подтвердили. Но для таких дел необходимо медицинское образование, которого у меня нет, да и людей я чувствую хуже животных, уж не знаю, почему. А вот поведение своей кошки Маргариты могу "расшифровать", особенно когда она обостренно чувствует опасность.

Я это и милиции объяснял, они до конца слушать не стали. Мол, и так много дел, а тут тоже ещё — банда "Чёрная кош-

ка" нашлась. Посмеялись и выпроводили, иди, говорят, в академию наук с такой кошкой, пусть её там изучают. Но вы-то наверняка слышали, что животные могут предсказывать разные катастрофы — рыбки аквариумные, жабы, грызуны, кошки? Вы-то должны знать!

То, что многие животные чутко реагируют на предстоящие сейсмические события, реагируя на изменения электромагнитного поля земли, Иван знал. Когда-то они даже делали об этом передачу и подбирали статистику таких случаев. Он вспомнил, что самым чувствительным предсказателем считалась кошка, но сейчас, вечером, в преддверии отпуска, даже вспоминать это, не то что заниматься, не хотелось. Да и ради чего?

Конечно, старичок ненормальный, а вдруг — нет? И тогда, если не принять меры, погибнут люди. И простить этого Иван себе не сможет никогда, и никакие "отмазки" про шизофреников не пройдут. В чём-то каждый из нас является шизофреником, вспомнил Черепанов выступление какого-то московского профессора психологии. Но кто может быть судьей и в праве ли им быть, особенно в таком случае? Эх, как не вовремя появился этот оракул! Уже завтра Иван бы спокойно собирался на ос-

трова, предвкушая две недели прогулок, дайвинга, джина с тоником на пляже, смуглотелых красавиц... Впрочем, тут можно губы не раскатывать, Ольга будет чётко бдить его, Ивана, нравственность. Если, конечно, их отношения можно считать хоть немного нравственным. Впрочем, он опять отвлёкся.

— Хорошо, — вслух размышлял Черепанов, — допустим, я попробую убедить Лукьянца остановить шахту и вывести людей. Но у меня должны быть веские основания, а вместо них — только ваши "кошачьи рассказы". Тем не менее я попробую. Оставьте номер телефона и ждите моего звонка. Большого пока не обещаю.

Когда за Матвеевым закрылась дверь, Иван решил освежить свои знания и проверить слова Василия Кондратьевича. Он нашёл по поисковику в Интернете несколько материалов на нужную тему и начал читать, даже увлёкся, несмотря на позднее время. Статьи слова "Чапаева" частично подтверждали. Многие специалисты подтверждали уникальные способности животных предвидеть землетрясения. Жители сейсмоактивных районов давно заметили необычность поведения животных перед землетрясением или извержением вулкана. Известно более семидесяти

видов животных, которые могут чувствовать приближение катаклизмов.

Поведение животных учёные делили на два типа. Первый тип — эмоциональное изменение — животное тревожится, дрожит. Чаще всего это связано с землетрясением небольшой амплитуды или когда эпицентр толчков находится на значительном расстоянии. Ко второму типу поведения относили целенаправленное поведение, когда животные покидают насиженные места и стремятся уйти. Благодаря такой чувствительности они успевают покинуть район бедствия ещё до начала извержения вулкана или землетрясения.

Выявляя группы самых активных животных-предсказателей, учёные делали оговорку: возможно, что и другие представители фауны не менее чувствительны. Однако за домашними животными человек наблюдает чаще, поэтому считается, что именно собаки, кошки, лошади, овцы и домашние птицы быстрее других реагируют на приближение катастроф.

Учёным удалось выяснить, что животные способны предсказывать землетрясения, сила которых составляет от четырех баллов и выше, но при этом не все представители даже одного вида одинаково

во точно могут делать это: кто-то реагирует на изменения биополя Земли быстрее, кто-то — медленнее. Как правило, приближающуюся природную катастрофу могут чувствовать лишь те животные, которые находятся в радиусе 100 километров от эпицентра.

Часто живые существа реагируют на сейсмическое событие неоднозначно: то начинают метаться, то затихают, прислушиваясь к тому, что происходит внутри земных недр. Специалисты отмечали, что животным редко удается предугадать землетрясение ранее, чем за сутки. Однако некоторые чувствовали приближение стихии за несколько дней и даже недель. Перед катастрофой животные чувствуют перемены в окружающей среде. Учёные выделяли несколько факторов, изменение которых и определяет аномальное поведение животных. Это состояние электромагнитных полей, звуки, выходящие из недр, газы, электростатический заряд аэрозольных частиц.

О кошках же Иван вычитал следующее. Наши ласковые ленивцы перед землетрясением кардинально меняют поведение. Начинают метаться по комнате, скрести когтями двери, в общем, пытаются любым способом вырваться из помеще-

ния. Но это одна линия поведения. Другие кошки могут наоборот забиться в угол и громко мяукать, обращая на себя внимание. Кошки-матери прячут своих детёнышей. А самые чувствительные кошки покидают жилища за несколько дней до землетрясения и только после него возвращаются к хозяевам.

Аномальные факты поведения кошек зафиксированы практически во всех сейсмоактивных точках мира. Газеты неоднократно раздували сенсации, когда кошки спасали жителей города. Может, всё это было и преувеличено, но Иван решил, что теория имеет полное право на существование. А посему списывать слова Матвеева на навязчивую идею, тщательно не проверив, нельзя.

Когда-то давно он подарил Марии кота. Пушистого, толстого, персикового цвета. Новый член семьи быстро стал любимцем и занял главенствующие позиции в доме. Когда Семён — так его назвали по общему согласию — начал подрастать, Иван понял, что перестал быть в доме главным. Семёна получал первым еду из рук хозяйки, ему досталось все внимание и ласка. Наглец имел даже иной раз неосторожность среди ночи располагаться на одеяле между Иваном и Марией, при этом

урчал, как трактор, и утаптывал передними лапами себе место. Не проснуться, когда по тебе топчется пять килограмм шерсти, было невозможно, но любимцу всё прощалось.

Когда перс подрос и пришла его пора показаться миру во всей красе, на первой же выставке они заработали медаль. Мария была на седьмом небе, а жизнь Семёна превратилась в сказку. Черепановы стали знатоками фелинологии, вступили в клуб, где Иван познакомился с Аликом Медведовским.

— Алик, привет!

На другом конце провода собеседник был несказанно удивлён.

— И вам здарсьте, какими судьбами, Иван Сергеевич, опять кошечка понадобилась?

— Да нет уж, спасибо, хочу проконсультироваться с тобой как с лучшим кошководом. Мы передачу готовим о сверхъестественных способностях кошек.

— О! Это моё больное место — только мало кто верит, что такое возможно. Приезжайте, Иван Сергеевич, у меня есть что показать.

Через некоторое время Иван и Алик пили чай в подсобке зоомагазина, который обеспечивал куском хлеба исследова-

теля кошачьих характеров Алика Медведовского.

— Знаете ли, Иван Сергеевич, нет животного более неизученного, чем кошка, — хозяин кабинета достал папку и стал развязывать тесемочки. — Здесь у меня такой трактат появился — я ездил в Египет на конференцию. Пирамиды, знаете ли, тайны...

Папка легла на стол, и Черепанов увидел перед собой фотокопии древних трактатов.

— Исполнено на папирусах, — Алик принял позу подающего надежды ученого, слегка потирая подбородок с озадаченным видом. — Благо в среде египетских фелинологов есть и люди, занимающиеся историей профессионально. Так вот, эта история описана от имени свидетеля, принимавшего участие в тех событиях. Достоверно не известно, вымысел это либо правда, пока ни один египтолог не дал четкого заключения. Рукопись перевели совершенно недавно, работа заняла очень много времени. Почитай, Иван Сергеевич, там по твоей теме много интересного.

В начале исторического периода, именуемого Средним Царством, Египет вырос в могучую державу. Основой этой державы являлись и зерновые хранили-

ща. Пока они были наполнены, страна могла спокойно пережить возможный разлив Нила. Вот это и был звёздный час кошки — истребителя грызунов. Практическое значение кошки в Древнем Египте было так велико, что именно в этот период её стали считать священным животным. Египтяне обожествляли кошек, видя в них существ, способных воплощать в себе образы конкретных богов. Облик огромного кота принимал великий бог солнца Ра, победивший Апопа, змея тьмы. Иногда Ра называли Великим Котом. Его поединок со змеем тьмы художники изображали так: одной лапой кот придавливает голову змея, а в другой держит нож. Ну и кроме практической пользы, без сомнения, есть ещё и что-то непознанное, неразгаданное в каждой "миу"...

— В чём?

— В ком! "Миу", или "мау", на древнеегипетском и значит "кошка". "Мау" значит "зрячий". Кошка видит в темноте. Кошка смотрит, зрит сквозь темноту. Кошка видит то, что не видят другие звери и люди. Нет, недаром древние египтяне так почитали кошек. Они умели сосуществовать с ними, а взамен получали тайные знания. Хотя я не думаю, что речь идет именно о знаниях. Скорее всего, это не са-

ми знания, а способность их добывать. Видеть то, что не дано видеть всем.

— Экстрасенсорика? — Иван не отрывал глаз от текста.

— Не могу сказать точно, четкого определения нет. Кошка помогает человеку раскрыть свои нерядовые способности. И ещё интересно: такая кошка сама делает выбор, кого из людей она осчастливит высшим знанием. Она делает этот выбор по каким-то только ей известным критериям, из тысяч людей выбирает одного.

— И потом его учит предсказывать?

— Прочти перевод, Иван Сергеевич, и сам всё поймешь.

Дома Иван посвятил себя древнеегипетским историям, и теперь он был уверен, что Матвеев — не сумасшедший старик, но один из тех странных людей, которым действительно дано нечто неизвестное остальному человечеству.

И завтра же придется поговорить с директором шахты и попытаться как-то объяснить ему ситуацию. А что такое закрыть, хоть и на время, исправно работающую лаву и вывести на поверхность, оставив без работы, более пятисот человек, Иван прекрасно понимал. А если предсказание Матвеева не подтвердится, кто покроет убытки Лукьянцу? Черепанов, Мат-

веев, его кошка? У Лукьянца есть план по отгрузке, ответственность перед министерством, и он прилично рискует, если информация не подтвердится. Хотя, если случится взрыв, он рискует не меньше! Ладно, завтра с утра визит на шахту, записал в ежедневник Иван и собрался на выход. Он и не заметил, что на часах было уже около двенадцати, и даже острое чувство голода, еще полтора часа назад буквально съедавшее его, отпало само собой.

С Владимиром Ивановичем Лукьянцом Иван созвонился с самого утра. Знакомы они были давно. Встречаясь на сессиях горсовета, они частенько вспоминали те лихие дни, когда волею новых властей случайно оказались в одной камере предварительного заключения при переделе власти по сфабрикованным материалам. Хорошо, удалось разобраться, но через какие приключения при этом пришлось пройти Черепанову — прямо хоть книгу пиши. В такой переплет он тогда попал, что если бы не природная стойкость и черномыльская закалка, старые друзья да товарищи по партии, вряд ли продолжил он сегодня свою журналист-

скую и прочую деятельность. Ну да дело прошлое...

Ради такого визита Черепанову пришлось подниматься спозаранку. Принял его Лукьянец в 7 утра, перед планёркой. Седой, с маленькими, как буравчики, глубоко посаженными глазами, с которых, казалось, никогда не смывается чёрная угольная пыль, невысокий Владимир Иванович, как из ниши, из большого кресла привстал и протянул руку навстречу Черепанову.

Лукьянец возглавил шахту "З-я глубокая" в нелёгкие времена. В годы перестройки шахта растеряла почти всё, что накапливалось десятилетиями. Аварийность, безденежье, невыплата зарплаты, забастовки — эти беды преследовали всю угольную промышленность... Новый директор смог обеспечить ежегодный прирост угледобычи. Лукьянец настойчиво внедрял передовые технологии, переоборудовал очистительные и подготовительные забои, обновил шахтный транспорт. Был разработан инвестиционный проект, привлёкший средства на строительство нового блока.

Все эти подробности Иван вспомнил ещё ранним утром, во время бритья. Совсем недавно они готовили документаль-

ный фильм об "угольных генералах" и их хозяйствах, и подробности в памяти Черепанова были ещё свежи. Тем более о Лукьянце — человеке уважаемом, полном кавалере нагрудного знака "Шахтерская слава".

Две-три общие фразы, и Иван подробно пересказал Владимиру Ивановичу всё, что узнал от Матвеева, добавив информацию, которую "накопал" сам. Получилось убедительно. Хотя подкрепить фактами рассказ "Чапаева" было нельзя.

— И ты хочешь, чтобы на основании этого полумистического прогноза я остановил шахту? — Лукьянец внимательно посмотрел на Ивана. — Ты ведь не Матвеев и хорошо понимаешь, чем это чревато. Допустить убытки на сотни тысяч, тем более в сегодняшнем моём положении. Слышал ведь, как новое руководство Минутля меня любит? Только причину дай для увольнения — тут же подпишут приказ. Это несмотря на все мои регалии, хотя кто на это сейчас глядит? Да, был у меня твой шаман.

— Но ведь на другой чаше весов — люди. Владимир Иванович, не мне вам об этом говорить.

— Иван, ты же мою биографию знаешь, я не с завхоза продуктовой базы на

это место сел. С 17 лет в шахте, считай, все ступеньки прошёл, и что такое жизнь шахтёрская, по себе знаю. Сам трижды в аварии попадал. Но, — Лукьянец сделал большую паузу и полез в кипу бумаг на столе, — вот последняя сводка службы инженера по технике безопасности. Ни один аварийный параметр не находится за пределами нормы. Ни о-дин! Так кому мне верить: твоим предсказателям или моим приборам и специалистам? Да, техника у нас не самая новая, да, на что-то мы закрываем глаза, когда надо гнать план, но безопасность людей блюдём. Иначе бы я с тобой на эту тему даже не разговаривал. В своё время этот Матвеев был один из немногих, кого спасли после взрыва метана. Я его хорошо помню. Характеризуется положительно, нарушений не имел и всегда был нормальный. Но, может, пришло что-то в голову ветерану, хотел о себе напомнить, что ли. Ты с ним беседовал. Как он?

— У меня он не вызвал негатива, на вид адекватный, почему я и пришёл к вам, хотя сам в цейтноте — сижу на чемоданах, отпуск срывается.

— Да я тоже слышал о телепатических или каких там способностях этого Матвеева, слышал. Некоторые охотники, мои друзья, даже брали его в кинологиче-

ские клубы, когда покупали там себе собак для охоты. И действительно, как старый и опытный охотник тебе говорю: собаки, которых он посоветовал, работают на дичь отлично. Сам убеждался.

— Вот видите, значит, есть основания прислушаться, чувствует он животных!

— Знаешь, что я вспоминаю? Когда мне было лет двадцать и я работал ГРО-Зом на шахте имени Стаханова, один старый шахтёр рассказывал нам, пацанам, легенду. Мол, жила у них в лаве почти ручная крыса, которая умела предсказывать беду. Хлопцы её даже подкармливали частенько и имя дали. Так вот, она перед взрывом прибежала к ним, еды не брала, а прыгала и визжала, как бы предупреждая. И несколько раз после этого ребята не спустились в лаву, где действительно происходил взрыв.

— Да что вы? — Иван даже привстал. — Бывает же, видите. И как же они назвали её: Чип, Дейл?

— Твои Чипы и Дейлы всего десять лет, как появились, — улыбнулся Лукьянец. — Варварой её ребята называли, а нежно — Варюшкой. Только недолго она прожила, опять же по рассказам, погибла при очередном взрыве. Во всяком случае

после аварии её не видели. Ну, да мы отвлеклись. На какое число твой Матвеев прогнозирует взрыв?

— Ну как он может совсем точно сказать, у кошки, что ли, спросить? По его наблюдениям взрыв должен произойти на вашей шахте, место он указал довольно точно, на днях.

— Значится так. Лети себе на острова, грей чего у тебя замёрзло, и местных дам ублажай. Или со своим самоваром в Тулу едешь? Стареешь, брат, хоть по тебе и не скажешь. А я с нашими по безопасности всё еще раз проверю и на эти два дня под свою ответственность выработку закрою. Остаётся придумать, под каким соусом это преподать. Не говорить же про кошку. А то свои засмеют или за ненормального примут. Проведём там внеплановую установку новых датчиков и лаву подчистим. Это благо, что конец месяца и план уже дали. Так своему предсказателю и передай, а сейчас на планёрке до бригадиров и мастеров доведу, — он что-то пометил на длинном и испещренном заметками планере. — А ты за меня там, на Борнео, разок отметься по интимному делу, если будет оказия, или на худой конец, — Лукьянец озорно хохотнул, — пусть тебя местные красотки отмассажируют по пол-

ной программе, они там знают, где и как. Я когда был в Таиланде, глаза разбегались: на всех пляжах такие умелицы по части поднять всё, что давно залежалось. Я, старый дурак, как и ты, с семьёй туда припёрся, так весь отпуск жалел об этом и думал, как хоть на один сеанс сорваться. Но жена чётко следила, чувствовала, как твоя кошка перед взрывом, — если сорвусь, то не остановить. Ну ладно, дуй навстречу хорошим делам, счастливирик.

От Лукьянца Иван уходил успокоенный. Правду ли, неправду говорил Матвеев, но они с Владимиром Ивановичем своё дело сделали.

А директор шахты на планёрке так и не вспомнил о данном Черепанову обещании.

Василию Кондратьевичу Матвееву Иван отчитался с чистой совестью. Тот долго благодарил, но Черепанов его уже не слышал, спешил домой. До отъезда в Киев оставалось четыре часа, и в полной боевой раскраске Ольга уже нетерпеливо вышпигивала по комнате, как пантера перед решающим прыжком. У порога стояли упакованные нарядами сумки.

— Фёдор, дело есть!

Фёдор Будыка, заслышав лай собаки, нехотя плёлся в сторону калитки.

Много лет прошло с тех пор, как Василий разбил его надежды жениться на Ольге, но старая обида стояла стеной между соседями. Сам Фёдор обзавёлся семьёй, родил двух сыновей, и те, следуя поселковой традиции, тоже вынуждены были пойти по стопам отца — работали в шахте.

— Шо ты хотел?

— Зайди ко мне, разговор есть.

— У тебя маслом не намазано, нечего мне по гостям ходить, работы много.

— Зайди, говорю. Того стоит.

Через некоторое время Фёдор, накинув пиджак, приплёлся к соседу.

На столе в летней кухне Василий выставил банку домашних солений и бутылку водки. Два гранёных стакана стояли рядом, ожидая своей неминуемой участи.

— Садись, я давно хотел с тобой поговорить, а тут повод подвернулся.

— Ну?

— Подожди, давай выпьем.

Василий налил по половинке и протянул стакан соседу.

— Давай, Ольгу помянем... Сегодня годовщина очередная у неё...

Фёдор молча взял стакан и выпил, не чокаясь.

— Может, и лучше, что оно так вышло... — Фёдор вспомнил свою первую любовь, и голос его задрожал. — Любила она всё же тебя, а не меня...

— Давай уже заканчивать с этой историей, Фёдор. И Ольги давно нет, а ты всё не по-соседски как-то. Она так решила, так и вышло. Ты же семьёй обзавёлся, сыновья вон какие...

— Да, а ты вот один остался, ну дочь — та не в счёт, она теперь городская. Смотрю на неё — статная, как Ольга, красивая такая же...

— Ну что, мир, сосед?

— Я ещё не решил. — Фёдор был не из тех, кто забывал обиды бесследно.

— Федя, а твои в какой лаве работают?

— На юго-западной. Её скоро запускать будут. Петруха говорил, комбайн там новый совсем, повышенной производительности, монтируют сейчас. Уже и забыли, когда шахта новые комбайны получила.

— Скажи сыновьям, чтобы не ходили на работу неделю.

— Чего? — Фёдор уже освоился и жестом попросил подлить ещё.

— Пусть возьмут отгулы или в отпуск уйдут, так лучше будет.

— Что ты мутишь, сосед? Говори, как есть. У них семьи, кормить надо, а отпуска уже отгуляли.

— Нехорошее предчувствие у меня, Фёдор, боюсь — сбудется.

— Да что сбудется? Тебя слушать — аж мурашки по коже...

— Взрыв будет в лаве. Скоро.

— Типун тебе! — Фёдор перекрестился и отмахнулся от соседа, как от назойливой мошкары.

— Точно тебе говорю. До воскресенья будет. Ходил с Маргаритой по окрестностям, смотрел, где как она себя ведет. Уж больно умная кошка. Когда она рядом, мне и думается легче. Кажется, она мне помогает. И я ей помогаю. Когда мы вместе, я могу лечить лучше. Так вот, когда мы в балке были, мне так не по себе стало... И Маргаритка волнуется, уши прижала, ко мне в ноги лезет, ни на шаг не отходит, как будто тревожит её что...

— Ну и?

— Под балкой новая выработка проходит. Послушай меня, старого дурака,

хоть раз, скажи сыновьям, пусть до воскресенья повременят с работой.

— Да ладно, чего ты так разволновался? Попробую. Только они в эту ересь не поверят.

— Дело твоё, я предупредил.

— Говорили, что ты странный стал после той аварии, а я и не верил особо. А сейчас сам вижу ...

— Не дай Бог, конечно, но потом благодарить будешь.

Принеся Лукьянцу в палату ноутбук, который попутно выполнял и функцию телевизора, и домашнюю еду, его жена невольно попала на импровизированное совещание.

Уже второй день, как он слёг с почечными коликами и незлым тихим словом вспоминал Кондратьича.

На следующее утро после разговора с Черепановым после селекторного совещания директора прихватило так, что он не знал, куда деваться от незнакомой до сих пор резкой боли. "Экстрасенс хренов! Знаток горного дела! Как можно и в почках разбираться, и будущее предсказывать?" — зло думал Лукьянец о Матвееве.

После того, как в отделении доктора успокоили боль, Лукьянец позвонил своему заму и велел явиться к нему вместе с главным инженером.

Сергей Леонидович Попов, главный инженер шахты, представлял поколение советских прагматиков, которые никаким рассказам об экстрасенсорных способностях не верили. Он был закоренелым материалистом, и даже светлый праздник Пасхи для него являлся не более чем дополнительным выходным.

— Как вас не вовремя прихватило, Владимир Иванович!

— А болезнь никогда не бывает вовремя. Как у нас дела? Как идет монтаж комбайна?

— Всё по графику, пока не отстаём, работаем в три смены.

— Леонидыч, есть дело.

Попов внимательно смотрел на директора.

— Ты послушай, а потом скажешь своё мнение.

— Хорошо.

— Помнишь Матвеева? Его когда-то первым из-под завала вытащили?

— Да, он меньше всех пострадал, я мастером был тогда.

— Так вот, этот самый Василий Кондратьевич пророком заделался. В народе слава о нём пошла, якобы и лечит, и предсказывает, просто Кашпировский.

— Слышал такое, но вы ведь знаете, как я к шарлатанам отношусь.

— Да я тоже так думаю, но вот в чём дело... Он был у меня в пятницу. Обещает выброс в новой лаве.

— И скоро?

— По его расчетам, что до воскресенья.

— Владимир Иванович, я всё понимаю, но...

— Ты не горячись, Леонидыч. Я его тоже сначала не послушал. А он напоследок ненавязчиво так сказал, мол, почечка барахлит, товарищ директор, готовься, скоро начнётся.

— И вы поверили?

— А где я сейчас, Серёжа? Это нефрологическое отделение, понимаешь? Тут только почки лечат!

Попов несколько смутился от своей непонятливости, но ещё не разобрался, куда клонит директор.

— Скажи, инженер, если сейчас идём по графику, после воскресенья сможем наверстать упущенное время?

— Вы хотите остановить работы?! — Попов искренне удивился.

— Да, хочу. Сомнение меня гложет, а вдруг он прав окажется?

— И как он об этом может знать?

— Я не понимаю, как, он сам тоже бред несёт про кошку какую-то, про предчувствия. Не знаю. Но сомнение во мне всё же поселил.

— Как скажете. Если дней пять простоим, то потом наверстаем — больше никак нельзя.

— Леонидыч, ты придумай для министерства благовидный предлог, может, с техникой безопасности что-нибудь, не мне тебя учить. Давай послушаем в этот раз Матвеева и заодно проверим, какой он экстрасенс.

Глава 5

ВЫБОР

Аменеминт ждал гонца. И вот слуга, запыхавшись, ввалился в зал и, оторвав голову в чёрном парике от пола, промолвил:

— Хозяин, он вернулся домой. Можно встречаться.

Верховный жрец надел неброскую накидку простолюдина, парик, какой носят ремесленники и строители, и вышел на улицу. От храма до имения Хемиуну неспешным шагом можно было пройти минут за семь. Жрец двинулся вперёд, а позади него поплелись четыре таких же работяги, болтая о чём-то своём. Из осторожности Аменеминт не выходил сам, он передел нескольких слуг, задачей которых было присматривать, чтобы высочайшего не постигли неприятности. В городе нынче было не так спокойно, как во времена расцвета.

— Гонец к главному архитектору строительства! — двери дома беспрепятственно отворились.

— Вести для Хемиуну! — верховный жрец был не только образованным мужем, но и талантливым актёром. Возможно,

именно благодаря такому сочетанию качеств он достиг вершин в касте.

Архитектор вышел во двор с тревогой в глазах — гонец со строительства в такое позднее время мог принести скорее плохие вести, чем хорошие. Хемиуну протянул руку в сторону увитой зеленью беседки, безмолвно приглашая туда гонца.

— Что случилось? — недовольным тоном спросил Хемиуну. Кому понравится, когда его отрывают от семьи в столь неудобное время?

— Пока что ничего, Хемиуну ...

Знакомый голос был как обычно жёстким и низким:

— Пока что... Ты узнал меня?

— Аменеминт... Если ты пожаловал в мой дом лично, да ещё и в таком наряде, то причина наверняка серьёзна...

— Ты прозорлив, Хемиуну, хотя поговаривают, что ты таким был не всегда.

— Что ты имеешь в виду? — в голосе архитектора проскользнули нотки раздражения.

— Не следует так безрассудно делиться своими знаниями. Не уверен, что это принесёт тебе пользу.

— Я не понимаю, о чём ты, жрец?

— Скажи, как зовут твоих детей?

— Аменемуиа — сын, и дочь Мери-Пта. За этим ты пришёл?

— А как зовут их любимую кошку?

— Её зовут Гепа, но сколько же можно, Аменеминт!

— Я хотел убедиться, что это именно та кошка...

Хемиуну напрягся. Верховный жрец слыл человеком жестоким и непримиримым, когда дело касалось либо интересов касты, членом которой он являлся, либо секретов, хранителем которых он был. Ничего хорошего начало беседы архитектору не предвещало. Как обычно, жрец знал больше, чем мог предполагать его собеседник.

— Давай присядем, Хемиуну, нас никто не видит, потом скажешь, что давал гонцу поручение.

— Я готов тебя выслушать, жрец.

— Хочу, чтобы ты, Хемиуну, проявил присущее тебе дальновидение и понял, что каждое моё слово для тебя жизненно важно.

— Говори же!

— Скажи, Хемиуну, задумывался ли ты, как опасно заглядывать в будущее, если ты не бог, а значит, не ты его создаёшь?

— Ты всё знаешь...

— Да, знаю. Ты образованный муж, но теперь ты ещё и опасный для нас человек.

— Не посмел бы я никогда перечить воле жрецов...

— А ты и не пытался. Но, став советчиком фараона в некоторых делах, ты сам загнал себя в угол. Теперь у тебя кругом враги.

— Откуда ты знаешь? -Хемиуну чувствовал себя совершенно разбитым и не знал, как себя вести.

— Доселе на меня такое озарение, как на тебя, не сходило, но имеющий уши — да услышит. Даже если все думают, что он глухой.

"Слуга. Глухонемой слуга. Воистину, сила влияния жрецов ещё совсем не угасла", — архитектор понял, что жрец знает их разговор с фараоном дословно.

— Ты прослыл хорошим строителем, Хемиуну, и тебе наверняка безразлична судьба твоего детища. Так?

— Конечно, это смысл всей моей жизни!

— У фараона нет денег, чтобы закончить строительство Большой пирамиды. Он обращался к нам, но мы не дадим.

Хемиуну не верил своим ушам. Это говорит ему сейчас верховный жрец!

— Без денег ты не сможешь накормить работников, а голодные строители — неуправляемые люди. Сначала они поднимут бунт, уж поверь, мы знаем точно, потом они убьют тебя, затем примутся за ненавистную пирамиду и вот он — бесславный конец — и твой, и нерождённой пирамиды.

— Фараон позаботится о том, чтобы этого не произошло. Он мне обещал.

— Но взять деньги ему негде.

— Почему ты говоришь со мной об этом? Ведь я могу завтра же направиться во дворец и доложить о твоих интригах.

— Ты тщеславен, Хемиуну. Закончить работы для тебя важнее всего на свете, и, кроме того, твои дети. Они учатся в школе при храме Птаха? Прилежные мальши. Делают успехи.

— Дети мои, не смей их упоминать, я достаточно пожертвовал храму в своё время.

— Мы помним об этом и всегда будем помнить о щедрости, которую ты проявлял даже во времена запрета на жертвоприношения.

— Ты беспощаден, Аменеминт, одной рукой берёшь, другой уничтожаешь.

— Приходится...

— Чего ты хочешь? — архитектор был готов к самым неприятным новостям, ведь жрец пока только подводил его к неведомой мысли.

— Я уверен, выслушав, ты поймёшь меня и примешь правильное решение.

— Не скрою, жрец, ты застал меня врасплох. Говори же.

— Я предлагаю сделку: мы дадим фараону деньги на завершение работ, но ты поможешь нам компенсировать затраты на сокровищницу Лабиринта.

— Каким образом я могу это сделать? Такую сумму я за всю жизнь не получу!

— Ты, Хемиуну, был нечестен со своим дядей фараоном, и он тебе этого тоже не простит. Ты знаешь, где искать золото на землях Египта. Посоветуйся со своей кошкой...

— Ты страшен, жрец...

— Нет, для тех, с кем мне по пути, я не страшен. Ты, похоже, понял это. Так вот, именно ты поможешь нам найти жилу.

— Как жрецы собираются добывать золото, если всё, что находится на земле и под землёй, принадлежит только фараону?

— Это не твоя забота, Хемиуну, выполни свою часть нашего договора.

— Ты предлагаешь мне предательство в обмен на жизнь мою и моих детей?

— Не только жизнь, но и славу главного архитектора Большой пирамиды, тебя будут боготворить потомки. И ещё, вернись к тому, с чего начал: быть пророком небезопасно, а быть пророком у фараона — смертельно опасно. Если вдруг тебе пригрезится, что у фараона не всё в порядке с будущим, то лучше отнеси это на свою немощность как пророка. Найди, что ему сказать, это в твоих интересах.

— У меня есть время на раздумья?

— У тебя его нет. Ты уже узнал настолько много, что ты либо с нами, либо тебя не существует. Прощай.

Невысокий человек в одеждах строителя почтенно поклонился и отправился к выходу, где его ждали спутники.

Архитектор Хемиуну остался стоять в центре беседки, проклиная тот день, когда кошка Гепя легла к нему на грудь и его посетили первые пророческие видения.

Со стороны казалось, что пожилой человек, раздвигая тростью поросль в редкой посадке из молодых дубков, ищет грибы. Но Кондратычу было не до грибов.

Утром Матвеев разложил большую карту прилегающей к посёлку местности и нанёс проекцию выработок шахты, добытую у маркшейдеров. Он мудрил над картой несколько часов и понял, какие ориентиры на поверхности соответствуют выработкам под землёй.

Уже несколько месяцев Василий Кондратьевич учился оценивать и анализировать своё состояние без помощи кошки. Теперь, чтобы увидеть будущее, ему необходимо было сосредоточиться, отключиться от внешних раздражителей и думать в заданном направлении. Образы, возникающие при этом, стали соответствовать действительности. Матвеев задался целью научиться работать "автономно", без помощи своей домашней любимицы и, похоже, ему это начало удаваться. Поначалу он сам занялся исследованиями соседей без их ведома. К примеру, о том, что кассир Вера с автостанции скоро будет очастливлена первенцем, он узнал раньше самой будущей мамыши. Когда очастливленный этой новостью её супруг перебрал самогона и горланил песни на поселковой улице, участковый после выяснения обстоятельств только довёл счастливицу домой и отпустил с миром. Слух, как обычно, распространился быстрее ветра, и Веркин

муж, когда протрезвел, получил на орехи и от жены, и от родителей — не принято в этих местах афишировать пикантное состояние мамыш, дабы не сглазить.

Теперь же Матвеев день и ночь думал об одном — как оценить предчувствие беды под землёй, преследующее его постоянно. Директор ему не поверил и, наверное, правильно сделал. Следовало подготовиться, а не брать на испуг. Лукьянец не тот человек, ему по полочкам нужно всё разложить, пока он сам в чём-либо не убедится — его с места не сдвинешь. Хотя что можно ему рассказать, если сам Матвеев с трудом разбирается в своих видениях? Ну да ничего — Черепанов поможет.

Мы залезли в тело планеты, начали его долбить, сверлить, взрывать, отбирать у неё внутренности и ждем поблажек, прощения за такое наглое вторжение? Люди, как черви в груше, ползают под землёй, чтобы насытить топливом свои прожорливые заводы, не понимая своей беззащитности. Одно движение породы или выброс — и нет смены. Мсть. Это мсть наглому и бесстрашному человеку за самоуверенность.

"Зачем тогда я об этом знаю?" — Кондратьич не находил себе места. Эти мысли

не давали ему жить жизнью обычного человека. Знания обычно добывают, а тут они сами лезут в голову. Навязываются и тревожат. Что с этим делать?

Ноги болели от постоянной ходьбы то по пахоте, то по лесопосадке, но Матвеев не сдавался. Остановившись в очередной раз, нанёс на карту пройденный путь — на бумаге образовывалась спираль, и он двигался к её центру. Работа продвигалась медленно. Плядя вниз, будто пытаясь что-то рассмотреть там, в глубине, он двигался, подчиняясь непонятному инстинкту, к точке, которая и должна была стать эпицентром взрыва. Ближе к вечеру рисунок на карте напоминал очертания разреза раковины некоего древнего моллюска. Матвеев стоял в центре этой раковины. Именно здесь на большой глубине и произойдет взрыв. Что станет его причиной? Выброс метана или геологические процессы, людская безалаберность — не важно. В этом месте произойдёт мощное сотрясение земли.

Суббота на шахте такой же день, как и все остальные. Производство не знает выходных, и если тебе выпало работать, то быстро теряешь счёт дням недели. Шахтёры лучше ориентируются по датам.

Такого-то числа — в первую смену, такого — во вторую, и так всю рабочую жизнь. Но в эту субботу совершенно неожиданно спуск в шахту горняков второго добычного участка был отменён. В нарядной главный инженер Попов собрал смену и пояснил:

— Сегодня и в течение следующих двух дней работать будут только бригады, поддерживающие жизнеспособность шахты, и первый добычной участок. Остальные — пока свободны.

— А выходы проставят?

— За сегодня проставят, а дальше — по ситуации. В шахте ведутся работы по устранению опасности выброса метана. Рисковать не будем, как говорят врачи, вскрытие покажет, ошибаемся мы или нет. Кто получил наряд на поверхность, может приступить, кто свободен, может идти.

Несколько удивленные таким поворотом событий, горняки начали разбредаться.

— Кондратьич, ты дома?

Матвеев открыл калитку и увидел бледную Трофимовну.

— Что ты, баба Аня, на ночь-то глядя? Что стряслось?

— Нет покоя мне третий день. Витя, старший мой, уже за сорок ему, а всё никак не образумится. А теперь и вовсе пропал.

— Да не плачь, баба Аня, по порядку рассказывай, — Кондратьич провёл старушку в дом и усадил на табурет. — Может, он на заработки подался?

— Какие заработки? Все его заработки — железо. Что подберёт, с того и живёт, ты же знаешь. Они в шахту полезли. За железом.

— Такого быть не может, баба Аня, кто ж их туда пустит, да ещё и воровать? И шахта закрыта с субботы, ты напутала что-то.

— Да не в "Глубокую" они пошли. Приехал коммерсант из города, бригаду, сказал, набирает. Нужен слесарь толковый. Разбирать что-то, я особо не прислушивалась. Витенька и согласился, руки-то ещё помнят, хоть и пьёт часто. Денег пообещал, мой и пошёл.

— И не сказал, когда вернётся?

— Говорил, каждую ночь спускаться будет, а отсыпаться потом целый день.

— Куда спускаться? Его же с треском выгнали за пьянку!

— Говорю же тебе — не на "Глубокой" они работали, на "Молодогвардейской".

— Интересно... как так? Она же закрыта давно, там затоплено почти всё.

— Городской говорил, мол, неглубоко пойдёте, металл поднимете из сухой выработки — и свободны.

Матвеев поначалу не смог справиться с роем мыслей, ворвавшимся в голову. Нестерпимо заболел затылок, как тогда — после аварии.

— Вась, ты же всё знаешь, посмотри, живой он хоть, чего пропал?

Кондратьич сел рядом, наклонившись вперёд, обхватил голову руками и заревел, как белуга.

— Что это с тобой, Вась? — баба Аня уже не думала о своих тревогах — Матвеев производил впечатление сбежавшего безумца.

— Иди, иди Трофимовна, не вижу я его, не могу ничего сказать.

— Хоть жив-то?

— Иди! Я не знаю! Не знаю! Не знаю!

Перепуганная старушка боком попятилась в сторону ворот.

— Вась, как увидишь что, скажи мне, ладно?

— Ладно, ты иди, не обращай внимания, баба Аня, голова сильно разболелась.

— Бедный ты, бедный, всё никак шахта тебя не отпустит, уж столько лет прошло...

Сквозь штакетник забора виднелись только цветастая косынка да старенький халат уходящей бабушки, а Матвеев готов был разрыдаться от отчаяния. Глубокая боль только обострила ненавистные ощущения. Василий отчётливо видел, что сына бабы Ани уже нет в живых.

— Как наши дела? — директор шахты Лукьянец внимательно смотрел на Попова.

— Владимир Иванович, я же говорил, аферист он. Не может один человек заменить сотни приборов.

— Ты людей вывел?

— Всё, как вы приказали. Я сам спускался, мы просмотрели все датчики по основным штрекам, они все исправны, а метана в выработках нет.

Директор, глядя в пол, пробурчал:

— Ошибся Матвеев?

— Факт, ошибся. Теперь замучают объяснительными.

— И я повёлся на эти байки, с моим-то опытом. Непростительная ошибка.

— Отпишемся, не впервой, Владимир Иванович. Вы когда из больницы?

— Завтра жди. И давай не будем распространяться про Матвеева. Больше видеть его не хочу, аферист, мать его так... С завтрашнего дня — в плановом режиме. Эти три дня нужно наверстать за две недели — максимум.

— Вот это другое дело, узнаю шефа, а то предчувствия, аварии. Какие аварии? Человек — повелитель природы! Есть возобновить добычу!

Улыбаясь во все тридцать два зуба, Попов откланялся и вышел из палаты.

— Фёдор! Фёдор, это я! Открой! — Кондратьич молотил кулаком по соседской калитке.

— Совсем ополоумел, Василий? Здесь я, не колоти!

— Фёдор, кто у нас на "Молодогвардейской"?

— Да кто, ты всех знаешь, перечислять что ли? Вот Валька в ламповой стояла и на клетки, бывало, тоже. И сейчас она там, они же только на поверхности работают, остатки металла вывозят, всё уже, померла добыча. У тебя что, память отшибло? Или опять осенило?

— Валентина, которая на Горновой живёт?

— Она, точно.

— Пошли.

— Ты, старый, совсем с катушек съехал? На часы посмотри, кто тебя ждёт?

— Федя, не говори ничего, просто пошли, покажешь точно, где она живет.

Лишь изредка лампочки с веранд придорожных домов отбрасывали длинные тени в тусклом жёлтом свете. Но, не смотря на крошечную поселковую темноту, несколько кварталов по просёлочной дороге они преодолели быстро, поскольку шли по памяти.

В доме, отделанном "под шубу", в одной из комнат горел свет.

Собаки во дворе не было, да и охранять здесь, похоже, было уже нечего. Разросшийся по аркам виноград беспорядочно свисал. Покосившиеся двери сарая грозили рухнуть. Всё свидетельствовало, что с личной жизнью у хозяйки давно неладно. Усадьба, как и она сама, давно не видела мужской руки.

— И что теперь? — Фёдор с опаской посмотрел в сторону приоткрытой входной двери.

— Да что, заходи, мы же не грабить пришли.

При входе товарищи обувь не сняли — это не помогло бы в поддержании чистоты.

— Валя! Валентина! Ты дома?

Старенький телевизор синим светом освещал небольшую комнатку, где в углу на диване лежала мертвецки пьяная хозяйка.

— Вот, так, так... — Федор попытался пошевелить пахнущее водкой тело.

— Ты хотел с ней поговорить? Думаю, она сейчас не вспомнит, как её зовут.

— Вспомнит, мне ждать некогда.

Василий прихватил ведро и отправился за водой к колонке, о которую чуть не стукнулся при входе.

— Давай, под руки её, отмочим в холодной водице — быстро придёт в себя.

Несколько раз облив из ковшика голову хозяйки, они извлекли из неё первые звуки.

— Ой, мальчики...

— Давай ещё, она, похоже, давно спала, смотри, подушка отпечаталась как...

Ещё несколько заходов — и Валентина, продрал глаза, возмутилась:

— Прекратите макать меня в воду!

— Ишь, ты, неженка! В себя приходи!

— Вася, ты что ль? Чё тебя нелёгкая принесла?

— Валя, сейчас ты мне кое-что расскажешь. Обманывать не думай — порчу напущу! Я же и так всё насквозь вижу, ты знаешь.

— Ой, ой... колдун хренов. Ты бы лучше увидел, где мне мужика найти.

— Чего напилась?

— Твоё какое дело? Хочу и пью!

С трудом хозяйка приняла сидячее положение, опершись локтем на серую, давно забывшую наволочку подушку.

— Валя, ты когда последний раз на работе была?

Тучная баба вдруг заревела, закрыв лицо руками, как будто погиб её ещё не найденный муж.

— Ой, Василий! Ой, родной! Что ж я наделала!

— Что, Валя, что ты наделала? — Фёдор понял, что развязка ночного похода близка, и стал воспринимать происходящее более серьёзно.

— Я их опустила!

— Кого ты можешь опустить, ты же баба, — ухмыльнулся Фёдор.

— Ой, какая ж я дура! — Валентина разразилась ещё большими причитаниями.

— Да хватит орать, соседей побудишь! Рассказывай! Терпение Кондратьича подходило к концу.

— Вась, я их в шахту опустила.

— Кого?

— Витьку Седого и ещё двоих.

— Когда? В четверг ещё.

— Рассказывай, зараза, слезами горю не поможешь.

— Приехал бизнесмен такой, из города. Представился Михаилом. Денег столько дал, что мне на месяц хватит..

— И что хотел?

— Двигатели электровозные. Там горизонт ещё у нас есть неразобранный, где электровозы стоят. Говорит, я с твоим начальством договорился, ночью спустишь четверых с инструментом, а через восемь часов поднимешь.

— Почему ночью? — Фёдор искренне удивился.

— Что непонятного? На закрытой шахте копер крутиться по какому поводу может? Ночью хоть не видно.

— Опустила я их туда, а назад они не пришли к назначенному времени.

— А начальство что?

— Я им не говорила, они же разрешили, ну мало ли, а теперь оказалось, не было никакого договора.

— Так ты сама, что ли?

— Теперь выходит так. Городской этот приезжал вчера, говорит, молчи, как рыба. Не было ничего. Никого не опускала и меня не видела. Денег вот добавил.

— И ты молчишь?

— А что я могу сказать? Что я — дура? Может быть, заблудились, я каждый день в назначенный час к клетки хожу. Вот и сегодня опять не пришли.

— Валя, моли доброго Шубина, чтобы они были живы! В какой лаве стояли электровозы?

— В западной.

— Валя, ты действительно дура. Не удивительно, что до сих пор никому не понадобилась, — Фёдор никогда не отличался дипломатичностью.

Горноспасатели прибыли на "Молодогвардейскую" одним подразделением, так как сигнала об аварии не поступало, но по данным дирекции там могли находиться люди из ремонтной смены, которые не поднялись вовремя на поверхность.

Матвеев, находясь в кабинете директора, из потока нецензурщины, направленного в телефонную трубку, разобрал,

что главное — срочно выяснить личности искателей металла, чтобы представить их сотрудниками, иначе ему головы не сносить.

— Ты хоть кого-то из них знаешь, Матвеев?

— Только одного. Он с нашего посёлка.

— Чёрт! Это дело теперь раскрутят доброжелатели.

— Скажите, где эта выработка проходит?

— Глубина 318 метров.

— А где ствол находится?

— Вот он. Они должны были пройти пешком не менее двух километров.

— На запад?

— Абсолютно чётко на запад. Лава-то западная! Иди, прорицатель, не до тебя.

Матвеев совсем не обиделся на эти слова, он их просто не услышал. Он встал и побрёл к выходу, думая о том, какой же он болван.

Уже дома, склонившись над картой, Василий отложил два километра на восток от того места, к которому его привела интуиция. И, к ужасу своему, наткнулся на ствол не работающей ныне шахты "Молодогвардейская".

Этих четверых не найдут. Он знал точно. Выброс был. И это он знал точно. В определенное им время. В определенном им месте, но только на другой глубине и в выработке закрытой шахты. Раньше о глубине он не подумал. Да и о старой выработке на другом горизонте он тогда просто не знал.

С раннего детства Аменеминт был болезненным, но очень смышленным ребёнком. Отец, как и все его предки по мужской линии, был жрецом, а значит, другой судьбы мальчику не предназначалось. Попав в школу при храме, Аменеминт проводил всё время за папирусами, старательно выводя таинственные знаки деревянной палочкой, используя в качестве чернил разведенную золу. Жрецы, занимавшиеся обучением детей, отметили, что самый чахлый и низкий из мальчиков проявлял самое сильное рвение в учёбе, будто пытаясь компенсировать своё отставание от сверстников в физическом развитии. Положенные семьсот иероглифов молодой человек выучил гораздо раньше остальных, и отец позволил ему заняться ещё и астрономией.

И еще ему снились странные сны. Один из них регулярно повторялся в каждое новолуние. Небольшая ладья плывет по спокойному Нилу. В лодке видны две фигуры в белом, они стоят рядом: зрелый мужчина, высокий, подтянутый. Одной рукой он держится за высокий нос лодки, положив вторую руку на плечо своего сына, совсем еще мальчика. Они медленно приближаются к великолепному городу.

"Отец, расскажи мне об этом городе. И зачем мы и тысячи других людей плывут сюда?" — "Сын мой! Мы плывем в прекрасный город Бубастис — нашу столицу, на ежегодный праздник богини-кошки Баст. Мягкосердечная Баст известна своими чудесами врачевания. Ее почитают как веселую богиню исцеления, музыки, счастья и радости. Тысячи паломников спешат на праздник Бубасис. Огромный храм воздвигнут в ее честь, рядом с храмом водный канал, все улицы пересекаются у этого святого места. Я научу тебя молитве: "О Баст, лунолика, могучая целительница, возлюбленная миллионами. Ясная в храме своем, раствори двери свои предо мною, освети душу мою светом своим, проникни глубоко в дух мой, исцели все мои недуги..." Ну вот мы и приплыли, поспешим к храму".

Мальчик глубоко потрясен необыкновенным зрелищем, открывшимся ему. Великолепный храм сверкает на солнце, все любят его белоснежными колоннами, прекрасными деталями. По всей округе разносятся смех и радостные возгласы. С песнями и хлопаньем паломницы поднимаются к храму, трясая своими трещотками — символом плодovitости. У главного входа — статуя богини-кошки, богини, обладавшей силой Солнца и Луны, приносящей умственное здоровье. Баст изображена в виде женщины с кошачьей головой, у ног которой расположились котятa. Кругом продают статуэтки кошек, а в храме обитает множество кошек.

Однажды он рассказал этот сон отцу. Жрец на несколько мгновений застыл, как пораженный молнией. Потом положил на голову мальчика тяжелую теплую руку.

— Не знаю, сынок, как сложится твоя жизнь, но львиноголовая Бастет избрала тебя. Тебя ждет необыкновенная судьба. Ты избран Матерью-Кошкой.

Все знания об устройстве окружающего мира Аменеминт впитывал жадно, будто не мог ими надыхаться. Уже к двадцати годам он был готов служить богам и владел тайным искусством жрецов. Именно к этому служению готовил его отец.

— Как твоя судьба сложится дальше, знает только великий Птах — создатель всего на земле, — отец был его лучшим наставником, — но знай, сын мой, что и ты, несмотря на физическую немошность, можешь быть частью его плана.

— Я? Отец, неужели человек может влиять на свою судьбу?

Жрец положил ему руку на плечо, как бы благословляя на будущие свершения.

— Боги видят каждого из нас, и в зависимости от того, что заложено в тебе, какие у тебя способности, вознаградят возможностью помочь.

Красный диск солнца медленно уходил за горизонт, и воды Нила приобретали кровавый оттенок. Юноша оторвал взгляд от окна.

— В чём помочь, отец?

— Помочь творить мир дальше. Смотри, сын: на землях Египта много рабов — мы их называем "живые умершие", много земледельцев и ремесленников, торговцев и строителей, но только избранным посчастливилось познать тайну служения богам. Разве прожил бы ты столько лет, будучи рабом и имея такую немошность? Нет. Но богу угодно, чтобы ты был полезен великому царству Египетскому своим умом, и по-

тому он наградил тебя возможностью изучать грамоту и науки.

— Я познал грамоту, отец, науки познать в полной мере невозможно, — возразил юноша. — Учёные мужи наблюдают за небесами и водой, за воздухом и землёй, и ты сам видишь, что нужно хранить и накапливать эти знания, так как их множество великое.

Жрец улыбнулся в бороду и согласно кивнул.

— Правду говоришь, сын, и твоё рвение к познанию мира похвально, но не забывай, что твоё главное предназначение — быть членом неприкосновенной и самой сильной в царстве касты. Ты жрец. Всё, чему тебя научили, пойдёт на пользу, но теперь ты, как хороший известняк, должен впитать это и стать ещё крепче и сильнее. Будь готов к тому, что тебя всю дальнейшую жизнь будут ненавидеть. Люди никогда не узнают того, что будешь знать ты — посредник между ними и богами. Любой самый образованный придворный, пусть даже визирь или главный судья, не познает даже части того, что положено тебе, а значит, ты вооружён и опасен для них всех.

Юноша, казалось, был потрясен.

— Ты прожил жизнь в ненависти окружающих? — воскликнул он. — Но ведь в храм столько людей приходит с трепетом и приносит подаяния, и эти дары для богов принимаешь ты, отец. Они не боятся быть наказанными волей всемогущего Ра?

Жрец снова улыбнулся, но на сей раз в улыбке его было больше печали, чем радости.

— Наши белые одежды для них символ высшей власти богов. Даже фараоны, как бы могущественны они ни были, лишь их наместники на земле, а мы — хранители божественных тайн. Для жрецов весь этот драгоценный оклад — всего лишь украшение плоти и иногда — немощной душонки, скрывающейся под одеждами. Настоящие власть и сила — аскетичны. Наши бритые головы содержат знания и тайны, не доступные ни тому, кто носит парик, ни тому, кто владеет короной. Поэтому с животным трепетом приходят они в храм, боясь навлечь на себя проклятие жрецов. Потому опускают взгляд при виде носилок с верховным жрецом. Потому с ненавистью смотрят нам в спину, наивно думая, что мы этого не чувствуем. Пришла пора и тебе познать, что это такое — тайная власть над всеми, даже тем, кто думает, что он правитель.

Вошедший слуга зажег светильник. Отец и сын молчали, пока он не удалился.

— Отец, ты не боишься гнева всемогущего Снофру?

(Снофру - фараон IV династии, отец фараона Хеопса.)

— Нет, сын, — жрец отрицательно покачал головой. — Снофру, как и его великий отец Джосер, умные цари. Никогда сокровищница жрецов при них не скудела. У фараона хватает мудрости сделать так, что простолюдины имеют свой кусок хлеба, ремесленники — свой, а страх перед немилостью богов даёт нам пожертвования, которые накапливаются в Лабиринте. Много поколений египтян внесли туда вклад, и за это Ра помогает нам, Великий Нил приносит плодородные земли, и народ Египта не голодает. Всё, что я сейчас говорю, предназначено только тебе, сын. Твои уши услышали, и ты запомнил. Фараон никогда не пойдёт против нас — мы его опора в царстве. Так обстоят дела сейчас, а как будет дальше — известно только богам. Запомни: тайны, доступные жрецам, никогда не могут быть раскрыты даже фараонам, иначе погибнет вся каста, а вместе с ней — великое Египетское царство.

Эти наставления отца Аменеминт запомнил настолько хорошо, что теперь, следуя улицами Меннефера, он мог повторить в уме каждое предложение.

Маргаритка свернулась калачиком у Василия в ногах. Чёрная, блестящая шерсть здорового животного переливалась в свете лампы торшера. Василий Кондратьевич сжал голову руками, пытаясь отделаться от навязчивых видений. Чётче всего он видел, как стена огня движется по выработке, опрокидывая беззащитных перед её мощью людей в грязных от угольной пыли робах. Кто-то пытался спрятаться, но в замкнутом пространстве не скрыться. Под её напором рушатся шахтные крепи, опрокидываются вагоны, прожорливое море огня распространяется со скоростью поезда в метрополитене. Оплётка кабелей горит, оплавляясь и стекая на пол. Крики сменились стонами и тихими мольбами о помощи. Свет отключён. Фонари коногонок разрезают пространство, заполненное дымом и пылью, не более, чем на расстояние вытянутой руки. Кто-то тащит товарища, не зная, жив тот или нет. Комбайн — мощная, но теперь безжизненная и бес-

полезная машина, завален породой. Конвейерная лента горит, выжигая в лаве драгоценные остатки кислорода. Дым застилает всё пространство, оставив людям только несколько сантиметров над уровнем земли. В лаве, даже на расстоянии нескольких сот метров от эпицентра взрыва — нестерпимый жар. Оставшиеся в живых ползут в сторону спасительной клетки, но до неё ещё так далеко...

"Опять..." — Матвеев плакал от беспомощности. Видение было так похоже на то, что он сам пережил в лаве, что поначалу он и не понял: это прошлое или будущее. Кошка перебралась к нему на колени, и боль в голове усилилась.

"Отпусти. Отпусти меня..." — Матвеев не говорил. Он думал, глядя в умные голубые, с широко раскрытыми в полумраке зрачками глаза животного. А Маргарита смотрела на него, не моргая, заставив сосредоточиться.

На поверхности ночь. Проблесковые маячки горноспасателей видны издалека. Колонна жёлтых автомобилей мчит в сторону посёлка. Шахтный двор постепенно заполняется людьми. Женский плач.

Директор шахты Лукьянец, бессильный в своей ярости, приподнял за лацка-

ны отутюженного пиджака главного инженера и прямо в лицо ему прошипел: "Как? Как это могло произойти?" Пиджак трещит по швам, но громадные кулаки Владимира Ивановича, побелевшие от напряжения, его не отпускают. "Он нас предупредил! Ведь так? Я спрашиваю: так? Почему не приняли мер?" Главный, словно школьник на экзамене, блеял что-то о непознанных способностях провидцев, о мерах по предотвращению аварийных ситуаций, но Лукьянец орал всё громче: "Умники! Там сто пятьдесят человек! Обычных, не провидцев! Обычных работяг! Он ведь точно место указал и дату назвал! А мы его обсмеяли! Да были бы мы сейчас в армии, а не на производстве — каждому застрелиться следовало бы! Что у тебя там бахнуло? Метан? Он так и говорил! Не кровля, не потоп — именно выброс!"

Дверь кабинета открывается, и командир подразделения горноспасателей докладывает, что в зоне спасательных работ произошёл второй, более мощный взрыв. На несколько секунд в большом кабинете директора повисла тишина. Лукьянец отпустил главного инженера и, сгорбившись, как приговорённый к казни узник, пошёл к своему креслу, медленно в

него опустил. Владимир Иванович подумал, уж лучше было бы ему быть там, в лаве, как двадцать пять лет назад — начальником смены.

— Сколько там было твоих? — вопрос был обращён к командиру.

— Двадцать семь человек. Трое в разведке, они ближе всего к эпицентру, остальные должны быть подальше.

— Что значит "должны?", ты что, не знаешь, кто какие задачи выполнял?

— Товарищ директор, напоминаю, что мы здесь и по вашей милости в том числе. И вы мне не командир. Связи нет. Прогнозы самые неутешительные. Я вывел остальных людей, там работать невозможно. Боюсь, количество пострадавших увеличится.

Матвеев остекленевшим взглядом смотрел в одну точку. Струйки пота стекали по вискам, но он этого не чувствовал. Кошка ушла от него, неспешно улеглась на диван, задумчиво уложив голову на передние лапы. Обычная кошка, каких миллионы живут рядом с человеком, но она выбрала именно его для своих экспериментов...

"Чёртова Маргаритка... почему ты нашла именно меня?" — Василий Кондратьевич не мог успокоиться. "Что со всем

этим делать? И так меня считают странноватым, а теперь ещё и ты со своими пророчествами. Нет бы предсказать что хорошее — сплошные катастрофы и катаклизмы. Вот зараза..." Взгляд старика упал на схему выработок шахты.

Во-первых — следует успокоиться.

Во-вторых — выработать план действий.

В-третьих — принять меры для предупреждения беды.

Не теряя времени, Кондратьич по памяти попытался воспроизвести мелочи, увиденные в присланном кошкой пророчестве. Только непосвящённый или новичок в шахтном деле думает, что все выработки одинаковы. Да, они устроены по общим инженерным правилам, но есть много деталей, которыми они отличаются. Матвеев работал на разных участках, и теперь, напрягая память, понял, что это была лава, где добычу вёл первый участок.

Несмотря на позднее время, Василий Кондратьевич достал старенький велосипед "Украина" и поехал на место, под которым должен произойти взрыв. Он крутил педали отчаянно, как мальчишка, будто боялся пропустить нечто самое важное в своей жизни.

В 5:45 утра синяя "Шкода" директора шахты подъехала к административному корпусу — после того, как его водитель разбил "Тойоту", и в свете последних вейний Лукьянец решил пересесть на более скромный автомобиль. По-хорошему водителя следовало бы показательно высечь: нёсся вечером с какой-то девчонкой по просёлочной дороге. Благо не пьяный, да и девчонка синяками отделалась. Но пришлось пожалеть баламута, да и понял Владимир Иванович, что слишком много деликатных заданий своему шоферу давал и незаметно попал не то чтобы в зависимость, но в состояние ограниченной свободы принятия решений. Так громоздко он это для себя сформулировал и решил при случае куда-либо шофера удалить.

В течение уже многих лет Лукьянец ежедневно приезжал к первому наряду. Его организм не давал сбоев, и будильником он не пользовался. Владимир Иванович вышел из машины и наткнулся взглядом на Кондратьича.

— Опять вы? — директор всем своим видом давал понять, что разговаривать не о чем.

— Владимир Иванович, — поспешно сказал Матвеев, — один раз вы меня послушали, прошу, послушайте ещё раз.

Лукьянец поднял руки, как бы отстраняя назойливого просителя.

— У меня нет желания продолжать эту беседу. Вы нагло воспользовались моей доверчивостью, но второго раза не будет! Зачем вам всё это? Дешевый авторитет на посёлке зарабатываете? Но не за мой счёт! — Лукьянец начал повышать голос.

Матвеев заступил ему дорогу.

— Товарищ директор, нет никакого сомнения, авария будет на первом участке. Нет времени на рассуждения. Пожалуйста, поверьте мне.

Это окончательно вывело Лукьянца из себя.

— Ваши пророчества носят сомнительный характер!

Горняки, идущие на смену, обернулись, глядя, как их директор кричит на пожилого мужчину с велосипедом.

— Я очень жалею, что купился на ваши дешёвые трюки. Это стоило предприятия круглой суммы. Что может быть проще: узнать историю болезни и невзначай бросить одну фразу? Вы думали, о ваших необыкновенных способностях пойдут слухи?

Василий Кондратьевич отрицательно затряс головой, пытаясь поймать за рукав пиджака ускользавшее начальство.

— Я ошибся тогда, ошибся в горизонте. Позвоните на "Молодогвардейскую" — там было ЧП, погибли люди.

— Вам, Василий Кондратьевич, нужно было в таком случае идти туда со своими предсказаниями, но никак не ко мне. Всё. Я занят. У меня больше нет времени на ваши сказки.

Лукьянец резко отвернулся и скрылся за дверью вестибюля.

На звонок Лукьянец не ответил. Иван терпеливо ждал его привычное "У телефона", но, так и не дождавшись, отключился. Владимир Иванович сам перезвонил минут через двадцать.

— Ну что ты от меня хочешь опять? Говори быстрее, мне некогда, дел навалилось по горло и по твоим вопросам, кстати, тоже. Ты сам-то где, разве ещё не на пляже?

Черепанов на мгновение закрыл глаза и попытался представить себя на пляже. Картинка как-то не складывалась. Он тяжело вздохнул и переложил трубку в другую руку.

— Владимир Иванович, вы, конечно, будете костерить меня матом, но я по тому же делу. Мне опять звонил Матвеев,

взрыв-то тогда был, я сам проверил — но на другом горизонте, где проходят выработки соседней с вами и уже закрытой шахты "Молодогвардейская". Они его почти скрыли, так как шахта официально добычу не ведёт. Горизонт у них намного выше, чем ваш, но эпицентр практически совпадает. А Матвеев ведь место сверху указывал. Мощность взрыва можно уточнить у сейсмологов, они его зафиксировали. Даже в Интернете данные есть, и время совпадает.

— Ладно, — недовольно пробурчал директор, — совпадает — не совпадает, это мы потом разберём. Видел я эту сводку, обыкновенный и случайный взрыв метана от искры вследствие несоблюдения техники безопасности при подъёмных работах. Такое часто бывает на заброшенных участках, где ни контроля, ни надзора. Что тебе сейчас нужно? Правда, Иван, нет времени на долгие разговоры. Говори быстро.

Черепанов кивнул согласно, будто собеседник мог его увидеть.

— Говорю быстро: Матвеев опять предсказывает взрыв, и очень мощный. Он ведь ещё тогда, при первом визите говорил о нескольких взрывах. Место может указать, оно над вашими выработками.

Снова надо останавливать добычу и вывести людей.

Повисла пауза. Иван почти физически почувствовал, как закипает Лукьянец.

— Слушай, ты там не перепил часом, это уже даже не смешно! Мы потеряли почти три дня, я имел крупные неприятности в министерстве, когда объяснял причину. Вернее, пытался объяснить. И ничего не произошло. Не возбуждай, у нас ничего не произошло. И после этого ты хочешь, чтобы я опять поверил сказкам этого Андерсена и твоим, кстати, тоже, и ещё раз остановил шахту! Иван, иди лучше... ополоснись в море или где там, мне некогда.

— Да я ещё в Киеве, никуда не улетел. Владимир Иванович, ну поверьте, надо остановить шахту, ну надо. Я сам всё проанализировал — сходится. Я верю Матвееву, взрыв, к сожалению, будет.

Лукьянец остался непреклонен:

— Всё, я решение принял, не обижайся. Хочешь, раз ты в Киеве, иди в министерство, к Морозову или его заму, убеждай. Пусть они мне дают команду, тогда пожалуйста. И то — письменно, официально, как положено. Если хочешь подробней, перезвоню тебе после планёрки, чтобы ты кое-что понял и не считал

меня бесчеловечным монстром. Порасскажу некоторые нюансы по старой дружбе.

И отключился.

Черепанов знал Лукьянца и понимал ситуацию — звонить повторно смысла не имеет. Он и так чувствовал себя виноватым перед Владимиром Ивановичем, хотя кто знал, что взрыв будет на другом горизонте? А не дай Бог, рванула бы лава действующей шахты! Но что делать сейчас, когда Матвеев твёрдо убеждён, что грядёт куда более мощный взрыв? Если не принять меры, могут погибнуть люди, и Иван не простит себе этого никогда. Оставался последний шанс — идти в министерство и убеждать остановить шахту. Причём убеждать теми же аргументами: интуицией кошки Матвеева и их — Черепанова и Матвеева — в это верой...

Бестолковая столичная мельтешня почему-то вызвала у него ассоциацию с движением червей, помещённых в банку перед рыбалкой. Сновали, гудели, куда-то спешили, подрезая друг друга, сотни машин с рассерженными матерящимися водителями. Хотя нет, всё чаще начали попадаться за рулём здоровенных джипов и изящных иномарок такие же дорогие представительницы некогда слабого, а

нынче крепко возмужавшего пола. Не спеша, весёлой гурьбой брели по тротуару после занятий студенты, нагло обнимаясь, целуясь, хлебая по пути пиво из горлышек причудливых маленьких зелёных бутылок. Уличные лоточники раскинули свои "коварные" торговые сети прямо на тротуаре, перед киосками, выложив напоказ все свои разнообразные и недорогие товары. У входа в метро штатные попрошайки деловито и заученно-жалостливо протягивали проходящим руки и без устали и вдохновения бубнили утверждённый их криминальным руководством нехитрый текст. Большой электронный экран на другой стороне улицы без конца призывал воспользоваться услугами фирмы "Золотой Ключик" по продаже недвижимости и приобрести шикарный особняк в Крыму или хотя бы квартиру в новом доме, в районе Вишняков. Город жил по своим, давно написанным законам, а Иван со своими проблемами терялся на его внушительном фоне.

Лукьянец перезвонил, как и обещал, минут через двадцать, его номер не определился.

— Ты хотел знать, почему я так разговаривал, — без всякого вступления начал он, — и почему звоню не со своего те-

лефона, и почему не могу принимать решения, которые, возможно, принимать необходимо? Иван, ты ведь родился не вчера и о положении в стране и в нашей отрасли осведомлен не понаслышке. Так вот, после закрытия шахты я имел очень неприятный разговор в министерстве, с кем, догадаешься. И получил по полной. И за то, что было, и за то, чего не было. Чтобы ты понимал, слово "саботаж" было самым мягким. А когда я пытался аргументировать, что дороже жизни людей не могут быть никакие планы и недопоступления в бюджет, мне прозрачно намекнули, что существует папочка с тесёмочками, а проще говоря — досье на гражданина Лукьянца Владимира Ивановича. И в этой папочке собраны не только светлые и памятные для её адресата сведения. Потому что, кроме наград, грамот да почётных званий за дела светлые и хорошие, наворотил ты, мил человек, и делишек, за которые радители родного уголовного кодекса, а особенно с нашей подачи, примут тебя с распростёртыми объятиями.

Черепанов почти не дышал. Ему показалось, что возвратилось время, когда они с Лукьянцом, находясь в СИЗО, уже слышали подобные речи из уст тоже тогда

новых "прогрессивных" деятелей из министерства внутренних дел.

— Опять наши старые знакомые постарались? — прервал монолог Лукьянца Черепанов.

— Нет, на этот раз служба безопасности. Во всяком случае мне так сказали, — продолжал Владимир Иванович. — Но самое интересное, у них якобы зафиксированы все схемы продаж нашего угля, с соответствующими счетами. Проанализировано, как покупались шахтное оборудование и материалы, у кого, по каким ценам и почему без соответствующих тендеров, а если и с тендерами, то ясно, с какими и под кого. Отдельно, мол, можем поговорить и о качестве углей. Как этим качеством манипулировали, занимали, когда на обогатительные фабрики шли одни угли, оттуда уходили заказчикам другие, разницу в карман клали третьи. Про фирмы-спутники, созданные родственниками руководства да депутатами вокруг шахты, через которые проводились и продажи, и закупки, и многое другое. Короче, предупредили, что я у них под колпаком и в любой момент могу оказаться за решёткой. И в этом досье немало правды. Ты же знаешь, что у нас невозможно работать, не нарушая закон, а на-

чальству эта ситуация и выгода: всегда можно держать руководителей на крючке.

Он сделал паузу и продолжил:

— Иван, я уже почти пенсионер, у меня семья, дети, да что там дети — двое внуков. Мне бы на даче и на рыбалке время коротать, болячки залечивать, а не в обществе криминальных авторитетов и их шестёрок отираться. И если у них действительно на меня всё это есть, не буду я против министерства выступать, кем меня ни считай. Хочешь, иди и убеждай их. Получится, я решение выполню. Я ведь человек аполитичный, лишь бы дело шло. Мне та власть хороша, что людям работать и жить даёт, а для нас это значит — госзаказ обеспечивает.

И ещё, — Лукьянец помолчал, собираясь с мыслями, — есть второй вариант решения проблемы. Скажу честно, он и для меня удобней. Сможешь забрать моё досье у СБУшников — остановлю шахту. Да и тебе спасибо скажу огромное и даже налью, сколько скажешь. Ведь такое досье — это как бомба замедленного действия, когда-нибудь да взорвётся. Другого варианта у меня, Иван, нет. И последнее: я тебя давно знаю, ты хлопец горячий, какое решение не примешь — будь поосторожней и поосмотрительней. Подставят, и знать

не будешь. Пока, привет пассии, и об отдыхе не забудь.

Черепанов встряхнулся. Действительно, за этими хлопотами Иван совсем забыл об отпуске, билетах, самолете в зону, как говаривал он сам, далекую от мирской суеты, полную неги и страстей. И в отеле его ждала изрядно нервничающая Ольга, уже три раза пытавшаяся дозвониться и слышавшая в ответ только короткие гудки.

Иван не спешил ей перезванивать, хотя решение уже принял. Да, вероятно, где-то там, на знойном острове Борнео, смуглолицая островитянка уже готовила им уютное бунгало под изумрудными "распальцованными" пальмами, на желто-песочном берегу синего-синего океана. Но он, безмерно любящий путешествия, женщин, жизнь во всех её проявлениях, по сути бесшабашный, молодой, каковым он считал себя, человек, в ключевых вопросах выбора всегда уступал себе же, но тому, другому, обгоревшему в Чернобыле, сидевшему за подставку в КПЗ и всегда готовому прийти на помощь друзьям. Чёрт с ними, с путёвкой, лагунами, золотыми пляжами, экзотическими гротами и прочей мишурой. В другой раз. Вот только жаль Ольгу, так настроившуюся на поезд-

ку и, безусловно, совершенно индифферентную к горнякам шахты "З-я Глубокая". Ей объяснить ситуацию ещё сложнее, чем в министерстве — Иван даже поморщился, представляя этот диалог. Ничего, она дама хваткая, и без него найдёт чем заняться в этой Малайзии. В конце концов там есть туристическая группа, гиды, молодые загорелые ребята, всё наладится. Ольга не из тех, кто будет долго переживать. Как там, в старой советской песне: "отряд не заметил потери бойца"...

А он завтра утром попытается прорваться в министерство и всё объяснить.

И Иван набрал Ольгу:

— Скоро буду, в программе отдыха появились небольшие изменения, подробности при встрече...

Всё-таки есть прелесть в окончательном выборе решения, пусть и не популярного, как любят говорить политики, но есть. Есть!

К гостинице Иван подъехал через полчаса. Как он и предполагал, разговор с Ольгой получился не очень тяжёлым. Он даже не пытался объяснить ей причину отказа от поездки, так было бы хуже, а лишь строго сказал, что срочно вызывают к руководству. Вместе съездят обязательно. Но — через несколько месяцев. А сум-

ма наличных, приготовленная для отдыха на двоих и переданная Ольге в качестве компенсации за отсутствие Ивана, казалось, полностью развеяла и без того негустые облака печали.

— Привезёшь мне что-нибудь экзотическое, — пошутил Иван, — разумеется, кроме ...

— О, это разве экзотическое? — поддержала шутливый тон Ольга, а в глазах стояла обида обманутой женщины, — думаю, этой заразы у нас сейчас больше, чем у них, раза в три. Частные анонимные клиники, как грибы после дождя, растут.

Молодая женщина понимала, что она теряет этого надежного до сей поры мужчину, но ум подсказывал, что скандалами и упреками только хуже сделаешь.

— Ну, тебе лучше знать, — уже успокаиваясь, парировал Черепанов, — на самолет отвезу через полтора часа. Последнее желание изменилось или, как всегда, с пристрастием?

— Как всегда, но тщательнее. Чтобы эти десять дней я помнила только тебя.

Последние слова она хотела произнести вызывающе, а вышло со страстью и болью.

"И как у них это получается? — уже как-то отстраненно думал Иван. — Знаю

же, что врёт, но послушаешь — не придёшь. Даже Станиславский сказал бы: верю! И хочется верить, обманываться, как говаривал старина Александр Сергеевич. А уж он-то был знатоком женского пола..."

С этой глубокой мыслью Иван стянул с себя последнее, что на нем оставалось, — второй носок и плюхнулся в кровать к Ольге. На ближайший час — полтора Ольга уж постарается сделать так, чтобы он позабыл про котиков, министров, СБУшников, депутатов и прочую мирскую суету.

Глава 6

СВОЙ СИСТЕМЫ

— Не знаю, как мне быть, Федя. — Кондратьич потянулся к початой бутылке водки.

— Поступи по совести.

Матвеев тяжело вздохнул.

— Что такое совесть? Она что, поможет беду отвести? Нет, сосед, тут не по совести нужно действовать, а по плану. Я и с директором говорил, и с Черепановым тоже.

— Кто это? — Фёдор пододвинул свою рюмку и потянул сигарету из полупустой пачки.

— Один журналист из Лугани. Честный мужик, вроде понял всё, обещал Лукьянца убедить, но тот упёртый, Фома неверующий. Может заартачиться.

Во дворе хлопнула калитка, и, гремя цепью, радостно завизжала собака.

— Кто-то из своих. — Фёдор встал и прямо в дверях столкнулся с сыновьями.

— Батя, привет! — Старший, Николай, радостно обнял отца за плечи.

— Будьки в сборе. — Фёдор обнял и младшего сына. — Садитесь, мужики, пообедаем с Кондратьичем.

Матвеев сходил в соседнюю комнату и принёс ещё стул и табурет.

— По какому поводу праздник? — Младший Алексей довольно потирал руки, глядя на стол, заставленный тарелками с материной снедью. Отварная парящая картошечка, приправленная золотистым лучком и душистым, только что сорванным с грядки укропчиком, соленья из погреба, жареное мясо в большой миске и хлеб, нарезанный крупными кусками, его явно заворожили.

— Отработал, сынок? — Фёдор полез в старинный сервант за маленькими рюмочками.

Сын неопределенно пожал плечами.

— Та да, батя. Сегодня как-то легко пошло. Норму сделали, а на наряде нам опять про технику безопасности втирали.

— А что, проверка? — Василий Кондратьич насторожился.

Алексей потянулся вилкой к сковородке, выудил на хлеб кусок жареного мяса.

— Да нет, говорят, мол, учёные считают, что на наших пластах возможны неизученные горно-геологические явления.

— Ух ты... Это как? — заинтересовался Матвеев.

— Да глубоко мы залезли, а в институтах теперь не знают, что с этим делать. Метан прёт.

Фёдор почесал затылок и взялся за рюмку.

— Давайте за везение наше горняцкое!

Мужчины чокнулись, и некоторое время был слышен только стук вилок о тарелки.

Старший Будыка гордился сыновьями, но при всём желании он не мог предложить им ничего большего, чем пойти по своим стопам. Когда Фёдор подрабатывал в ДК художником, он свято верил, что его основная работа — добыча угля — это самый главный труд в стране. Не будет его — не будет ни металла, ни электричества, и проклятые империалисты нападут на беззащитную Родину, воспользовавшись её слабостью. Но разве советский человек — это червь бесхребетный? Не ради денег мы работаем, на благо страны уголёк рубим. Что может быть почётней?

— Кондратьич, а чего это ты утром с нашим директором сцепился? — Николай хитро глянул на соседа.

Матвеев беспомощно развел руками:

— Да так, просил о помощи, а он отказал.

Парень осуждающе покачал головой. В его шевелюре, несмотря на возраст, уже проблескивала первая седина.

— Тебе? Некрасивенько получается, дядь Вася...

— Да что я? — махнул рукой Василий Кондратьевич. — Я тут ни при чём. За дело просил. Техника безопасности... — Василий потупил взгляд в тарелку и криво усмехнулся.

— Что-то ты мутишь, Кондратьич! — Сыновья переглянулись и добродушно рассмеялись.

— Так, вы это, того! — вскинулся старший Будыка. — А ну хватит галдеть, чего накинулись на соседа? — Фёдор угрозил пальцем сыновьям.

Матвеев примирительно похлопал его по руке.

— Да ладно тебе, Фёдор. Чего от них-то скрывать, теперь уж трубить нужно всюю!

Парень явно заинтересовался, даже рюмку отставил.

— Рассказывай, Кондратьич.

— Неприятности большие на шахте грядут. Очень скоро. Вот ты, Николай, когда следующий раз идёшь?

— Завтра во вторую.

— Вот и не ходи! — решительно сказал Матвеев.

— Да уже один раз батя отговаривал. А что ты, Кондратьич, опять увидел чего?

Они, похоже, и верили, и не верили ему. Бродя и не верить причин нет, Матвеев мужчина серьёзный, а вот поди ж ты... Мало ли что с человеком после аварии может случиться?

— Лучше бы я этого не видел, — тяжело вздохнул Матвеев.

— Ты, Василий, душу не рви, — поддерживал его Фёдор. — Всё что мог, ты уже сделал. Выше головы не прыгнешь. А может, пронесёт, как в первый раз, может, это опять на "Молодогвардейской" случится?

Василий покачал головой:

— Не пронесёт. Я видел отчетливо. На "Молодогвардейской" работы под землёй уже не ведутся, там такое, как я видел — десятки погибших — невозможно. Возвратится наша выработка. В Колькину смену. Завтра вечером.

— Вот послал Бог соседа неугомного. И что теперь с этим делать? — Фёдор был похож на угрюмую осеннюю тучу.

— Тебе, Федя, только детей уберечь, а я должен ещё подумать.

— Так тому и быть. Пойду вместо сына. — Будька-старший грюкнул кулаком по столу так, что подпрыгнули вилки.

— Бать, да зачем? — Николай так и не научился перечить отцу, хотя уже давно и крепко стоял на ногах.

— Ты завтра займёшься женой своей. Неделю никак в больницу не можешь свозить, оболтус. Внуков думаете делать? А у нас с Кондратьичем дела в шахте есть. Так, Василий?

— Ты подумал о том же? — Матвеев посмотрел на соседа с нескрываемым удивлением.

— Нет, Вась, — хмыкнул Будька. — Это ты у нас волшебник, а я не знаю, что у тебя в голове крутится. Но ты ведь в шахту собрался?

Василий шаг за шагом прокручивал в голове ещё не оформившийся окончательно план.

— Ещё не понимаю, как, но я это сделаю. Там не будет людей.

Фёдор решительно разлил по рюмкам остатки водки.

— Ты что, сам героем хочешь стать? Не-е-е-т. Не пойдет. Сам ты только свои сны видишь, тут одному не управиться.

Старший из сыновей — Николай Будька смотрел на стариков и удивлялся: как в кино.

— Деда, вы что, шахту штурмом брать собрались?

— Да нет, сынок, какие из нас штурмовики? Тут хитростью надо. Ты иди, помоги Лехе гайки крутить. — Младший к тому времени уже ковырялся под капотом

старого "Москвича". — И смотрите, какая штука интересная получается. Вроде в "Москвиче" двигатель крепкий, из хорошего металла, сотни конструкторов над ним корпели, а попадёт в него обычный песочек — и хана двигателю!

Матвеев стал заинтересованно разглядывать соседа. Будто впервые видел. Будыка лихо опрокинул рюмку и закусывать не стал. Занюхал хлебной корочкой.

Николай встал было из-за стола и снова присел. Внимательно поглядел на отца, на соседа.

— Никак не получится без меня. Не справитесь. Ты, конечно, батя, авторитет большой, слов нет, но когда последний раз спускался? Или вы, дядь Вася? Вы ж ничего там не помните — сколько лет прошло.

Матвеев встал, опершись на стол.

— Я не мастак слова жалостливые говорить, но не думал, что спустя столько лет вот так всё повернётся. Хорошие вы мужики, Будыки, спасибо.

— Ладно, Кондратьич, слезу давить. Колька, неси бумагу и карандаш.

В Фёдоре на старости лет проснулся талант полководца. Заговорщики сели за составление плана.

Помпезное здание Кабинета Министров Украины выплыло перед Черепановым из утреннего тумана, как айсберг пе-

ред "Титаником". Грандиозный памятник сталинской эпохи, оно проектировалось как помещение всеильного тогда Народного комиссариата внутренних дел Украины, проще говоря, печально известного в народе НКВД. Поговаривали, будто его лицевую часть специально сделали дугообразной из соображений безопасности — чтобы невозможно было стрелять из-за угла. Но в итоге помещение передали правительству республики. "Его закончили строить в 1938 году, по проекту академика архитектуры Фомина, а после его смерти возведение завершил зодчий, кажется, Абросимов", — мысленно проверял свои познания в архитектуре и истории Иван.

Огромный дом и ныне служил примером классического архитектурного наследия. Величественный главный фасад оригинально украшен стройными колоннами. Нижние этажи обработаны лабрадоритом, цоколь — полированным гранитом. Дом правительства, как и все сооружения для органов власти, удостоверял тогда ужасающее могущество советской империи. Вместе с тем, отметил Иван, несмотря на большие размеры, это сооружение довольно удачно "спрятано" и почти не оказывает негативного влияния на исторические ландшафты Киева.

Судя по количеству престижных иномарок, припаркованных у подъездов Кабмина, кризиса в Украине не было, нет и никогда не будет. С представленным широчайшим ассортиментом ведущих автобрендов могла бы соперничать приличная автомобильная выставка. Разве что вместо соблазнительных красавиц, обычно присутствующих у выставочных экспонатов, рядом с этими сверкающими черным блеском "вороньего крыла" и никелем "аппаратами" вальяжно покуривали в отсутствии "высоких" хозяев такие же ухоженные водители. Казалось, многим из них даже лень было перебрасываться дежурными фразами, и, раскинувшись на шикарных креслах, они неторопливо просматривали свежую прессу или величественно дремали.

К Анатолию Петровичу Морозову, министру угольной промышленности, Ивану, как он и предполагал, пробиться не удалось. Хотя о встрече министра просили солидные, даже по меркам столицы, люди, которым в своё время Черепанов помогал в выборных делах.

— Занят, — коротко и многозначительно промолвила секретарь, — и в ближайшие дни не освободится, — даже тоном она давала понять просителю, что

уже фактом самого ответа сделала для него такой подарок, после которого и сам визит к министру может не понадобиться.

Максимум, чего удалось добиться Черепанову за последние полтора часа перезвонов, — это через своих киевских знакомых депутатов Верховной Рады записаться на приём к одному из заместителей министра — Станиславу Васильевичу Журавскому.

Поскольку до приёма оставалось более часа, Иван наскоро позавтракал в близлежащем кафе, лихо ударившем по кошельку, — но иных в этом районе и не водилось.

Когда в бюро пропусков, пробежав дважды все списки, девушка сообщила, что его фамилия нигде не значится, Черепанова прошиб холодный пот. Он с ужасом догадался, что прибыл не по адресу! Как же он мог так опростоволоситься?! Ну да, это огромное — на целый квартал — серое здание, которое Черепанов мысленно окрестил "Пентагоном", никак не вмещает наше родное правительство! Здесь под бдительной защитой строгой вышколенной охраны, перекрывающей не только общие входы-выходы, но и перемещения по этажам, сидят лишь премьер, вице-премьеры и общий кабминовский

персонал. Лишь для Министерства финансов хватило здесь территории. Все остальные министры съезжаются сюда лишь на заседания правительства, а их постоянные рабочие кабинеты — в собственных помпезных зданиях министерств. Он взглянул на часы. До назначенного времени оставалось чуть больше двадцати минут, хоть какой-то запас. Набрав приёмную и услышав адрес "Богдана Хмельницкого, 4", Иван почувствовал неимоверное облегчение и радость, а непривычно заботливый голос добавил: "Это сразу за ЦУМом, чуть выше". "Напротив Театра русской драмы?" — уточнил пришедший в себя Черепанов. "Почти", — приветливый голос окончательно вернул ему уверенность.

Иван хотел было перебраться через дорогу и поймать такси или таксующего, но, оценив медленно ползущую по брусчатке в сторону Крещатика вереницу изредка безнадежно попискивающих сигналами авто, вовремя отказался от этой идеи. В центре он ориентировался неплохо и прикинул, что минут за 15 вполне можно спокойно дойти до министерства пешком. И не стоит торопиться, дабы не вспотеть.

Нина почувствовала, что не выспалась. Накануне она встречалась с Ритой. Вспоминали недавний поход на банкет в "Евроконтиненталь", который явно удался. И насмеялись они тогда с Ритой от души. Правда, прибившиеся к ним в конце вечера ухажёры — это было нечто. Вначале блистали остротами, потом потянули их "продолжить банкет" в какой-то ресторан, где упились и начали бузить. Кроме того, стало ясно, что оба женаты. И опытные девушки еле ретировались. Было весело, жаль только, нормальных мужиков у нас мало. Нине тогда один приглянулся, но он, кажется, был не один. В общем, наболтались они вчера с подружкой под бутылочку терпкого, насыщенного виноградной спелостью грузинского вина, а теперь Нина не могла до конца проснуться. Она машинально ответила на звонок внутреннего телефона.

— Это Виктор Арнаутов, одноклассник Станислава Васильевича. Мы договорились с ним о встрече, скажите, пожалуйста, охране, чтобы пропустили.

— Дайте им трубочку, — Нина "на автомате" попросила пропустить посетителя, пропуск заказывать было лень, фамилия была знакомая.

Арнаутов, высокий, в меру полноватый и почти всё время улыбающийся очкарик, забросал Нину комплиментами и сувенирами. Если это можно назвать сувенирами.

— Это дитяти! — он бесцеремонно поставил сбоку от стола плотный пакет и запросто спросил: — У вас, кстати, мальчик или девочка?

— Заберите! — Нина строго встала, взяла пакет, чтобы вернуть самоуверенному посетителю, при этом, как бы случайно приоткрыв его, беглым тренированным взглядом машинально в считанные секунды всё же определила его содержимое — это были баночки с икрой и, видимо, какие-то рыбные деликатесы.

— Так это не вам, это дочке, — добродушно улыбнулся ничуть не смутившийся Арнаутов.

Нина сама не поняла, почему она подчинилась, и не заметила, как взгляд автоматически сосканировал правую руку посетителя. Окольцован, чего и следовало ожидать. И как он догадался, что у неё именно дочка?

В этот момент на пороге возник прибывший на работу шеф, оценивающий происходящее несколько недоумённым взглядом.

— Ну наконец-то! Слава Богу! Ну здравствуй, Стасик!

— Витька! Ну ты дал! — Арнаутов с Журавским обнялись.

— А что ж ты без предупреждения? У меня на утро куча дел, — Станислав Васильевич оправился от неожиданности.

— Потому что к тебе чёрта лысого дозвонишься. Ладно уж, я подожду сколько надо, — миролюбиво согласился Арнаутов.

Нина поняла, что этот добряк-очкарик её банально надул, но с этим фактом стоило смириться, поскольку это уже ни на что не влияло.

— Значится так, ближе к обеду у меня должно возникнуть "окно", тогда попопдничаем с тобой и поболтаем с полчасика, — взял в свои руки инициативу Станислав Васильевич. По часам, портфелю и одежде своего одноклассника он сделал вывод, что дела у Арнаутова идут успешно. — А пока Нина тебя кофейком или чаем попотчует, а ты не вздумай девушку серьёзную в краску вгонять, баламут старый! — распорядился Журавский уже с порога своего кабинета.

— Наверное, у вашего шефа самая большая в министерстве табличка на двери. Шутка ли — 28 букв, фамилия и имя — по девять букв, а отчество — десять, — не

умолкал Арнаутов, пока Нина наливала в дорогую чашку кофе.

— Не обращала на это внимание, — Нина вспомнила, что собиралась созвониться и поболтать с Ритой. — Оставляю вас на несколько минут на хозяйстве, если зазвонит какой-либо телефон, позовёте, я буду рядышком, в коридоре.

— Справлюсь, не подведу! — И Арнаутов озарился своей подкупающей добродушной улыбкой.

Ближе к обеду Журавский наконец нашёл "окно" для своего гостя.

— Рассказывай, какими судьбами? — Станислав Васильевич поймал себя на мысли, что действительно рад видеть этого Витьку Арнаутова, которого в детстве они называли не иначе как "Арнаутка" — был, кстати, тогда такой сорт хлеба, нынче позабытый. И Витька ничуть не обижался, он вообще был немнительным.

Быстро оценив комнату для приёма гостей, где Нина заблаговременно сервировала без излишеств уютный маленький столик, Виктор достал из кейса закатанную в домашних условиях пол-литровую банку чёрной икры, открыл её с помощью своего же ножа и сам ловко приготовил бутерброды, затем ловко разлил коньяк по стопочкам — они были предусмотрительно малы, чтобы максимально уменьшать

во время обязательных застолий удар по печени хозяина кабинета.

— Ты извини, я буквально глоток, на работе, сам понимаешь... — Станислав Васильевич закусил тем не менее в охотку — что ни говори, а икра у Арнаутки была совсем не такой, как в магазине.

— Это потому, что её ни разу не замораживали, — словно угадал его мысли Витёк. — А я к тебе, Стасик, по делу. Тут говорить удобно?

Арнаутов имел в виду, не прослушивается ли помещение. Станислав Васильевич почувствовал, что настроение и аппетит у него начали портиться. Больше всего он не любил, когда друзья или знакомые приставали к нему с какими-либо делами. Это всегда приводило к потере времени. Схемы зарабатывания денег Станислав Васильевич выстроил сам, и они его вполне устраивали. Ничем рисковать ему давно не хотелось. А вникать во что-то новое, кого-то с кем-то сводить, потом отвечать перед обоими, если у них не сложится, — это только потеря времени и нервов. Но Арнаутова теперь придётся слушать.

— Я ведь тоже на севере с углём работаю. Но у нас не то что в Донбассе — практически всё на поверхности.

— Витюш, чтобы не тратить время, я в нашей системе ни к торговле углём, ни к закупкам отношения не имею и вряд ли чем могу быть полезен. У всех своя иерархия — и никто в чужой огород не лезет.

— Так ты за какое направление отвечаешь? — в лоб поинтересовался неутомный Арнаутов.

— Расхлёбываю аварии, занимаюсь безопасностью.

— Стало быть, я по назначению. Есть у меня небольшая научно-производственная лаборатория. Народ там интересный — учёные и инженеры подобрались не просто грамотные — не утратившие настоящий научный азарт. И недавно они провели любопытные исследования. Грубо говоря, сделали цифровую раскладку обоняния животных и сопоставили с цифровой расшифровкой электромагнитных сигналов, предшествующих выбросам метана. Сконструировали и запатентовали прибор, который должен быть эффективен именно в условиях ваших сверхглубоких шахт. Мы проанализировали: он надёжней и дешевле того импорта, который вы завозите. Рано или поздно мы пробьёмся к вам, но хочется рано, а не поздно. Сколько той жизни, а тут у нас такой случай с тобой, сам Бог велел. За все исследования и сертификаты гото-

вы заплатить, да и дело хорошее. Я всё понимаю. Не торопись с ответом, обдумай. А лучше приезжай к нам в командировку — всё на месте и изучишь, официальное приглашение пришлём. Кстати, хочу тебе презентовать свою книгу. Обязательно просмотри. — Арнаутов сделал акцент на последней фразе.

— По фото на столе про дочуню понял, — рассекретился, прощаясь с Ниной, Виктор Арнаутов. — А у меня, кстати, сынуля школу заканчивает. Так что готовьте невесту. Засватаем лет через пять.

— Через пять она в девятом классе ещё учиться будет, — улыбнулась Нина. Приятный он всё же, этот Арнаутов, хоть и женатик.

Черепанов успешно преодолел многолюдный Крещатик, где на лавочках в тени каштанов, несмотря на утреннее время, было полно народу. Как обычно. Ещё он автоматически отметил, что бомжи стали встречаться всё чаще, и явно их ряды помолодели.

В советскую эпоху Министерство угольной промышленности Украины было единственным министерством, которое базировалось не в Киеве, а в столице шахтёрского края — в Донецке. Огромное

помпезное здание с колоннами на центральной площади города свидетельствовало о статусе учреждения.

Иван спустился в подземный переход и, поняв, что у него в запасе ещё осталось минут пять, решил побаловать себя кофейком. Однако когда розовощёкая крупная лотчица собралась наполнить напиток пластиковый стаканчик, Черепанов запротестовал. Он хорошо запомнил одну из передач своей студии, где специалисты подробно разъясняли, почему использовать пластик для горячих напитков вредно. Продавщица бросила на Черепанова злобный взгляд, раздражённо поставила стакан на место и что-то пробормотала себе под нос. Иван решил не заводитьсь. Да и в чём она виновата? Какие стаканы дали — такие и использует.

Сразу за Центральным универсамом и располагалось нужное Ивану здание. Место было ему хорошо знакомо. Чуть выше — здание Укринформа, куда он не раз забегал на пресс-конференции, практически напротив — Театр русской драмы. Здание было меньше того, где квартировало минугля в Донецке, в несколько раз. И ходили слухи, что вскоре минугля по определённым причинам и вообще растворят в более мощном — топлива и энергетики. И зачем под разного рода

конторы в каждом городе отдают лучшие здания в центре? Эти мысли пронеслись в голове Ивана, пока охранник звонил по внутреннему телефону.

Первой и приятной приметой показалось Ивану наличие в приёмной в качестве секретаря не напыщенной "фарфоровой куклы", как это бывало в большинстве приёмных такого уровня, а живой большезлазой симпатичной барышни с искренней улыбкой. И хотя ей было явно за тридцать, выглядела она просто отменно, и Иван почувствовал неожиданный прилив самых откровенных желаний.

Стоп! Да ведь это та самая девушка, которая ему понравилась на вчерашнем банкете. За ней с подружкой ещё двое каких-то гадов ухлёстывали. Впрочем, и Иван-то ведь был не один. Оценив ситуацию, он решил, что дипломатичней будет про вчерашнее не напоминать. Иван мысленно выругал себя за то, что не запасся каким-либо презентом типа коробки конфет, что он обычно делал в подобных случаях.

Правда, на этом все хорошее в кабинете Журавского для Черепанова кончилось. Видимо, где-то наверху, на самом-самом верху, там, в более серьёзной и значительной канцелярии, существует определённый лимит положительных со-

бытий и эмоций на каждое время и конкретное место, и этот баланс строго соблюдается.

Когда с подачи симпатичной Нины, а именно так звали девушку, Иван вошёл в кабинет Журавского, у него мелькнул лучик надежды. Хозяин кабинета встал навстречу гостю, любезно пожал руку, взгляд его выражал внимание и участие. Собственно, Черепанов уже привык, что любая его попытка донести до чиновников сведения о возможной катастрофе на шахте "З-я глубокая" и тревогу за жизнь горняков в далёкой Лугани, о сверхъестественных способностях кошки Матвеева неумолимо наталкивалась на безучастный, как при игре в покер, и ничего не выражающий взгляд.

Но иллюзии Ивана быстро рассеялись. Журавский вроде и участливо кивал, и не спорил особо. Но это была имитация помощи — очень хорошо знакомый Ивану приём, который лично он ненавидел. Не можешь или не хочешь помочь — скажи прямо. Прямой отказ порой экономит и время, и силы. Иван имел печальный опыт, когда подошёл к проректору мединститута, которого вроде неплохо знал, на предмет поступления племянницы. Намекнул, что за гонораром дело не заржавеет, девчонка при этом толковая — отлич-

ница, на разных олимпиадах побеждала. Проректор записал фамилию, сказал не беспокоиться. А на первом же экзамене её просто не стали слушать — перебили на третьей фразе и двойку вlepили. Для племянницы это была травма, Иван чувствовал себя виноватым, а проректор долго избегал встречи, а потом признался, что так вышло по ошибке...

Журавский сказал, что случай интересный. Но нужно составить письменные ходатайства, тогда можно будет привлечь учёных. В конце концов Иван перехватил промелькнувший между заученно участливой улыбкой совсем другой взгляд замминистра — то ли мимо, то ли сквозь Черепанова — на красочный городской пейзаж в золотой рамке на стене, за спиной Ивана.

— Пусть всё решает на месте сам Лукьянец, — таким был стандартный ответ на доводы Черепанова. — У него полномочий достаточно, и на месте оно виднее. Он же не враг своим рабочим. А я постараюсь позвонить, чтоб отнёсся повнимательней. Но поймите, что и всю ответственность за остановку шахты в этом случае ему придется брать на себя. У него есть соответствующие службы, отслеживающие обстановку в лавах, пусть они совместно и проанализируют соответст-

вие информации вашего "нострадамуса" с данными приборов по технике безопасности. И примут взвешенное решение. Но между нами, чтобы вы понимали, скажу по секрету и по дружбе: если взрыва не произойдет, это будет последнее распоряжение директора — второй раз за месяц остановку шахты Лукьянцу никто не простит. Не из предвзятости, а потому что не имеет права. Мы ведь тоже рабы инструкций и подневольные слуги государевы.

Впрочем, нет, Иван почувствовал даже некую радость Журавского от создавшейся ситуации: если Лукьянец не остановит шахту и произойдет авария — его снимут и накажут за нарушение техники безопасности, а если остановит шахту, но взрыва не будет — за самоуправство, невыполнение госзаказа и саботаж. Получается, Черепанов очень вовремя сам подкинул в министерство козырного туза против Владимира Ивановича, поставив последнего в трудную ситуацию. Неужели истина о том, что благими намерениями вымощена дорога в ад, всегда верна?

И еще, что почувствовал Черепанов в разговоре с Журавским, — касаться темы использования компромата на Лукьянца нельзя ни в коем случае. Даже показывать, что он что-то знает об этом. Они тогда сами и инициируют дело против Вла-

димира Ивановича, и усилят бдительность — тогда уж точно ничего не сделать.

Иван сухо распрощался с заместителем министра, поблагодарил за внимание и вышел. Видимо, вид его после посещения Журавского был столь красноречиво расстроенный, что даже Нина сочувственно предложила стакан минералки.

— Минералки? — переспросил Иван. — Да, не откажусь, а в качестве ответного шага прошу принять мое предложение на вечер о совместном ужине.

Это предложение вырвалось у Ивана как-то само, непроизвольно, хотя, наверное, где-то в глубине подсознания оно созрело еще в первые минуты, когда он увидел Нину. И отточенное годами внутреннее чувство опытного самца подсказало Ивану, что он тоже понравился. "Предчувствия его не обманули", как поётся в арии к известному мультфильму о вышедшем погулять зайце.

Они договорились о том, что Черепанов встретит Нину после работы и они поедут в ресторан, который она выберет.

Иван вышел из министерства и, воспользовавшись тем, что машины в обоих направлениях замерли в пробке, перебежал по брусчатке на другую сторону улицы — спускаться в подземный переход ему было лень. На Пушкинской рядом с пар-

ком Шевченко у него была любимая кофейня. На ближайшем углу Иван обнаружил бетонный остов, которого раньше не было. Новострой, закрывавший собой старинный благородный фасад дореволюционного здания, был вlepлен на углу улиц Пушкинской и Богдана Хмельницкого самым уродливым образом. Иван видел это безобразие в нескольких передачах. И вот ведь парадокс. Все понимают, что это плохо, неправильно, но это происходит. На глазах всего города, всего народа, всех силовых структур, всех первых лиц государства. Сколько людей ставили свои визы, давали разрешения? А самому хозяину этой стройки неужели безразлично, какую энергетику посылают ему тысячи возмущённых киевлян?

Приземлившись в своей знакомой уличной кафешке, Иван с радостью отметил, что официантка его узнала и приветливо улыбнулась. Пока она готовила ему кофе, он размышлял над глобальными проблемами мироздания. Может ли человек одолеть Систему, которую создали и поддерживают тысячи людей? Которая имеет иммунитет, десятки степеней защиты и способность к самосохранению и мутациям? Как в сказке: на месте отрубленной головы выросло у Змея Горыныча десять. Но удалось ведь добру молодцу его

одолеть! А сказки — они самая правда и есть, они — экстракт нашей мудрости. И как показывала история, очень даже может! Тот же Горбачёв, например, целый Советский Союз поломал, практически начиная в одиночку. А знаменитый сайт WikiLeaks, против которого оказалась бесстрашна мощнейшая государственная машина Штатов? Только действовать нужно по уму и по ситуации. Пока до самого верха не дошёл, сидел Михаил Сергеевич тихо, был в меру прогрессивен, но ни с какими перестроечными лозунгами не высывался. И Хрущёв смог правильно момент прочувствовать. Всё возможно, если звёзды станут. Нужно пробовать — тогда и шансов больше появляется. В конце концов, Ахиллесова пята — она всегда существует, подкрепился Иван уже мудростью древних греков. "Итак, кто мог бы помочь просмотреть досье на Лукьянца? — судорожно думал Иван, листая записную книжку мобильного телефона. — Существует ли оно на самом деле и настолько ли там всё серьёзно? Кто из знакомых остался в СБУ при новой власти? Захотят и смогут ли помочь в таком нелёгком деле?"

И, несмотря на широчайший круг знакомых и приятелей, пока картина вырисовывалась неблагоприятная. Один уже уволился по возрасту, другие ушли по-

сле ротации в руководстве. Андрей Северцев, старый товарищ еще по юношеским совместным футбольным баталиям, решал вопросы, но в Лугани, а к Киеву подходов не имел.

— Не могу, — сказал он хриплым пропитым голосом, который даже показался Ивану конспиративным. — Ты же знаешь нашу закрытую систему, тем более — сейчас, когда сменилась почти половина руководства. Дома я бы тебе помог, а в Киеве свои заморочки. Не то чтобы твой вопрос не решался — сейчас время такое, решается всё, просто у меня нет выходов. Ищи выходы на нужных людей, и не обязательно на самом верху, иногда с рядовыми проще, дешевле и быстрее. У нас ведь только снаружи кажется, что порядок, скорее, по старой советской легенде, а на самом деле бардак, как везде, — напоследок "успокоил" он Ивана.

Только где ж их взять, этих людей? Иван машинально дожевывал недосоленный салат и запил его густым томатным соком.

— Будете что-то ещё заказывать или принести счет? — спросил ловкий молодой официант с бабочкой набекрень.

— Ну вот и началось, — вспомнил Иван старый анекдот и улыбнулся, — тащи счёт, на сытый желудок голова хуже варит, — и опять достал телефон.

Принц Джедефра славился своей любовью к мирским слабостям, об этом знали все, но кто же мог осудить верховного судью, визиря и сына фараона? Многочисленная челядь с радостью участвовала с принцем в утехах и бесконечных празднествах, которые он устраивал с завидным постоянством. И теперь его дворец напоминал растревоженный улей. Слуги с полными подносами фруктов сновали между удобно расположившимися гостями, сам принц в окружении нескольких юных женщин расположился на подушках, наблюдая за происходящим с высоты своего положения.

— Говорят, мой двоюродный брат Хемиуну пообещал отцу, что Большая пирамида будет окончена не позднее следующего разлива Нила? — принц обратился к одному из своих сановников, восседавшему рядом, но не на подиуме.

Придворный склонился в почтительном поклоне.

— Да, мой принц. Не тебе ли, как визирю, знать всю правду об этом.

— Как же она будет хороша! — воскликнул принц, обводя довольным взглядом роскошно убранный зал.

— Слава великому Хуфу, да будет вечно царство его! Такого не видел ещё никто в мире. Сейчас готовят позолоту для вершины Большой пирамиды. Лучи солнца, коснувшись её, отразятся, и Амон увидит, насколько велико творение фараона Хнум-Хуфу, а когда солнце будет в зените, отражение его достигнет далёких земель, указывая на место святой обители.

Принц кивнул, как бы подтверждая слова придворного.

— О том, насколько велик мой отец, говорят дела его, ты прав. А вот и Хемиуну, мой брат!

Архитектор проследовал к главе дома и низко поклонился. Принц с радостью обнял двоюродного брата.

— Приветствую тебя, принц!

— И я тебя, Хемиуну. У нас только и разговоров — что о тебе и пирамиде. Ты великий строитель, так считает отец, так считаю я, и нет во всех наших землях человека, который не согласился бы с этим!

Архитектор поклонился еще раз.

— Мне лестно слышать, что мои труды во славу Египта и фараона не проходят даром. Но привело меня сюда не это.

— Говори, Хемиуну, я весь во внимании.

— Принц, ты ведь визирь, и не можешь не знать о положении дел в казне. Боюсь навлечь на себя гнев великого Хуфу, у него спросить не могу, он обещал, что всё будет в порядке, но пока что...

Джедефра снисходительно усмехнулся.

— Пусть тебя это не тревожит, деньги дадут жрецы.

— Из запасов сокровищницы?

Лицо принца на мгновение окаменело. Он поднял тяжелый взгляд на архитектора.

— Хемиуну, при всём уважении к тебе считаю, задавать такие вопросы не скромно. Какая тебе разница?

Архитектор почтительно взял принца за руку и поклонился.

— Ты прав, мой принц, слово фараона незыблемо, как скала, на которой стоит его пирамида, мне не стоит переживать из-за этого...

Рука принца на несколько секунд задержалась в руке архитектора. Джедефра в этот момент не мог видеть, что Хемиуну, закрыв глаза, сосредоточенно думал, и мысли не доставляли ему радости. Архитектор понял, что держит руку человека, который вскоре станет фараоном.

К вечеру погода испортилась, заморосил нудный и холодный дождь, появившийся ниоткуда. Даже спешащие и сталкивающиеся друг с другом мокрыми зонтами прохожие не без вождения через большие красивые окна созерцали широкие витрины ресторана "Ренессанс", куда ровно в восемь Иван привёз Нину. Внутри в уютном небольшом зале царствовали кремовые тона и изящные линии, и неслышными, призрачными тенями скользили гибкие официанты, разнося ароматные вкусы и горячительные напитки.

Они выбрали столик в углу зала, сели, и Иван огляделся. Здесь он был впервые, как оказалось, Нина тоже. Обстановка с роскошными люстрами и мягкой кремовой мебелью, видимо, была призвана дать посетителям почувствовать себя аристократами с древнейшими корнями. В этой части заведения можно было оставаться на виду, но Иван предпочел пройти в VIP-зону. Очень приятное ощущение — находиться в самом сердце Киева и наслаждаться уютом дворика, окружённого старыми домами.

А с наступлением вечера ресторан магнетическим образом усиливал свои позывные. Казалось, они спустились в мир

нереальных сочетаний. Янтарный Юген на стене, лиловый бархат стойки бара, "Моэт и Шандон", искрящееся в бокалах красивых девушек. На некоторое время туманный и этот безудержно манящий мир блаженств показался сном, в атмосфере парила невесомая лёгкость, и хотелось полностью расслабиться.

Морось за окнами соответствовала настроению и показалась Ивану до того мерзкой, что он сходу заказал один за другим два больших бокала глинтвейна, горячего и пряного, несущего в себе виноградный вкус, лёгкую горечь цедры и нездешние мотивы экзотических специй. Но с первым глотком проснулся и аппетит. Развернув меню, нашли целый ряд мясных блюд, названия которых звучали довольно заманчиво. Нина заказала "Каприз гейши" — курицу с ананасовым соусом, украшенную веточкой петрушки и цветком из моркови. Ивана привлекла телятина с луковым конфиюром и картофелем. На том и остановились. Из напитков Черепанов традиционно предпочел коньяк, а Нина какое-то трудно произносимое сухое вино, название которого мог запомнить только вышколенный, как английский дворецкий из рассказов Конан Дойла, сомелье.

Разговорились. Иван сначала немного рассказал о себе: мол, журналист из Луганя, в Киев ненадолго, по общественным делам. И вообще, много говорить о себе — признак дурного тона, еще не заслужил подробной статьи в национальной энциклопедии. Что же до Нины, то она уже почти 9 лет работает в министерстве после окончания факультета журналистики Киевского университета, куда ей помог устроиться дядя, влиятельный бизнесмен и депутат Киевского городского Совета. Семейная жизнь, как это часто бывает у эффективных и умных женщин, не сложилась. С мужем, бизнесменом средней руки, коренным киевлянином и, как выяснилось после, маменькиным сынком и приличным бабником, прожили недолго, даже до двух лет не дотянули. Слишком уж разными они оказались. Вроде бы, что надо: квартира, машина, достаток — всё было. Было всё, но ладу в семье не было. И хоть жили не очень дружно, но разошлись по хорошему. Бывший муж оставил ей с дочкой квартиру, без претензий и склок. Как будто и не было этих двух совместных лет, "здасьте — до свидания".

Вскоре принесли блюда. "Каприз" поставили на характерную "подогревалку" на столе: можно вкушать! Он, как сказала Нина, оказался достаточно вкусным, осо-

бенно соус, кисло-сладкий, тягучий, наполненный кусочками ананасов, моркови и болгарского перца. Ивану тоже принесли благоухающее и красивое блюдо: куски телятины, прожаренные до коричневой корочки, но нежно-розовые внутри. Именно луковый конфитюр, как заметил Черепанов, острый и сладковато-кислый, служил этому блюду хорошим обрамлением. А фоном — картофель.

После некоторого перерыва, призванного отдать должное мастерству шеф-повара, беседа возобновилась. У Ивана было ощущение, что они знают друг друга давно, просто долго не виделись и теперь пытаются наверстать упущенное. Они синхронно улыбнулись, когда из соседнего большого зала, как из другого мира, видимо, перепутав двери, к ним в зал в ослепительно белом подвенечном платье вбежала разгоряченная от танцев невеста и, смутившись ошибке, ловко крутнувшись, исчезла за стеклянной завесой. Там сегодня начиналась чья-то новая семейная жизнь.

— Так вы, или давай уже на "ты", тоже завидная невеста, — "в тему" вставил Иван. — И что, до сих пор не нашлось достойного претендента на руку сердце? По мне, так у тебя отбоя от мужчин не должно быть, огромной метлой отгонять надо.

— По-разному случалось, — уклонилась от прямого ответа Нина, — хотя, что скрывать, были варианты. Но после пережитого по-другому смотришь на жизнь, более требовательно и тщательно, что ли. Уже спешить не хочется, да и не нужно. Ну а вы, то есть ты, — поправилась она, — ты-то как? Тоже, небось, не одну девушку волноваться заставил? Даже я с первого раза не устояла перед напором провинциального Казановы.

— А то, — подхватил иронический тон Иван, видимо, так им беседовать было удобнее и привычней, — есть в провинциальных мужчинах некая привлекательность, этакая самобытная жилка, до конца не уничтоженная всемогущей цивилизацией. Простота, грубый натиск, милая необразованность и детская непосредственность, вызывающая у столичных дам нотки умиления. Тем и берём. Этим нехитрым приёмом ещё революционные матросы в семнадцатом соблазняли петербургских аристократок. Экзотика-с, мадам.

— Да ладно, не переоценивай свои возможности, донбасский матрос. От кондового провинциала ты так же далёк, как наша футбольная сборная от кубка мира. Уж я-то вижу, сама тоже родом из южных краёв. Но от коренного киевлянина, не-

смотря на "твою хорошую упакованность", ты всё-таки отличаешься. Не скажу сразу чем, но как только ты вошёл, я сразу это про себя отметила. Не напрягайся, отличаешься в лучшую сторону.

— Ну хоть так, осталось только понять, какая у меня сторона лучшая.

Ивану нравился этот несерьёзный тон, этот ресторан, эта красивая и умная женщина, сидящая напротив. Он даже на время забыл старого беспокойного шахтёра Матвеева, пропавший отпуск, летящую к далёкому океану Ольгу и недавний пустой визит в министерство. Такое в последнее время бывало с ним редко и напомнило юные романтические годы, бурлившие страстями и увлечениями. Так было и при первой встрече с бывшей женой Марией много-много лет назад, и это воспомина-ние приятно щемило грудь и сдавливало горло. Он усилием воли прогнал его, загнал внутрь, глубоко, где оно вновь затаилось до момента очередного расслабления. А ведь с годами он становился всё более сентиментальным. "Смотри-ка, старею, скоро начну горько плакать над сериалами, — поставил Иван себя на место. — Не хватало ещё раскиснуть и растечься по белой скатерти всхлипами и чувственными воспоминаниями".

— Кстати, ты что, интересуешься футболом? — сменил тему Иван. — Это такая редкость среди молодых и образованных дам, есть ведь более изысканные увлечения в столице, чем этот массовый спорт непритязательных пролетариев.

И вдруг снова кольнуло и выскочило наружу то, сокровенно спрятанное, — Мария ведь тоже любила с ним рядом, свернувшись в большом кресле клубочком, устроиться у телевизора и смотреть почти все футбольные матчи подряд, которые никогда не пропускал Иван. А как они ходили вместе на маленький полуобвалившийся от старости городской стадион, где в какой-то немисливо низшей лиге играла местная футбольная команда шахты номер, номер... сейчас уже не важно, какой. Черепанов по молодости тоже иногда надевал линялую синюю форму, штопанные гетры и жесткие бутсы и бегал в нападении за эту команду. И забивал, и они выигрывали у таких же любительских рабочих команд, с такими же простыми и хулиганистыми ребятами, так же после рабочей смены с упоением гонявшими потрёпанный в баталиях мяч, еще со шнуровкой и резиновой камерой внутри. Потом профком шахты выделял им какие-то деньги на пайки, которые они благополучно просаживали с пивом и напитками по-

крепче, всей командой нарушая режим, тут же в бетонной раздевалке под трибунами. Частенько в выходные он тренировался на этом заросшем бурьяном городском стадиончике, в шутку называемом местными болельщиками "Маракана", и потом, позже, водил туда своих подростков, где и прививал им первые уроки футбольного мастерства. А Мария сидела на длинных деревянных лавках невысоких трибун с облезшей краской и смотрела на них, смеялась, что-то кричала и снова смотрела...

Бабах! — за соседним столиком откупорили бутылку шампанского, и этот хлопок вернул его к действительности. Что сегодня происходит? Вроде бы и выпил немного, а воспоминания прут, как тёплое шампанское из бутылки. Обстановка тут особенная или что?

— Не в моих правилах говорить в такой прекрасной обстановке о работе, — мягкий голос Нины опять загнал далекие воспоминания Черепанова на место, — но мне кажется, твой визит к моему шефу не доставил удовольствия ни тебе, ни ему. Судя по всему, результат, по крайней мере для тебя, отрицательный. Уж не собрался ли луганский ловелас таким оригинальным способом, как соблазнение неопытной секретарши, отомстить её нерадиво-

му руководителю? Мол, вы меня так, а я вас эдак?

— О, это слишком изоцрѐнный способ даже для такого безнравственного субъекта, как я. Всё гораздо проще. Неопытная секретарша первым же взглядом своих томных глаз опрокинула несчастного провинциала в пучину романтических страстей и безнадѐжных вожделений. А её бюрократический шеф остался где-то далеко-далеко, и вспоминать о нём даже как-то неприлично в такой торжественный, для меня, конечно, момент.

Иван врал и не врал, шутил и не шутил. Действительно, на время он забыл о проблемах, приведших его в Киев, но то и дело они, как не отключенный на время свидания мобильный телефон, в самые неудачные моменты напоминали о себе. И он, размякнув то ли от спиртного, то ли от участливого взгляда Нины, вкратце рассказал ей о причине приезда и итоге визита к заместителю министра, об удивительной кошке Маргарите и её хозяине — старом шахтѐре Василии Матвееве, и о возможной большой катастрофе на шахте в его родном городе. Было ещё и любопытно, поверит ли она его рассказу, может, со стороны он действительно кажется полным бредом?

Но она поверила как-то сразу и сразу же прониклась участием. И опять Черепанов сравнил ее с Марией. Фантастика, совершенно не похожие внешне, эти две незнакомые, разнесенные во времени и пространстве женщины в схожих обстоятельствах вели себя одинаково. Видимо, несмотря на обилие романов, связей, долгих и не очень знакомств, внутренне Черепанову подходил и был близок только такой тип женщин. Но сам он не смог бы объяснить — какой. Таких специально не найдѐшь. Встречи с ними, видимо, прописаны для него "наверху" и должны случаться сами собой, внезапно, неожиданно и очень редко.

— Ваша дама не возражала бы, если бы вы наполнили ей бокал.

Эта форма обращения очень понравилась Черепанову и он тут же её подхватил:

— А ваш кавалер будет безумно счастлив, если вы согласитесь на танец с ним.

Внезапно откуда-то из глубины, из полусумрака, возник тихий, сказочный блюз, надрывно зарыдал сакс, и всё остальное, кроме них двоих, опять стало призрачным и нереальным. Медленно танцевали, потом пили коктейли и опять танцевали. Под конец заказали кофе и мороженое с фруктовым салатом. И здесь все

совпало у этих женщин: и любовь к сладостям, и страсть к мороженому, которая была у Марии, как у маленького ребенка, и которой она "заразила" Ивана. Черепанов уже не удивлялся ничему, а только плыл дальше вместе с Ниной в этих волнах волшебных блюзов, которым, казалось, не будет конца...

Когда они вышли из ресторана, была уже глубокая ночь. Дождь моросить перестал, но было ветрено и прохладно. Таксист участливо распахнул дверцу большой жёлтой машины, и они снова окунулись в тепло. Доехали быстро, умело петляя среди огней ночного города. Нина жила недалеко, почти в центре, в высоком новом доме с красивым фасадом и шлагбаумом на въезде во двор. Индивидуальные парковочные места с поднятыми красными "треугольниками" и автоматические полосатые шлагбаумы у дома, да горбатые "лежащие полицейские" по обе стороны — неизменный сегодняшний атрибут, пожалуй, всех новостроев в больших городах. "Здесь остановитесь", — сказала Нина, и они вдвоем вышли. Иван рассчитался, отпустил машину и пожелал удачи каменному лицу, ничему уже не удивляющемуся таксисту.

— Поднимемся к тебе? — полувопросительно-полуутвердительно произнёс Иван.

— Конечно. Дочка на каникулах у бабушки, — легко и без лишнего кокетства ответила Нина, и они прошли к лифту мимо еще одного обязательного атрибута благополучия и "крутизны" элитных жильцов — устало дремавшей бабушки-консьержки в ухоженном парадном просторного подъезда.

— Давай я приготовлю тебе вкусный кофе по особому рецепту.

И Нина убежала на кухню, а Иван получил возможность повнимательнее рассмотреть квартиру, ведь обстановка многое может рассказать о хозяине.

Интерьер гостиной, выполненной в стиле хай-тек, поражал не просто строгими формами и линиями, здесь все подчинялось законам геометрии: большое пространство разделялось на зоны с помощью света и прозрачных перегородок. Двери не только выполняли свое прямое предназначение, но и создавали ощущение наполненного воздухом пространства. Мебель отличалась простой формой, а в углу уютно устроился небольшой электрокамин. Все это ненавязчиво создавало атмосферу домашнего тепла и уюта.

— А у тебя тут здорово, — крикнул он, — мне нравится.

— Придумывала сама, — ответила Нина, — гостиная в одном стиле, спальня в другом, кухня — в третьем, из комнаты в комнату, как переезд в иную страну.

— Впервые вижу, что стены в одной комнате поклеены обоями одной серии, но разных цветов. Сама придумала? — Иван говорил комплименты искренно, а отнюдь не ради приличия.

— Если честно, где-то подсмотрела, — созналась Нина.

Действительно, спальня была другой. Стильно оформленное окно придавало ей особый шарм. Подъемная штора цвета бамбука создавала уютную атмосферу, а днем, наверное, защищала от яркого солнечного света. Оригинальные бра на стенах гармонировали с интерьером. В центре размещалась большая и вместе с тем изящная кровать с миниатюрными подушечками, по цветовой гамме сочетающимися со шторой.

Удивила Ивана и кухня, оформленная уже в японском стиле. Зато он понял, почему Нина заказала в ресторане японское блюдо, ей нравилась Япония. Оказывается, нерушимая основа японского интерьера — это естественное освещение, природные материалы и минимум дета-

лей. Черепанов определил это в двух словах: простота и функциональность. На кухне было все необходимое, включая самую современную технику, но ничего лишнего. Светильник с прямоугольным абажуром струил мягкий и рассеянный свет. Декором служили гравюры, каллиграфические свитки с мудрыми изречениями и икебана в стенной нише.

Они пили за маленьким столиком густой, действительно вкусный, приготовленный по какому-то экзотическому рецепту кофе с ликером, слушали музыку и разговаривали, а иногда просто молчали и смотрели друг на друга. И это молчание не было напряженной паузой, когда заканчивается очередная тема, а другая не найдена, оно было ее органическим продолжением, где каждый додумывал ее сам.

А потом была фантастическая ночь. Ночь, которая выпадает только один раз, когда понимаешь, что такого завтра может уже не быть, и когда истосковавшиеся по настоящим чувствам два человека, случайно нашедшие друг друга в круговороте жизни, торопятся успеть выпить эту ночь залпом, до самого дна, до последней капельки...

Иван не любил анализировать свои любовные ощущения после встреч с женщинами и тем более делиться впечатлени-

ями о них со своими друзьями. Он разделял высказывание, которое вычитал в какой-то книге, что много о женщинах говорят самые неудачные любовники, а о деньгах — самые бескорыстные люди.

Но он отчетливо чувствовал, что в постели Нина отличалась от Ольги. Подсознательно сравнивая их, он поражался отличием ощущений. Да, в любви Ольга была великолепна, но в ее поведении угадывалась некая искусственная, почти профессиональная составляющая. Уж слишком хорошо для своих двадцати с небольшим лет она знала все тонкости и нюансы постельных утех. С ней Иван, тоже далеко не новичок в таких вопросах, каждый раз получал полное наслаждение, и набор ее приемов и их исполнение каждый раз бросали Черепанова в экстаз. Несмотря на его прошлый и солидный опыт, ему всегда казалось, что это Ольга главная в постели и каждый раз старается показать ему что-то новое, неизведанное.

С Ниной же всё было по-другому. Была естественность, ненаигранная страсть, и, несмотря на опыт семейной жизни Нины, была некая наивность, даже стыдливость. С ней Иван сам почувствовал себя учителем, бережно пытавшимся рассказать и показать неопытной ученице все то лучшее и интересное, что знал и что умел

сам, осторожно, тактично подсказывая и помогая ей.

Утро постепенно просунуло сквозь шторы пальцы своих световых лучей и защекоотало веки. Они почти не спали и забыли о времени, поэтому, взглянув на часы, синхронно вскочили и потянулись к одежде.

— Я в душ и приготовлю завтрак.

Нина стремительно и грациозно, почти по-кошачьи спрыгнула с кровати и убежала. А Иван еще минут пятнадцать валялся, включил стоящий напротив телевизор и смотрел новости.

Контрастный душ, телевизор и завтрак вернули Ивана из вчерашней сказки снова в реальность. Это почувствовала и Нина.

— Послушай, Иван, я снова о твоём деле, ты тоже думаешь о нём. Все-таки, может быть, мне стоит самой переговорить с моим шефом и попытаться убедить его в необходимости остановить работы на шахте?

— Исключено. Неужели ты не понимаешь, что решение мне отказать было принято еще до моего приезда в министерство? И цель этого решения понятна и проста: таким образом убрать с должности директора Владимира Ивановича

Лукьянца и поставить на его место своего человека. И как оно там будет, их не волнует — погибнут люди, ну и пусть. Главное — цель достигнута, а методы... это уж дело третье. Да и у Журавского, безусловно, возникнет вопрос: почему вдруг его секретарь взялась помогать незнакомому ей человеку из Лугани? Да и вообще, откуда она знает обо всей этой истории? Нет. Ты что, хочешь, чтобы неприятности возникли у тебя? Так я этого не хочу и не допущу.

— И что, нет никакого другого выхода? Другого пути? Так не бывает, всегда должен быть еще хотя бы один вариант, — она смешно поджала губы и с прищуром посмотрела на Ивана.

— Ты, наверное, начиталась много детективных романов или пересмотрела сериалов о ментах и особистах. Не обижайся. Да, на самом деле действительно есть еще одно условие, о котором я тебе не говорил: на Лукьянца в СБУ есть материал, досье, во всяком случае ему так сказали. И там якобы собраны материалы, убедительно доказывающие его причастность к некоторым незаконным операциям с закупками угля, оборудования, ну и прочая грязь. Правда ли это или они его шантажируют, сам Лукьянец не знает, но угрозы боится. Не в том он уже воз-

расте, чтобы по судам и тюрьмам скитаться. А семья, дети, внуки, доброе имя? Сейчас же все грехи можно притянуть за уши, учитывая неоднозначность нашего законодательства, особенно в прошлые годы. А те приказы на нарушения, заметь, в устной форме, давали те же его начальники, которые сейчас угрожают ему за выполнение этих же приказов. В общем, опасаться есть чего и кого. Так вот, Владимир Иванович мне сказал, что если я сумею, понятно, что не забрать, но хотя бы посмотреть это досье и убедиться, что же там на него "накопали", то он самостоятельно примет решение об остановке шахты, — Иван сделал большой глоток сока и продолжил: — И я думал, что мои давние дружеские связи с некоторыми СБУшниками мне помогут в этом. Но оказалось, тех ребят уже в конторе нет, их уволила новая власть, а те, кто остался, мне перезвонили буквально вчера, доступа к таким материалам не имеют. Так что и этот вариант, похоже, придется отбросить. Есть еще один парень тут, в киевской конторе, но он в другом отделе и готов помочь только в том, что в вопросах его компетенции, как он выражается. Круг замкнулся, а времени до взрыва всего ничего, и сообщить мне Матвееву нечего.

Все это время Нина внимательно слушала его, как-то по-ребячьи напрягшись и медленно качая головой. Потом решительно, порывисто встала, приняв какое-то непростое для себя решение.

— Я тебе ещё не успела рассказать, что у меня есть подруга, её зовут Рита. Она давно работает в СБУ, в аналитическом отделе что ли, довольно толковая. Давай позвоню ей и попрошу помочь. Вдруг она сможет? Ведь в том, что ты посмотришь на досье твоего друга, большого преступления нет. Зато есть шанс спасти сотни людей.

Черепанов раньше никогда бы не посмел использовать в своих делах женщину. Тем более такую, ближе которой на этот момент у него не было. Но ведь это не только его дело. Разве не нужно схватиться за любую, даже эфемерную возможность, чтобы предотвратить взрыв?

— Ладно, позвони. Только не говори ей об этом по телефону, предложи перебраться в кафе. Это действительно будет мой самый последний шанс.

И Иван с затаенным волнением посмотрел, как Нина набирает номер. До предполагаемого взрыва оставался один день.

— Почему Джедефра?

Свет солнца уже не проникал в храм Птаха, и факелы на стенах выхватывали из темноты только часть зала, в котором друг напротив друга стояли Верховный жрец, хранитель тайн Аменеминт и главный архитектор фараона Хемиуну.

— Тебя мучает будущее, Хемиуну... Я предупреждал, твой дар опасен, это тягость — знать то, что тебе не положено как простому смертному...

— Ты не ответил, жрец. Следующим должен быть Хафра.

— Отвечу, хотя странно, что ты задаёшь мне вопросы, это я должен тебя спрашивать, ведь это ты провидец.

Аменеминт громко рассмеялся, и его сильный смех в тишине зала казался зловещим.

— Джедефра нам больше подходит. Буду с тобой откровенен, он для Египта настолько же вреден, как и его отец, но из двух зол нужно выбирать меньшее. Принц не знает, что такое управлять великой страной, он не знает никаких проблем государства, но мы ему поможем в тяжёлый час стать на истинный путь. Его воля будет подчинена нам. Что нужно принцу? Развлечения? Мы позволим ему это. За чей счёт, спросишь ты и будешь прав, ар-

хитектор, в своих предположениях! За счёт сокровищницы жрецов. На некоторое время.

Архитектор напряженно слушал жреца.

— Никогда жрецы не поступали так с сокровищами Лабиринта, а ты далеко не простак, Аменеминт..

— Да, не поступали, — после короткой паузы ответил верховный жрец. Теперь уже и тени улыбки не было на его лице. — Но уверен, что мне удастся убедить совет в том, что тяжкие времена настали и мы должны сделать именно так, а получим взамен гораздо больше. Мы получим золото земель Египта. Кстати, ты подумал над тем, где его искать?

— Дай мне время, жрец. Ты думаешь, что я могу видеть всё и сразу, это не так.

Жрец отрицательно покачал головой.

— Ждать больше нет возможности, хочу видеть тебя через месяц, и ты прине­сёшь карту.

— Каждый день я должен быть на строительстве, а чтобы понять, где искать, мне нужно истоптать землю ногами, я знаю только примерно.

— Отправься в экспедицию, — настаивал жрец, — убеди фараона, что тебе нужен особый гранит или что-то в этом

роде, придумай что-нибудь, это в твоих интересах. Месяц.

Он повернулся и вышел из храма, не проронив больше ни слова. Архитектор так же молча смотрел ему вслед.

Спустя два дня экспедиция, снаряжённая на поиски золота, отправилась на Синай. Единственное, что было нужно Хемиуну, — получить землю с мест, указанных им на карте. Ехать самому, и тем более брать с собой кошку, было бы верхом странности в его нынешнем положении, а оно и так было незавидное. Архитектор был уверен, что по возвращении экспедиции он сможет указать золотоносную жилу. Но душу его съедала ненависть к жрецам, к собственной немощности — не физической, а духовной — обстоятельства загнали его в западню. Что может быть хуже, чем знать, что обстоятельства управляют тобой, но не наоборот. А фараон? Его власть всегда казалась безграничной на землях Египта, но, оказывается, есть силы, которые могут его заставить перейти в мир иной... И он, Хемиуну, обычный смертный, оказался между этими двумя силами, как между жерновами. Архитектор понимал, что у него совсем мало времени для принятия решения, на чью сторону стать.

Покорная кошка, лёжа на его коленях, издавала равномерный звук кошачьего удовольствия — гортанное урчание, и архитектор не смел её прогнать — именно она сейчас должна была ему помочь сделать выбор.

Всё чаще он оставался с Гепой наедине, и любому обитателю дома — будь то члены семьи или слуги — запрещалось входить, когда хозяин думал.

Чем больше он проводил времени за созерцанием будущего, тем тяжелей становилось на душе. Предсказать он мог практически всё, кроме своей собственной судьбы. И это омрачало существование архитектора больше всего. Измученный своим даром, он не мог извлекать из него личную выгоду, а необычное предвидение будущих событий заставляло принимать решения, которые не могли сказаться на его судьбе. И всё же он решился...

Договорившись с Ритой о встрече, Нина перезвонила в министерство и отпросилась у шефа часа на три. Соврала, что разболелся зуб и нужно срочно к стоматологу.

Ровно к одиннадцати Нина и Иван поехали в уютное кафе на Подоле, чтобы

встретаться с Ритой. Рита оказалась тоже симпатичной, но это был несколько другой тип. Высокая, но с более "солидными" формами, в строгом сером костюме, она немного напоминала стюардессу, рано вышедшую на пенсию. Приветливое лицо со строго очерченными скулами, аккуратно зачёсанные назад волосы и заметная с первого взгляда выправка свидетельствовали о профессиональной принадлежности Риты к организации, постоянно следящей за внешним видом своих сотрудников. Она быстрым оценивающим взглядом скользнула по Черепанову, сердечно обнялась с Ниной.

— И что у вас стряслось, чем вызвана такая секретность? — спросила она у Нины, рассматривая при этом Ивана. — Давайте для конспирации закажем хотя бы кофе или сок.

И хоть её тон был насмешливым, в голосе Иван уловил тревожные нотки. Она понимала, что просто так Нина не стала бы вызывать её с работы. И понимала, что это как-то связано с новым Нининым знакомым.

Пока молоденькая официантка принимала заказ, все молча готовились к разговору.

— Понимаю, времени у тебя не так много, поэтому постараюсь быть краткой,

— Нина волновалась, что делало её еще привлекательней. — Познакомься, это Иван Черепанов, мой хороший ... — она запнулась, подбирая слово, — друг, и ему нужна помощь. Даже скорее не ему самому, а делу. Короче, лучше он сам тебе всё объяснит, а ты уже сама решишь, что к чему.

Иван изложил уже заученную историю о Матвееве, его чудесной кошке и взрывах, делая уточнения после чётких вопросов Риты.

— Итак, резюмирую, — после непродолжительной паузы сказала она, — не касаясь функций остальных участников вашей эпопеи, моя задача — помочь вам, Иван, взглянуть на досье этого вашего друга — директора. Но перед этим одно существенное отступление: данное деяние, как вы понимаете, является нарушением если не общегосударственного закона, то правил нашей организации. Повлечёт оно может неприятности, и это мягко сказано, для вас. Но, очевидно, при вашем темпераменте и уверенности в собственной правоте вам это кажется мелочью, дело ваше. Но могут быть большие неприятности и у меня, и у другого человека, который может вам это помочь сделать. И если компенсацией за это тому человеку будет некая сумма вознаграждения от вас и

возможность сделать услугу мне, то мне нужно четкое понимание необходимости данного деяния. Если вы не возражаете, хотя это и выглядит несколько бестактно, я на несколько минут хотела бы остаться наедине с Ниной. А потом мы продолжим разговор.

— Безусловно, а я пока расплачусь за заказ и полюбуюсь панорамой Днепра.

Черепанов направился к барной стойке, потом демонстративно далеко отошёл от столика и, облокотившись о перила, глядел, как у речной пристани, суетясь и гудя, снуют маленькие шустрые катера.

Через минут пять его окликнула Нина.

— Мы всё обсудили, извини, что без тебя, но Рита хотела поговорить только со мной. Ты её должен понять.

— Какие могут быть претензии? Я уже, честно говоря, не рад, что втянул вас в эти проблемы.

— Не комплексуй, лучше пойдём послушаем, что скажет Рита.

Черепанов не знал, о чём говорили подруги, но догадывался, что Рита хотела побольше узнать о нем. Он внутренне усмехнулся: что могла рассказать Нина, которая знала его только со вчерашнего дня? Естественно, не об их прошлой ночи. И какие гарантии она могла дать относи-

тельно его порядочности, честности, вменяемости, наконец. Хотя впечатление ненормального он пока не производил. Или это ему кажется?

Но, видимо, Нине удалось убедить подругу какими-то своими женскими, недоступными для мужчин доводами.

Рита была привычно деловита:

— Задача наша непростая, но выполняема, причём несколькими способами. Досье можно почитать либо в бумажном виде, либо на сервере, где хранятся такие документы. Второй вариант для меня, а значит и для вас, проще. Мой хороший знакомый, начальник охраны одного из наших руководителей, думаю, сможет это организовать. Вам понадобится минут пять-шесть, не более, ваш товарищ, как я поняла из рассказа, на серьёзное досье — листов эдак на пятьдесят — не наработал. Детали вам сообщат позже. Ждите звонка и не беспокойтесь. Естественно, как вы понимаете, после того, как я сама пробью по нашим каналам имеющуюся о вас информацию. В организации я служу серьёзной, хоть нас сегодня и "чешет" жёлтая пресса. Посему мнение подруги перепроверю. Не такие красавицы ошибаются, хотя, — добавила она, усмехнувшись, — её отзывы о вас весьма лестны. Звонок ждите часа через полтора. Если его не будет,

значит, дело не выгорает по каким-либо причинам. Уж не обессудьте и до свидания.

Поцеловавшись с Ниной, она неожиданно проворно для своей комплекции встала из-за стола и элегантно села в припаркованную у кафе чёрную иномарку со служебными номерами. Черепанов с Ниной остались за столиком.

Когда Нина уехала в министерство, Черепанов погулял по набережной и сделал несколько звонков. Перезвонил Матвееву и Лукьянцу, сообщил, что вопрос пока не решён, но шансы есть. Набрал Ольгу, чтобы узнать, как протекает отдых, но соединения не произошло, видимо, услуга роуминга подключена не была. Ивана этот факт особенно не расстроил, он не сомневался в том, что у Ольги всё так, как надо. "Оттянется", как "сленгует" его младший, по полной.

Через часа полтора, как и предупреждала Рита, раздался долгожданный звонок. Исходный номер был засекречен. В трубке раздался мужской приятный бас. Незнакомец говорил отрывисто, чётко, как бы рубя фразы:

— Здравствуйте, Иван Сергеевич, меня зовут Валентин Николаевич. Мне говорили о вас и вашем деле. Думаю, смогу вам помочь. В четырнадцать часов жду

вас возле памятника Богдану Хмельницкому на Софиевской площади. Подробности обсудим при встрече.

— Хорошо, — Иван постепенно начал входить в состояние охотничьей собаки, почуявшей дичь, — а как вы меня узнаете?

— Не беспокойтесь, — даже по телефону Иван почувствовал, как усмехнулся Валентин Николаевич, — узнаю. До встречи.

И разговор закончился.

Иван задумался, потерял салфетку и всё-таки позвонил Виталику Макаренко, старому институтскому другу, давно уже служившему в столичном МВД, и о чём-то кратко с ним переговорил. Потом спустился к дороге, остановил такси и назвал место встречи.

К памятнику он подъехал минут за двадцать до встречи, осмотрелся, прогулялся, оглядел скульптуру, припомнил, что знает о памятнике. Оказалось, не так уж и много, но и не мало, значит, журналистская память и закалка не ослабевали с возрастом, что радовало. Но много вспоминать Ивану не пришлось, он незаметно пристроился к шумно высыпающей из большого автобуса экскурсионной группе и внимательно вслушался в рассказ женщины-экскурсовода. Худенькая, малень-

кая, в полосатом брючном костюме и больших роговых очках, она привычно ровным, хорошо поставленным голосом профессионала, периодически поворачиваясь то к слушателям, то к высоко сидящему Богдану, вещала историю создания одного из самых знаменитых памятников города, давнего символа Киева, изображенного на картах, телевизионных заставках и сувенирах. Иван на время ощутил себя туристом из этой группы и заслушался.

Оказывается, еще в середине XIX века у украинских деятелей культуры возникла мысль установить памятник Богдану Хмельницкому. Первый проект памятника был выполнен с грандиозным размахом. На гранитном постаменте, по форме похожем на курган, на гарцующем коне восседал гетман. Под копытами коня предполагалось изобразить распластанное тело ксендза-иезуита, покрытое изорванным польским знаменем, рядом должны были лежать звенья разорванных цепей, а внизу, перед скалой, располагаться четыре фигуры — слепой кобзарь и его слушатели: белорус, малоросс, великоросс и червоноросс. Барельефы должны были изображать эпизоды битвы под Збаражем и вступления войска Хмельницкого в Киев.

Средства на памятник предполагалось собрать по благотворительной подписке, но и тогда пожертвования поступали плохо. Политические мотивы и недостаток средств привели к тому, что композиция памятника стала намного скромнее, исчезли фигуры кобзаря, его слушателей, а также барельефы.

Иван вместе с группой послушно вслед за энергичной предводительницей описал круг у памятника и продолжил слушать.

Морское ведомство пожертвовало на строительство памятника 1600 пудов, или 25,6 тонн, старой корабельной меди. В 1877 году наконец-то была изготовлена гипсовая модель, а в 1879 году в Санкт-Петербурге, на литейно-механическом заводе Берда, при участии скульпторов Пия Велионского и Артемия Обера композицию отлили из металла.

Хоть тогда ещё в Киеве не заправляли Черновецкий и его молодая команда, место для памятника Хмельницкому — Софийская площадь — определилось после долгих споров. Но неожиданно из Петербурга пришёл запрет. Дело в том, что памятник, установленный на Софийской площади, располагался бы между алтарной стеной Киевского Софийского собора и зданием Михайловского Златоверхого

собора. Ориентирована статуя была так, что гетманская булава как бы грозила в сторону Польши. Соответственно, конь Богдана Хмельницкого будет обращён хвостом к алтарной стене Софийского собора, и именно это будут видеть вместо христианской святыни многочисленные богомольцы, устремляющиеся к собору. Кроме того, закрывался вид на собор со стороны Михайловского монастыря и Крещатика. Это вызвало возмущение киевского духовенства, и оно написало жалобу в Синод. Некоторое время памятник стоял на Бессарабской площади.

Восемь лет простоял готовый памятник Богдану Хмельницкому во дворе Старокиевского полицейского участка, так как денег на строительство гранитного постамента не хватило. Киевляне шутили, что гетмана арестовали за то, что "прибыл без пашпорта". Наконец в 1886 году из городской казны было выделено 12000 рублей, а управа Киевской крепости отдала для памятника 30 кубических сажень гранита, которые остались от строительства опор Цепного моста, после чего архитектор Владимир Николаев спроектировал и построил постамент для памятника. Киевский архитектор работал бесплатно, а деньги, которые удалось сэкономить, по-

тратил на установление изгороди с фонарями вокруг памятника.

Все исторические события, особенно с памятниками, похожи друг на друга и периодически повторяются, меняя только воплощения и трактовки с учётом политической конъюнктуры — эту истину Ивану еще раз подтвердило продолжение рассказа.

Чтобы не оскорблять чувства верующих, скульптурную композицию развернули, после чего булава стала грозить скорее в сторону Швеции, чем в сторону Польши. Вопреки расхожему мнению, в сторону Москвы булава не была направлена никогда. О сопричастности к России говорили лишь надписи на постаменте: "Хотим под царя восточного, православного" и "Богдану Хмельницкому единая неделимая Россия". В 1919 и 1924 годах эти надписи сменили на нейтральную: "Богдан Хмельницкий. 1888", которая сохранилась до наших дней.

11 июля 1888 года, во время празднования в Киеве 900-летия крещения Руси, памятник Богдану Хмельницкому был окончательно установлен и освящен.

Иван ещё раз, уже глазами новоявленного знатока, взглянул на монумент. Действительно, памятник производил сильное впечатление своей динамичнос-

тью. Как будто всадник на полном скаку осадил коня, чтобы обратиться к народу. Довольно точно, как говорят историки, было передано портретное сходство с прототипом, а также детали одежды. Постамент скульптурной композиции хоть относительно невысок, но зато она доступна для кругового обзора, что даёт возможность подробно рассмотреть все детали, которые проработаны очень тщательно.

Он хотел ещё раз обойти медного Богдана, но кто-то совершенно неожиданно тронул его за рукав пиджака. Черепанов обернулся. Ещё секунду назад в экскурсионной группе этого мужчины не было, и Иван не заметил, как тот оказался рядом. Высокий, под метр девяносто, и под сто кило весом, с могучей атлетической фигурой, угадывающейся даже под светло-синим пиджаком спортивного покроя, Валентин Николаевич, а это был он, легонько отвёл Ивана в сторону.

— Ещё раз здравствуйте, Иван Сергеевич, — произнёс он знакомым басом, — давно ждёте? Как вам, кстати, рассказ экскурсовода, правда, интересные подробности, прямо своеобразное досье на памятник?

От неожиданности Иван сразу не нашёл, что ответить. Но, похоже, его новый спутник ответа и не ждал.

— Давайте-ка спустимся к автомобилю, и я расскажу вам план наших ближайших действий. Времени у нас не очень много, а работа предстоит необычная.

И мягко придерживая Черепанова под локоть, Валентин Николаевич подвёл его к огромному чёрному джипу.

— Наш план такой, — так же отрывисто продолжил Валентин Николаевич, когда они сели в салон и молча проехали несколько километров по шумным улицам, — сначала посетим квартиру, где вы переоденетесь в форму мастера по ремонту кондиционеров. А потом — в дачный пригород, в очень красивый особняк моего начальника, и там ...

Но тут громкий и такой же отрывистый, как голос нового знакомого Ивана, сигнал мобильного телефона прервал его:

— Секундочку, — тот внимательно посмотрел на исходящий номер и нахмурился, — кажется, у нас уже начались проблемы.

В один из обычных дней на строительстве пирамиды, такой, как и сотни других, к нему подошел человек в одежде воина.

— К тебе есть послание, уважаемый Хемиуну.

Тон, которым это было сказано, не оставлял никаких сомнений в том, кто был отправителем сего послания.

— Давайте, — архитектор ждал этого дня, жрецы не могут не сдержать своего слова.

— Это послание на словах, архитектор. Человек, который знает о тебе всё, просит вспомнить о вашем разговоре месячной давности и дать обещанное...

— Передайте вашему хозяину, что я готов.

— Жди, — неизвестный развернулся и пошел прочь так же быстро, как и появился.

В тот же вечер Аменеминт появился в доме архитектора тем же способом, что и раньше.— Благословенна мудрость твоя, Хемиуну, ты не из тех хитрецов, которые смеют перечить воле жрецов, — невысокий, сгорбленный человек в грязных одеждах приветствовал архитектора.

— Моё уважение к вашей касте воспитано с детства, но это уважение основано не на страхе к твоей таинственности, а на восхищении твоими знаниями, Аменеминт. Я хочу, чтобы ты это понимал.

— Конечно, архитектор, но какая разница? Ты готов ответить на вопрос совета жрецов о золоте?

Хемиуну неспешно проследовал в дом и вернулся оттуда со свитком папируса.

— Здесь обозначены интересующие вас места. Я своё дело сделал, жрецы могут быть спокойны.

— Покой наш может быть основан только на уверенности в неприкосновенности Лабиринта, а таковой у нас нет. Ты всего лишь помог сделать первый шаг, но следует подумать и о последующих.

— Мне думать не о чем, наш договор выполнен! — архитектор почувствовал, как волна злости от собственного бессилия подкатила комком к горлу и голос предательски задрожал.

— Ярость — не самый лучший советчик для мудрых людей. Нет большей ошибки, чем отдать себя гневу во власть, архитектор. И тем более это нужно понимать человеку, отмеченному даром всевышнего.

Верховный жрец заложил руки за спину и, сгорбившись, начал ходить туда-сюда перед Хемиуну. От этого его и без того невысокая фигура стала похожа на маленькую сгорбленную тень злого духа, пришедшего за своей жертвой.

— Через двенадцать дней, архитектор, случится то, что ты видел в своих видениях. Ты спросишь, зачем я это говорю? Ты же и так всё знаешь без меня... Это не новость для пророка.

— Мне кажется, жрец, что мои способности сравнимы с твоими... Читать мысли — удел посвященных, но всё же я не стану задавать ненужных вопросов, сила на вашей стороне, и мне придётся выслушать.

— Ещё один мудрый поступок. Совет жрецов прислал меня не только, чтобы забрать обещанное тобой, я должен заверить избранных, что ты правильно истолковал будущее и готов принять его и не препятствовать восстановлению справедливости. Подумай, Хемиуну, ты всего лишь умеешь читать начертанное чужой рукой письмо, всего лишь читать, но править его ты не в силах. Так и продолжай совершать здравые поступки, не спорь со своим знанием, если суждено чему быть — оно и будет, ты не в силах изменить ничего, ты всего лишь читатель чужих писем, Хемиуну.

— Я проклинаю день, когда пришла кошка... — держась за голову, архитектор, казалось, хотел раздавить её руками.

Иван вопросительно взглянул на Валентина Николаевича, но тот внимательно слушал мобильник и смотрел в зеркало заднего вида. Потом резко свернул вправо, к обочине и остановился.

— Похоже, за нами "хвост", — медленно и даже удивлённо произнёс он. — Иван Сергеевич, вы никому не сообщали о нашей встрече?

— Нет, — коротко ответил Иван и подумал про себя, что его на всякий случай "берут на пушку" из мер предосторожности. А может быть, цену своим услугам "чекист" набивает.

Он осторожно огляделся вокруг — ничего подозрительного не наблюдалось. Ни тебе авто с наглухо затонированными стеклами, ни подозрительных типов с приклеенными усами и в темных очках.

— Извините, — деликатно, но с легкой иронией в голосе спросил он, — а вы уверены, что за нами действительно ведётся слежка?

Собеседник проигнорировал его иронию.

— А до этого не замечали, что кто-то за вами следит?

— Нет, — опять прозвучал тот же ответ, — да и зачем за мной следить? Я ведь не шпион, а о моей миссии в Киев по пово-

ду закрытия шахты знали многие. И Матвеев, и Лукьянец, и замминистра Журавский, и другие. Я и не делал из этого особой тайны, думал всё решить официально. Это уже потом от безысходности пришлось обратиться к Рите, ну и соответственно — к вам. А почему вы решили, что нами интересуются?

— Перед поездкой я попросил коллегу подстраховать меня во время встречи с вами, посмотреть со стороны, не следят ли за вами. Так, на всякий случай. Знаете ли, привычка. И он сейчас сообщил, что ему показалось, что за нами поехала серая тонированная "Шкода" и вела нас до этого места. Может, это и совпадение, но я на всякий случай пропустил её вперед. Придётся немного попетлять. Бережёного бог бережет.

"Не иначе как для пущей важности все эти понты, или действительно цену набивает", — отметил про себя Иван.

Когда Валентин Николаевич окончательно убедился, что за ними никто не следит, он внезапно "нырнул" в арку небольшого уютного дворика и заглушил двигатель.

— Сейчас быстренько переоденемся и — к цели. В доме, куда мы выдвинемся, охрана, так что я проведу вас как мастера по ремонту и обслуживанию кондиционе-

ров. Весь соответствующий реквизит сейчас возьмём.

Они поднялись на второй этаж по затёртой тысячами подошв цементной лестнице, мимо традиционных разноцветных почтовых ящичков с фамилиями жильцов квартир. В парадном стоял стойкий запах борща и лука. И кошек, видимо, с наступлением сумерек постоянно дефилирующих с улицы на чердак. Валентин Николаевич открыл дверь, и они зашли в однокомнатную, но довольно просторную квартиру. Как такие называют в народе — сталинку.

Про конспиративные квартиры спецслужб Черепанов знал. И по многочисленным фильмам, и по детективным романам, и по рассказам некоторых знакомых, которым приходилось бывать на таких квартирах ещё в советский период. Тогда сотрудники всемогущего КГБ встречались здесь со своими тайными осведомителями. А учитывая размах, с которым КГБ вербовал агентуру практически в каждой организации, квартир таких в каждом городе должно было перейти в наследство СБУшникам немало.

Иван быстро переоделся в заранее приготовленный рабочий костюм с красивым логотипом какой-то сервисной иностранной фирмы, взял небольшой пласти-

ковый чемоданчик с инструментом, и после непродолжительных инструкций Валентина Николаевича, в основном сводившихся к фразам: "Побольше молчи" и "Делай, как я скажу", они вернулись в машину.

— А когда вам передать, — Черепанов замялся, — вознаграждение?

Слово "деньги" он так и не смог произнести.

— После того, как посмотрите материалы, — без тени стеснения ответил Валентин Николаевич. И, заметив некоторое смущение Ивана, продолжил: — Вы, Иван Сергеевич, не думайте, что и наши органы стали насквозь продажными, как большинство представителей правоохранительной системы. Конечно, имеются такие и в нашем ведомстве. Но наш с вами случай особый. Во-первых, я вам помогаю из-за исключительного уважения к Рите Владимировне. Она мне в свое время тоже очень помогла. А долг платежом красен.

Иван заметил большую любовь нового знакомого к различным пословицам и поговоркам.

— Во-вторых, то, что она мне рассказала о причине вашего поступка, вызывает уважение и сочувствие. Люди погибнуть не должны, и если есть возможность это предотвратить, её, несомненно, надо

использовать. В-третьих, то, что вы увидите досе на вашего друга, ничего для нас особенно не изменит. Такие досе, как вы сами понимаете, есть на всех более-менее известных, богатых и влиятельных людей в нашей стране. И они тоже об этом если не точно знают, то догадываются. И о своих делах за последнее время тоже знают. Правда, не знают, насколько хорошо об этом осведомлены наши коллеги, и только в этом интрига, как говорят в театре. Но раз их пока не трогают — значит, надо, время не пришло.

— И в-четвертых, деньги за эту услугу, как вы понимаете, я беру символические, погасить, так сказать, накладные расходы, — Валентин Николаевич криво усмехнулся. — Да и судя по вашему случаю, с вас-то и взять особо нечего. Вы ведь заранее не готовились к такому варианту. Правда, — продолжил он после небольшой паузы, — у вашего директора наверняка нашлись бы соответствующие суммы, и если бы дело касалось только его, а не жизни сотен шахтёров, так бы и случилось. Заплатил бы по полной, раз имеет серьёзные грешки. Но я думаю, даже в этом случае он позже возместит вам потраченные средства. Дружба дружбой, а табачок врозь.

Тем временем они выехали из города на широкую скоростную трассу и мчались, уверенно маневрируя и обгоняя попутные машины.

Это было знаменитое обуховское направление. Самые элитные дачи базировались здесь ещё с советских времён. Леса, озёра, речка Козынка. По молодости Иван бывал в этих местах. Его университетский дружок Лёха Бобчинский подцепил девушку, которая оказалась внучкой известного писателя, на дачу которого они вскоре и были приглашены. Правда, Лёху вскоре забраковали, но впечатлений Черепанова от визита на дачу это никак не испортило. Тем более, их тогда и накормили, и напоили по высшему разряду.

Иван с интересом смотрел по сторонам. Сколько же появилось заборов! Огромные куски леса были обнесены деревянными и металлическими изгородями. Причём высота некоторых превосходила всякие границы здравого смысла. Они свернули с трассы в сторону Днепра и вскоре выехали на бетонку, по обе стороны которой расположились... "дачи", Иван чувствовал неуместность этого слова и вспомнил рассказ таксиста, подвозившего их с Ольгой к "Евроконтиненталю". Несколько массивов с более древней застройкой старой советской элиты

смотрелись по-сиротски на фоне дворцов с причалами, мостиками, башнями, сказочными островками, лебедями, скульптурами, причудливыми дорогими растениями. Нет, это хорошо, что у людей есть деньги. Но на фоне общей нищеты... Здесь явно закопано полбюджета страны, отметил про себя Черепанов. Просто мираж какой-то. Искусственно созданный иллюзорный мир. Взгляд Ивана скользнул по загорелым лицам молодых ребят, укладывающих плитку. Облачённые в синенькие рубы, они явно страдали на солнцепёке. А ведь многие из них бросили в своих сёлах обрабатывать землю, выращивать хлеб, овощи, скот. Почему, несмотря на бешеный рост цен на продукты, мы всё больше их завозим из-за границы, а крестьяне всё чаще бросают землю и подаются, чтоб хоть как-то выжить, батрачить на такие стройки? Интересно, какие чувства испытывают эти работяги, находясь здесь?

— А едем мы в загородный дом моего руководителя, — отвечая на немой вопрос Ивана, пояснил Валентин Николаевич. — В его компьютере есть копии всех нужных для нашей работы досье, ну и вашего товарища наверняка тоже. Естественно, он, я имею в виду моего начальника, о нашей операции знать не должен, так что выгля-

деть ваш визит будет как ремонт кондиционера. Этой информации достаточно?

Черепанов молча кивнул, хотя ответа Валентин Николаевич и не ждал, а только виртуозно крутил баранку и что-то напевал себе под нос.

Черепанов даже не заметил, какая была надпись на голубом дорожном указателе, когда они свернули с основной трассы на боковую дорогу. Не "грунтовка", а хорошо уложенная асфальтом извилистая дорога уперлась в солидный полосатый шлагбаум с небольшой красивой будкой для охраны. Молодцеватые ребята с автоматами наперевес, в чёрной служебной форме то ли "Беркута", то ли "Сокола", или какой другой серьёзной птицы, лихо сдвинув на затылок береты, молниеносно откозыряли их машине и подняли шлагбаум. Видимо, Валентина Николаевича здесь знали хорошо.

Они проехали дальше. По правую и левую сторону дороги высились двух— и трёхэтажные разнообразных архитектурных проектов элитные особняки, за высокими заборами которых угадывались совсем не рядовые их обладатели. Тишина, зелень, спокойствие царили на этом островке благополучия и комфорта. Вдалеке, метрах в шестистах слева от дороги, среди

невысокого дубового бора синело большим круглым пятном тихое озеро.

— Приехали.

Валентин Николаевич негромко послышался у зелёных кованых ворот аккуратного двухэтажного дома. Машину здесь тоже знали хорошо, и ворота мгновенно распахнул похожий на предыдущих бойцов молодой парень в форме, но уже другого покроя и цвета. Он вежливо поздоровался с прибывшими и остался у входа. Вопросов тут не задавали, и, видимо, так было заведено давно.

— Как дежурство?— панибратски, но с начальственной ноткой в голосе спросил Валентин Николаевич.

— Всё штатно, — коротко ответил парень. — Какие будут указания?

— Никаких, управимся сами. Я ненадолго, почистим "кондишен" — и поедem.

Они прошли в дом. Миновав по коридору третью комнату, Валентин Николаевич достал из кармана связку ключей и открыл дверь. Это, видимо, был загородный кабинет его начальника: большой тёмный стол и кожаное кресло, стеллажи с книгами и папками, два больших серых сейфа, на окнах решётки и сигнализация.

Подробней рассмотреть обстановку Черепанову не дал Валентин Николаевич. Он сразу подошёл к компьютеру, соеди-

нённому кабелем с длинным плоским экраном, стоящим тут же на столе, и включил его. Шторы на окнах были опущены, но свет пробивался внутрь, отчего в комнате царил загадочный полумрак.

— Поставьте, наконец, свой чемоданчик на пол и подойдите сюда, — Валентин Иванович уже сноровисто ввёл необходимый код и нашёл нужный Ивану файл.

— Садитесь и читайте материалы на вашего Лукьянца. Даю пять минут на ознакомление и запоминание. Время пошло.

И сам Валентин Николаевич сел на хрустящий диван у стены, искоса наблюдая за Иваном.

Черепанов внимательно вчитывался в документ, открытый на мониторе. Всё, что там было написано, так или иначе можно было применить к любому "угольному генералу" их времени. Уж Черепанову, выросшему в Донбассе, работавшему журналистом и депутатом, этого ли было не знать. Стандартный для среднего директора полукриминальный путь в постперестроечное время и стандартный набор совершённых нарушений. Не более. Причём больше предположительных, чем доказательных. Возможно, не такой уж важной птицей оказался его друг, или ре-

бьята из органов занимались более "перспективными" объектами. Шутка ли, одних депутатов Верховной Рады каждого созыва 450 душ, а ещё их помощники и советники. А члены правительства, министры, замы, замы замов. А губернаторы и мэры с их аппаратом, а новорусские, вернее, новоукраинские миллионеры и миллиардеры, а... да мало ли. Работы невпроворот, а тут какой-то директор из захудалого шахтёрского городка. Приоритеты тут явно расставлять умели.

"Короче, взяли тебя на понт, дорогой Владимир Иванович, — про себя подумал Иван, заканчивая читать документ. — Прямо не досье, а резюме безобидное. Такое не в прокуратуру отправлять, а в службу занятости. Практически чист, как младенец, по сегодняшним временам. Вот ему будет облегчение, ему и семье, да и дело теперь сдвинется, можно командовать на шахте без опаски".

Иван решил еще раз прочитать и запомнить один самый скользкий эпизод и уходить, когда по коридору раздались чьи-то шаги.

— Сидите спокойно, я на секунду. Скорее всего, это Саня, второй дежурный, что-то хочет сказать, — и Валентин Николаевич, быстро поднявшись, вышел из

комнаты, плотно прикрыв за собой массивную дверь.

О чём говорили в коридоре, слышно не было, и Иван, дочитав нужный абзац, автоматически закрыл файл. К его удивлению, тот не был открыт и вынесен отдельно, и на экране высветилось полное меню с папками, каждая из которых пестрела заголовками министерств, ведомств, политических партий и множеством знакомыми фамилий. Это была база копий досье, собранных в данном сервере. В спешке, а может, учитывая, что Иван не останется один, Валентин Николаевич не скрыл остальные материалы.

Искушение получить такие сведения было слишком велико, но и подставлять друга Риты и её саму тоже не хотелось. Будь у Ивана больше времени на размышления, он бы никогда не сделал то, что сделал сейчас. Какой-то бесконтрольный охотничий азарт овладел им. Ещё с юношеских времён, увлекшись журналистскими расследованиями, он выработал привычку всегда иметь при себе диктофон и флэшку — на всякий случай, мало ли когда понадобятся. Диктофон сейчас заменил многофункциональный модный телефон, а флэшка была пристегнута в специальном незаметном кожаном футляре на ремне. И этот ремень на конспиратив-

ной квартире он очень кстати перетянул в надетые сейчас брюки костюма наладчика. Причем сделал это совсем не преднамеренно, а скорее случайно, поскольку брюки оказались великоваты и слегка болтались.

Повинуясь скорее азарту, чем разуму, Иван профессионально вставил флэшку во внешний порт и за несколько секунд скачал на неё всю информацию. Восстановил всё, как было, и быстро спрятал флэшку обратно в пояс.

Он даже не успел испугаться, когда через мгновение в кабинет вернулся Валентин Николаевич. В руках он держал большую плетёную корзину с грибами.

— Ну как, прочитали? — и он, почти не глядя, закрыл файл и выключил компьютер. — А это Санёк мне грибов вчера насобирал и передал для домашних. Люблю, знаете ли, пожарить с картошечкой, лучком, тёртым сыром и сметанкой. Жена их замечательно готовит, пальчики оближешь. Так, — он резко сменил тему, — время, свою работу вы сделали, "кондишен" почистили, пора назад. Остальные вопросы решим на квартире.

И они вышли тем же путем к автомобилю. Воздух вокруг был чист и светел, а солнце уже клонилось к закату.

— Эх, на недельку бы сюда, да забыть про все, — заводя машину, мечтательно промолвил Валентин Николаевич, — лес, рыбалка, охота. Но покой нам только снится, ведь так?

И, посигналив три раза клаксоном на прощанье, они выехали в предусмотрительно открытые ворота.

Ивану казалось, что бухающее в груди сердце заглушает работающий двигатель.

"Надо успокоиться, — дал он себе команду. — Всё решим в гостинице, в гостинице, в гостинице. Главное — позвонить Лукьянцу и рассказать о досье. Пусть он сразу останавливает шахту. Да, и перезвонить Матвееву. И поблагодарить Риту". И новая мысль, та, которую он безнадежно сейчас гнал из головы: что делать с материалами на флэшке?

Синий "Москвич", громыхая своими запчастями, по проселочной дороге направлялся туда, где сквозь косой дождь просматривался вентиляционный ствол шахты. Лысая резина буксовала временами на глинистых подъемах, но водитель, уверенно переключая передачи, нисколько не сомневался в том, что нет преград для его автомобиля. Неровный звук двига-

теля усиливался баском дырявого глушителя, и спокойствие всех фазанов в округе было безнадежно нарушено.

Фёдор бормотал под нос: "Врагу не сдаётся наш гордый "Варяг", работая педалями и рычагом с такой самоотдачей, будто он сам был двигателем старенького автомобиля.

Потемнело неожиданно быстро — низкие тучи лишили землю солнечного света раньше чем положено, но это было и к лучшему.

Старые часы светились фосфорными стрелками, и Федор, взглянув на них, убедился, что движется по графику.

"До ствола еще минут сорок ехать, потом пешочком, всё складывается", — его мысли сейчас были направлены только в одну сторону — сделать всё по разработанному плану.

"Москвич" остановился в посадке. Через несколько минут возле него стоял не житель посёлка, а рабочий шахты — сапоги, грязная роба, каска — всё как положено. Будька перекинул через плечо сумку с инструментом и двинулся в сторону вентствала. В темноте он без труда ориентировался по знакомым многие годы приметам и довольно быстро вышел к цели. Двор освещался желтым тусклым светом прожектора, но за углом гаража было темно, хот

глаз выколи, — вот здесь и можно переждать.

Ремонтная смена зашла в клеть, и когда начался спуск, Матвеев, стоя за спиной Николая Будьки, ощутил давно забытое чувство, близкое к невесомости. Столько раз он в своей жизни спускался в шахту, и это было обыденно, а теперь, спустя годы, к горлу подкатил ком.

Торможение, лязг дверей, и горняки размеренным шагом людей, делавших это сотни раз, направились в сторону электропоезда.

— Вон туда, налево иди, дядь Вась. Я через полчасика буду. — Колю в темноте можно было различить только по голосу.

"Староват я стал, действительно, раньше, как летучая мышь, ориентировался в темноте. Давай, сынок, время пошло".

Бригада поехала на участок, а Матвеев побрел в другую сторону, поглядывая на часы. Воздух в шахте особенный. Здесь он может быть разным — жарким и пыльным, свежим и прохладным, в зависимости от того, где ты находишься, но запах шахты везде одинаковый — Кондратьич по нему соскучился. "Вот как бывает, ты меня чуть не убила, а я рад опять быть здесь, — Матвеев разговаривал с шахтой и при этом совершенно не чувствовал себя

сумасшедшим. — Не получится у тебя в этот раз. Делай что хочешь, но людей ты не получишь, прозорливая дырка. Который час?"

Полчаса пролетели, как минута, и одинокий фонарик коногонки появился вовремя.

— Ты, Николай?

— Я, Кондратьич. У меня всё готово. Метрах в десяти от клетки лежит лом. Может, поднимешься с нами? Рискованно это, вдруг ты прав окажешься.

— Я точно знаю, что прав, а если быстро устранят неисправность и вас опять спустят? Нет уж. Делаем, как договорились. Мне три-четыре часа продержаться, а потом — здесь ничего не будет, я от клетки далеко не уйду, а до лавы — вон сколько. Ты самоспасатели положил?

— Там же, три новых. Один на тебе — не забудь.

— Что со временем?

— Пора начинать. Ну бывай.

Николай развернулся и пошёл в обратную сторону. Теперь всё зависело только от слаженности их действий. Через десять минут Кондратьич достал газовую зажигалку, из которой предусмотрительно заранее удалил кремний, нажал на спуск газа и поднёс её к датчику.

На поверхности в диспетчерской дежурный поднял трубку и доложил по внутреннему телефону:

— Сработали датчики метана, в шахте газ.

Трубка недовольно крякнула в ответ матом.

— Как-то резко они сработали, концентрация увеличивается, — дежурный был явно взволнован.

Трубка продолжала ругаться в ответ.

— Нет, тогда их отрежет от клетки. Они не смогут выйти.

— Чёрт! У нас стал главный вентилятор проветривания!

Диспетчер схватил другой телефон.

— Что там у вас? Так включи резерв, метан внизу!

Лицо дежурного становилось всё бледнее.

— Что с резервным питанием? Включай, давай, давай! Как нет? Да что вы там все, на своих выселках, с ума посходили?

— Всех выводить на поверхность, срочно!

Ремонтная смена, не успев приступить к работе, быстро направилась к спасительной клетке. Они успели зайти далеко, и теперь нужно было около двадцати минут, чтобы вернуться, но этих людей то-

ропить было не нужно. Каждый шаг увеличивал расстояние между ними и смертью. Возможно, тревога опять окажется ложной, думал каждый из них, но проверить это ценой собственной жизни ни у кого не было желания. Тревога на сей раз не была ложной. И уже очень скоро каждый из них и все в округе смогли убедиться в этом.

Довольный собой, Фёдор широким шагом пробирался сквозь лес к машине.

"Всё-таки талант не пропьёшь, электрик от Бога! Понапридумывали всяких модных защит, понаставили наворотов. И что? От Будыки ещё никто не уходил! Дело-то. Теперь часов пять будете возиться, не меньше! А нам больше и не нужно. Все на-гора!"

"Вот они. Торопятся. Давайте, сынки, давайте. Там ваше спасение", — Кондратьич выключил фонарь, чтобы его не было видно в темноте, и прислонился к крепи. Клеть лязгнула затвором и пошла вверх, увозя шахтёров.

"Всё. Главное сделано. В нужное время в шахте никого нет. Теперь упрямый директор подождёт некоторое время и

спустит опять кого-нибудь, но мы и этого не допустим".

Когда на горизонт опустилась пустая клеть, Кондратьич открыл её дверь, расклинил ломом и — для большей уверенности — ещё и шахтной крепью. Обычно такие вещи не валяются где попало, но Матвеев позаботился об этом заранее.

"Ну вот. Теперь мы с тобой один на один, по крайней мере некоторое время, — Кондратьич направился в сторону электровагона. — Сейчас мы закрепим успех".

Он сел в кабину, повернул рычаг, и грязный подземный работяга начал набирать скорость. Чего стоило Кондратьичу спрыгнуть? Да ничего не стоило! Резкая боль, как тогда, много лет назад в больнице, только и всего. Грохочущий состав что есть мочи набирал ход.

Звук уходящего в темноту пустого состава Кондратьич уже не слышал...

Десять дней и ночей праздника по случаю окончания строительства пирамиды превратились в нескончаемый поток яств, вина и увеселений, ворвавшийся в царский дворец. Венец самолюбия фараона был закончен. Разделяя остроконечной золотой макушкой пустыню и плодородную долину, пирамида заставляла

оглядываться на себя, и не было на земле ничего более прекрасного и величественного.

Как и обещал, фараон сполна отплатил талантливому племяннику, но десять талантов не радовали Хемиуну. Он ждал. Ждал беду, которую никак не мог предотвратить. И на тринадцатый день скорбная весть разнеслась по долине... Пирамида теперь будет использована по прямому назначению. Фараон умер.

"Вот теперь ты, знающий о будущем всё, опровергни сам себя и измени свою дату смерти... Докажи хотя бы себе, что ты не мог знать всего, а значит, и изменить что-либо... Будь преданным, Хемиуну, твой хозяин ушёл, и в этом — часть твоей вины... Ты знал, каким ядом его отравят жрецы, ты знал, что глухонемой слуга потом тоже примет его и уйдет вслед за своей великой жертвой, но ты не знал одного: как будет тебя терзать совесть..." Больше ни одной мысли в голове великого архитектора не появится, он последовал примеру преданного предателя — глухонемого слуги фараона...

Рассчитавшись и попрощавшись с Валентином Николаевичем, Иван сразу поехал в гостиницу. Ещё по пути, в такси,

он набрал Лукьянца и сообщил, что видел досье, но ничего такого, что могло бы стать причиной "посадки" директора, с полным набором доказательств и показаний свидетелей, там нет.

— В досье в основном предположения и факты, требующие дополнительного расследования, — более подробно "докладывал" Черепанов уже из гостиничного номера, — полной доказательной базы у них нет, я уверен. Конечно, и эти материалы могут быть основой для каких-либо дальнейших расследований, но для этого понадобится много времени. Прошлых налоговых и товарных документов сейчас уже не сыскать. Понимаете меня — уничтожены по истечении трёх лет либо по халатности. И показания не взять, многих уже и в живых нет, а некоторые покинули страну, ищи-свищи. Да и мало кто захочет давать такие показания, позабыли уж всё.

Лукьянец молча и напряжённо сопел в трубку, переваривая услышанное.

Иван продолжил:

— В общем, вам лучше знать о прошлых делах и компаньонах, но на всякий случай документы подчистить не мешает. Я приеду и уточню, по каким сделкам и за какой период. Теперь, после услышанного, бояться вам, Владимир Иванович, нечего,

так что нужно немедленно закрывать шахту. Ведь так?!

— Не совсем, — голос у Лукьянца был уставшим, — во-первых, Иван, то, что ты прочитал, наверняка неприятно удивило тебя. Но ты должен понять и меня, ведь все сделки, с которых я получал "откаты", иначе провести было невозможно, сам знаешь, где и с кем живём. Сколько "дипломатов" с "зеленью" я перевозил в Киев, уже и не вспомню. Такие были правила. Ладно, ты прав, подробности при встрече.

— Да ладно тебе, Иваныч, оправдываться. Нет людей, а тем более руководителей безгрешных. Лично я тебя как уважал, так уважать и буду, — поддержал Лукьянца Черепанов.

— И на том спасибо. А теперь — о главном, сейчас у нас обстановка ещё та, может, уже слышал в новостях? Шахта и так уже шесть часов как закрыта без моего приказа. Твой сумасшедший Матвеев не дождался твоего звонка, а может, и не поверил, что я закрою шахту вторично, но так или иначе, самостоятельно заблокировал вход в лаву. Он же шахтёр с опытом, дождался, когда смена вышла, по чужому или по старому своему пропуску, сейчас выясняем, проник туда и заблокировал

клеть. Кажется, подогнал электровоз с вагонетками и устроил затор. Все стоим на ухах, вокруг ВГСЧ, приехала милиция. Послушай, может, он тебе доверяет больше, позвони ему, скажи, что мы и так всё остановим, пусть только выходит.

— Хорошо. Сейчас его наберу. Попробую уговорить и после перезвоню.

А в голове Черепанова вдруг возникли последние страницы трактата. Он понял: Матвеев может погибнуть. Иван набрал Матвеева. Телефон отвечал знакомым бесстрастным голосом: "Абонент временно недоступен. Перезвоните позже". Или Матвеев не взял трубку с собой, или в шахте не принимался сигнал. Черепанов повторил вызов, но результат был тот же.

"Бесполезно, — решил он, — нужно лететь в Лугань, и если успеет до взрыва, постараться уговорить Матвеева вылезти из шахты и избавиться от этой чёртовой кошки".

Позвонил Нине, хотел поблагодарить, договориться о встрече, но её телефон был занят. Заказал билеты на ближайший рейс до Лугани. И тут снова "пробило" — "флэшка"! Он с интересом и опаской, как маленький ребёнок, который

одновременно хотел и боялся заглянуть в тёмную комнату, достал "флэшку" и вставил в ноутбук.

То, что он увидел на скачанных с сервера СБУ файлах, поразило его. Его, человека опытного, как говорится, выдавшего виды и кое-что знавшего в силу своей бывлой журналистской профессии и настоящей депутатской работы. Досье Лукьянца теперь казалось "детским лепетом" по сравнению с масштабом развернувшихся на экране документов. Иван еще не просмотрел и малой толики имевшихся там досье, но понял, каким "огнедышащим" и потенциально опасными материалами обладает. И последствия оглашения этих материалов могут быть намного страшнее последствий взрыва на луганской шахте. Волею случая у него в руках оказались подноготные практически всех более или менее известных и влиятельных личностей страны. Причем даже некоторых тех его однопартийцев, которых Черепанов знал по совместным столичным съездам и повседневной организационной работе. Вся элита, все "сливки" общества были сейчас представлены на этом маленьком электронном устройстве, причем представлены в самом худшем для себя виде.

Председатель СБУ был похож на перевернутый айсберг — огромная глыба холодной ненависти к подчиненному, ко всей этой мерзкой конторе, состоящей из воров, жуликов и подхалимов, таилась под темной гладью напускного спокойствия.

— Погоны выбросишь на мусорку. Это раз, — негромким голосом обрисовывал он ближайшие перспективы стоявшему навтыяжку своему заместителю. — Сядешь, конечно. Это два. И сядешь, дрянь бестолковая, надолго. И не факт, что выйдешь живым, а не вперед ногами вынесут.

— Я гарантирую, что сегодня же... — начал было зам, но председатель резко оборвал его:

— Именно! — рявкнул он. — Именно сегодня! Не завтра! Не в среду!

И впечатал тяжелый кулак в стол.

— Чего стоим?! Действуй! Жизнь не надоела еще?!

— Никак нет, — растерянно пробормотал заместитель и исчез из кабинета.

Председатель несколько секунд невидящим взглядом рассматривал закрывающуюся за подчиненным дверь.

— И мне тоже... жить пока не надоело.

Подкупы, рэкет и рейдерство, заказные убийства, сексуальные извращения, незаконные товарные сделки и тендеры, государственные преступления, воровство бюджетных средств в миллионных масштабах, заранее проплаченные решения в судебных исках... И это все у милых, добрых и отзывчивых людей. У трибунов, меценатов, государственных деятелей, орденосцев, героев труда и страны. Практически каждый день, то горячо убеждая, то саркастически парируя, то режа в глаза оппонентам правду-матку, они не сходят с экранов популярных ток-шоу, почти искренне убеждая нас в своей исключительности, незаменимости и порядочности.

"Представляю, сколько любой из них заплатил бы и на что пошел бы, чтобы увидеть и уничтожить этот потрясающий своей "жесткостью", цинизмом и вместе с тем убедительностью компромат", — Иван даже прошиб пот от мысли об этом.

А ведь у него в руках такая бомба, которая, взорвавшись, может перевернуть общество как внутри страны, так и в глазах зарубежных партнеров, мнением которых мы всегда так хотим заручиться. Но стоп, ведь эта "бомба" может уничтожить и его самого. Если кто-то узнает, что он об-

ладает такой страшной информацией, его постараются убрать и "друзья", и враги. А в первую очередь это поспешат сделать сами спецслужбы, которые, давно имея такой материал, не давали ему хода, придерживали по разным мотивам и скорее всего для того, чтобы постоянно держать на крючке любого влиятельного чиновника, депутата или бизнесмена.

Но как они узнают, что у него есть такая информация, ведь никто не видел, как он скачивал ее на "флешку"?

И как бы в ответ на размышления Ивана пронзительно и противно "заиграл" мобильник. "Странно, раньше мне нравился этот рингтон, — машинально отметил про себя Иван и с тревогой посмотрел на номер вызова. — О-па-па, кажется, началось". Номер на экране телефона был засекречен. Несколько мгновений Иван размышлял, отвечать на звонок или нет, но все-таки решил ответить. Наверняка это Валентин Николаевич, может, что-то забыл, но с ним Иван полностью рассчитался и о новых контактах не договаривался. Вроде бы расстались каждый при своих интересах и навсегда.

— Слушаю, — телефон в руке предательски задрожал.

Знакомый бас в трубке теперь отдавал "железом":

— Что же ты, Иван Сергеевич, натворил! Это тебе не телешутки у коллег по цеху воровать. Ты, милый, что, не понимаешь, что программа компьютера при первом же заходе выдала информацию о копировании файлов? Разве ж мы так с тобой доваривались, уважаемый? В общем, не дури и сиди на месте. Сейчас к тебе приедут мои ребята, и ты спокойно отдашь им копии. Надеюсь, они все у тебя, и других глупостей ты еще не успел совершить?

Иван молчал. Значит, они узнали про копии и, черт побери, так быстро. И что теперь делать?

Что делать с этим пудом компромата, Иван еще не знал сам. Слишком быстро все произошло, и теперь, ввязавшись в это новое и очень опасное дело, решение о дальнейших действиях принять было трудно. Надо бы хоть немного потянуть время и подумать.

— Ты что примолк, плохо слышишь? — в голосе, кроме металла, проскользнули нотки угрозы. — И не вздумай ничего предпринимать. Такие шутки плохо кончаются. И для тебя, и для близких.

— Да я ничего с этим не делал и не собираюсь делать, — Иван наконец пришел в себя, и решение проскользнуло в мозгу молнией, — я-то и толком не видел, чего

там наворочено, так, заглянул одним глазком, имена-то знакомые.

— Повторяю еще раз, тихо сиди на месте. Ни с кем не связывайся и никому не звони. И не вздумай сделать копии, ты и так уже прилично вляпался.

И тут Иван сообразил, что пока они разговаривают, к нему в гостиницу уже выехали люди Валентина Николаевича. Тот и так знал, где он остановился, но аппаратура слежения по сигналу мобильного подтвердила его место нахождения. Выходит, они могут быть тут с минуты на минуту.

— Жду, — быстро ответил Черепанов и сразу отключил телефон. Мгновенно скомкал вещи, бросил их с ноутбуком в синюю дорожную сумку и выскочил из номера. Вниз осторожно спустился не на лифте, а по лестнице и, предварительно оглядевшись, покинул гостиницу. Тут же по пути вынул из мобильного сим-карту и выбросил в урну.

"Все-таки есть польза от детективных сериалов, — мелькнуло в голове, — теперь по законам жанра необходимо спрятаться и обдумать ситуацию в какой-нибудь тихой норе".

Он завернул за угол и подошел к кучковавшимся возле сквера в тени киоска таксистам.

— Это чей красный "Ланос" с шашечками? Поехали. На гулянку опаздываю.

— Садись, — мордатый, лысый, как Фантомас, детина отчалил от киоска и еле втиснулся за руль. — Куда изволите, сэр? Где состоится торжественный прием? — он явно был в настроении и желании поговорить.

Черепанов, не очень хорошо знавший Киев, брякнул первое, что пришло в голову:

— Дуй в Дарницю. А там я скажу, где причалить.

Что ж, этап эвакуации прошел нормально, кажется, успел вовремя. Теперь уехать подальше от гостиницы, а там будет видно. Он поставил сумку рядом на сиденье и расслабился. Теперь будет необходимо точно осуществить тот план, который возник у него при разговоре с Валентином Николаевичем. Но сначала еще раз все спокойно продумать: правильно ли он сделает.

— Так что за гулянка? — перебил мысли говорливый таксист. — Небось знатная, раз такую сумку добра туда везешь. Свадьба, не меньше.

— Юбилей, — раздраженно ответил Иван. — И смотри на дорогу молча, я сейчас как раз праздничный тост продумаю.

Таксист обиженно поджал губы, закурил какую-то вонючую сигарету и замолчал. Молчал и Иван.

Из стереоколонок за спиной Гриша Лепс на неизменной волне "шансона" надрывно хрипел о золотых куполах и потерянном счастье. Машина, шурша и хлюпая по вчерашним лужам, то быстро, то застревая в "тянучках", катила в сплошном потоке других автомобилей, в салонах которых сидели тысячи водителей и спешащих по разным делам пассажиров. Но вряд ли на кого-либо из них обрушился сегодня такой ком проблем, как на Черепанова. Скажи ему еще три дня назад, что вместо песочного пляжа под палящим солнцем сказочных островов, компании с "аппетитной" Ольгой и двумя ледяными коктейлями "Мохито" он будет в прокуренном, неизвестно куда едущем такси выбирать между необходимостью предотвращения взрыва шахты в Лугани и сохранения компрометирующей информации на важных лиц государства, — да он бы просто посмеялся в ответ. А вот сейчас как-то не до смеха. И главное, большинство проблем он сотворил себе сам.

Нужен был ему этот Матвеев с "говорящей" кошкой? Лукьянец с его прошлыми проблемами и "гешефтами"? Этот ребяческий поступок со злополучной

"Флешкой"? Эта Нина с ее дорогой подругой? Нет, вот Нина, пожалуй, нужна. Это единственное, вернее единственная, в этой истории, ради чего следовало в нее вляпаться! Но теперь получается, он подставил и Нину, и Риту, и подставился сам. И даже не может ей позвонить и все объяснить. Проклятый характер, сколько раз Иван давал себе зарок остепениться и не влезать куда не надо. Но внутреннее лихое и неистребимое "я" всегда побеждало.

Всё. Хорош. Лирику на потом. А сейчас надо подобрать сопли и спокойно обдумать создавшееся положение.

Таксист внезапно резко затормозил перед перебежавшим дорогу в неположенном месте пешеходом. Этот резкий толчок и отборная брань, еще долго и раскатисто несущаяся вслед нерадивому гражданину, оторвали Ивана от невеселых рассуждений.

— Дарница, — прервал замысловатый и уникальный по исполнению матерный монолог "Фантомас", — заснул что ли? Дальше-то куда едем?

Иван выглянул из окна автомобиля. Справа за перекрестком светился огнями большой современный супермаркет, названия которого из машины не было видно.

— Давай прищвартовывайся вон к тому магазину, и хорош, мне еще кое-чего подкупить требуется, — скомандовал Иван таксисту.

Тот ловко подрулил к стоянке и тормознул. Иван рассчитался, хорошо "накинув" сверху, и вышел.

— Удачно погулять на юбилее, — пожелал ему вслед "Фантомас", добавил в приемнике "шансона" и ударил по газам.

Иван остановился у входа, потом свернул к боковой колонне и огляделся. Отъезжали и подъезжали машины, в них садились и из них выходили люди. Красивые молодые женщины вели за руки опрятных детей. Ухоженные улыбающиеся мужчины сопровождали эффектных женщин. Впрочем, нет, Иван крепко зажмурил и открыл глаза — показалось. И мужчины, и женщины, и их дети были разные. Были и некрасивые, и неопрятные, и невеселые, а их дети тоже — хнычущие, разнополые и разновозрастные.

В сквере напротив на кованых узорных лавочках под липами мило ворковали пенсионеры, обсуждая вчерашние новости. Рядом, сдвинув плотно скамейки, вяло потягивали крепленные шипучие напитки студенты, бесстыдно и отрешенно от всех обнимались молодые парочки. Возле киоска с вывеской "Сигареты, деше-

во" толпились уличные пацаны, сшибая на пачку "Мальборо" — одну на всех. Вокруг шла обыденная жизнь оживленного квартала крупного города, и никому до Черепанова дела не было.

Но Иван понимал, что это впечатлительное обманчиво, и совсем недалеко, в других кварталах этого красивого города, уже десятки людей озабоченно ищут именно его, Ивана Сергеевича Черепанова, и совсем не для того, чтобы выразить своё восхищение или уважение. А то ли ещё будет?! Когда он совершит задуманное, наверняка его поисками будет заниматься ещё больше народа — и знакомые, и незнакомые, и чужие, и свои.

Достал телефон, хотел позвонить Нине, но по потухшему табло вспомнил, что выбросил сим-карту и теперь без связи. А объясниться с ней очень хотелось — ведь она и Рита теперь точно будут "под прицелом" ребят Валентина Николаевича. Как и все его друзья, и знакомые в разных точках страны, между прочим, тоже, отметил он про себя. Хорошо, что Ольга пока далеко, а то бы докопались и наверняка начали с нее. Стоп, надо срочно предупредить Марию и сыновей, чтобы были начеку, ведь наверняка к ним тоже придут с расспросами и угрозами. Ох, заварил кашу, а расхлёбывать теперь всем! Получа-

ется, чтобы прекратить преследование, если не его, то уж близких точно, выход есть только один. Именно такой, который сразу сделает бессмысленной погоню за компроматом в его руках. Слить! Немедленно слить все материалы с флешки в Интернет. Разослать их везде, по всем СМИ — и отечественным, и зарубежным. Причем, не фильтруя, не выбирая, где компроматы на "своих", где на "чужих". На всех без различия, и пусть разбираются потом, кому положено. Пусть все узнают правду про "благие" дела нашей так называемой элиты. Не важно, что среди них есть и знакомые, и однопартийцы Ивана. Почему это не их проблема? Почему одним махом не попытаться отсечь ту "злокачественную опухоль", которая продолжает и продолжает разъедать все общество? Из года в год — одни разговоры с экрана про борьбу с коррупцией. А беспредел продолжается. Процесс "гниения" зашёл слишком далеко и стал практически не контролируем. Народ затягивает пояса всё туже, бомжи "молодеют" на глазах. И их становится всё больше.

И на этом фоне кучка "жирующих котов", пользуясь прикрытием "своих" и иммунитетом неприкосновенности, безнаказанно продолжает грабить страну,

"осваивать" бюджет и "приватизировать" то, что ещё осталось.

А те же СБУшники, прекрасно зная об этих преступлениях, намеренно прикрывают их и только втихую используют компромат, выборочно шантажируя "неудобных" по политическому или иному заказу. Это и их Иван сейчас может лишит мощного инструмента воздействия и личного источника постоянного дохода. Миллиарды долларов, тысячи судеб, сотни жизней спрессованы в этой маленькой флешке, болтающейся сейчас на поясе у Ивана. "Как только этот материал в полном объёме появится в Интернете, смысл преследовать меня сразу отпадёт. Это типичная практика", — рассудил Черепанов.

Во всяком случае отпадёт в части возврата информации. А то, что ему захотят отомстить за этот поступок, причём все в полной мере, это уже вопрос второй. Но он тогда будет касаться только его самого, а не его близких. Пусть ищут его, если он, конечно, решит скрываться. Ведь можно и наоборот как можно скорее "засветиться" после "слива" и тем самым привлечь к себе повышенное внимание не только украинской, но и международной общественности! Может, это будет более надёжной защитой, чем нескончаемые бега и прятки? Какой смысл его устранять,

если уже ничего не вернёшь? Разве только из чувства мести, чтобы другим не было повадно! Но, с другой стороны, у задействованных в этой истории лиц в новой ситуации возникнут новые заботы, и тратить силы на месть ему будет не в их интересах. Тогда надо спешить, времени не так много, но хорошо бы предварительно дозвониться Нине и объяснить ей свое решение. И предупредить Лукьянца, что и его досье станет доступным для просмотра. Ведь хоть и косвенно, но благодаря ему эти сведения попали к Ивану. Что делать дальше, пусть Владимир Иванович решает сам, но и не предупредить его было бы совсем не по-товарищески.

Черепанов огляделся и вошёл в супермаркет. Здесь поблизости обязательно должен быть телефон-автомат, с которого можно позвонить, не "засвечиваясь". А потом пойти в ближайший интернет-клуб и разослать информацию по адресатам.

Благо по характеру своей работы Иван хорошо знал, куда лучше в первую очередь "зарядить" компромат. На той же флешке у него были десятки адресов таких серьезных и не zaangażированных сайтов, которые схватятся за этот материал обеими руками. Тем более с его подачи.

— Не подскажите, где здесь телефон-автомат и ближайший интернет-клуб? —

обратился он к симпатичной девушке — администратору отдела в отутюженной синей униформе.

— Где интернет-клуб не подскажу, я в этом районе не живу, только работаю, а вот телефон чуть дальше — возле отделения "Сбербанка", за колонной направо. Там и телефонную карточку можно купить, если у вас нет, — вежливо и даже чуть-чуть кокетливо ответила девушка.

В другое время Иван обязательно поддержал и продолжил бы столь перспективный диалог, но сейчас ему было не до заигрываний.

Пройдя метров сто в указанном направлении, он действительно увидел телефон. Купил карточку и вдруг понял, что не сможет позвонить Нине, так как не помнит ее номер телефона. В мобильнике сим-карты не было, сам выбросил возле гостиницы, а в блокнот номер не записал, сразу в телефон.

Жаль. Именно ей он хотел рассказать о своем выборе, и был уверен, что она бы его поняла и поддержала. Оставался Лукьянец.

Номер телефона Владимира Ивановича был записан в блокноте Черепанова так давно, что местами даже стёрся.

Лукьянец долго не брал трубку. Видимо, видя незнакомый номер, он предпочитал не отвечать.

— Алло, — хриплый голос Лукьянца послышался только после третьей попытки, — слушаю.

— Владимир Иванович, это Черепанов, — Иван старался говорить как можно быстрее. Кто знает, они могли поставить на прослушку все его возможные контакты, — звоню не со своего телефона. Я уже говорил, что видел твоё досье, но не сказал, что у меня есть копии досье на многих высокопоставленных лиц. И я решил их все опубликовать, сделать достоянием общности. И не перебивай, я уже принял решение.

Иван даже по телефону почувствовал, как напрягся в своём глубоком, похожем на нору кресле Лукьянец.

— Иван, погоди, не пори горячку, я и так на грани срыва. У нас ситуация обострилась, три часа назад в лаве все же произошёл взрыв метана. Причина непонятна, но уже начали работать спасатели. Возможно, сам Матвеев, баррикадируя лаву, неосторожно высек искру металлическими деталями, хотя...

— Я не могу долго разговаривать, — прервал его Черепанов, — прости, я всё обдумал. У тебя есть полдня до того мо-

мента, как весь компромат будет в Интернете. В том числе и на тебя. Извини, но другому нельзя. Что будешь делать за это время, решай сам, но я тебя предупредил. Какие материалы, ты знаешь. А Матвееву мы уже не поможем, его судьбу решают силы, не подвластные нам. Всё, пока, больше говорить не могу, до встречи.

"А встретимся ли?" — добавил Иван уже мысленно, повесил трубку и вынул карточку, как настойчиво напоминал автомат.

Звонить Марии уже не имело смысла, было бы только хуже.

Только сейчас он почувствовал усталость. Начинала болеть голова, видимо, после всех дневных приключений. Иван купил минералки и принял сразу две таблетки цитрамона — сейчас свежая голова нужна была, как никогда.

Черепанов быстро вышел из супермаркета и направился к скверу. Там много молодежи, и ему наверняка подскажут, где ближайший интернет-клуб.

Так и произошло. Ребята, оживленно обсуждавшие новую компьютерную игру под банки с пивом и пакеты с чипсами, указали ему дорогу. Через полтора квартала в интернет-кафе "Суперматрица" можно и закусить, и поиграть на "компе", и поработать, если надо. Минут десять ходу.

Журавский искал на столе старую записную книжку и наткнулся на брошюру, оставленную Арнаутовым, о которой вовсе позабыл. Он машинально перевернул первую страницу и с удивлением обнаружил пустой разворот, на котором от руки было написано: "20%". В этот момент отчаянно начал трезвонить телефон министра.

— У Лукьянца на шахте рвануло! Непонятным образом людей под землёй не оказалось. За исключением какого-то бывшего шахтёра, который якобы предупредил о взрыве с помощью то ли предчувствий, то ли ещё какой-то чертовщины и устроил в шахте погром, чтобы смена не могла спуститься. Теперь под землёй сильный пожар. Короче, понимаешь, срочно вылетай, разбирайся и докладывай регулярно. Наверное, самое время с Лукьянцом расставаться.

Журавского словно молнией пронзило. Несколько дней назад именно по поводу предсказаний этой аварии к нему на приём набился какой-то директор провинциальной телекомпании. Это был не совсем его вопрос, но пришлось принять чисто формально — больше на тот момент оказалось некому, и отказать было нельзя: кто-то из депутатов просил...

Мысли эти молнией сверкнули в голове и тут же были определены в нужную ячейку. Приём носил не совсем официальный характер, это во-первых. Во-вторых, никаких резолюций ни на каких бумагах он не ставил. В-третьих, не стоит себе парить этим голову. На его месте так поступил бы каждый. Кто сделал бы иначе — тут бы не работал. А Черепанову — так, кажется, этого малого звали — нужно при случае высказать благодарность и чем-либо быть полезным, наверняка у Нины есть его координаты... И хочется — не хочется, придётся с этим Арнаутовым дела налаживать. Рано или поздно они всё равно себе дорогу пробьют, похоже, их прибор действительно эффективный, тут крыть нечем. Уж лучше это вовремя поддержать и возглавить, да и сколько горняцких жизней удастся спасти...

Начинало темнеть. Людской поток на улицах усилился, все возвращались с работы. Иван не стал ловить такси или дожидаться переполненного троллейбуса, решил пройти пешком, по воздуху. Размашистая, упругая походка и большая сумка на плече делали его похожим на бывшего спортсмена, спешащего на очередную вечернюю тренировку.

Неоновая вывеска интернет-кафе мигала зеленью прямо за углом.

Иван спустился по пологим ступенькам в полуподвальное помещение, умело переделанное в кафе. Барная стойка с высокими стульями справа, большой плазменный экран на стене, а дальше, в глубине большого зала, около двадцати мест за компьютерами. Заняты были всего пять, какие-то школьники шумно сражались в "Страйк", кроя друг друга совсем не школьными выражениями.

Иван выбрал место в дальнем углу зала, оплатил администратору аванс, попросил принести яблочный сок. Во рту пересохло, но голова постепенно начала отпускать. Вставил флешку в "порт", открыл папку. Выбрал и скопировал в почту адреса рассылки. Посмотрел на часы.

Если информация уйдёт сейчас, уже завтра можно будет ожидать первых результатов. Переворота в стране эти файлы, конечно, не сделают, но скандал получится о-го-го. Без сомнения, эту новость профессионалы своего дела, журналисты и редакторы, подхватят и преподнесут в лучшем виде. Чтобы "осколки" от этого выстрела ещё долго не оседали на дно.

Чтобы уже привыкшие к различным словесным обвинениям и разоблачениям в прессе наши граждане, да и господа, ко-

торым положено в первую очередь реагировать на такие факты, вздрогнули от неожиданности и ужаса.

Чтобы те, кто не попал в эту обойму, "рыбы" помельче, но такого же помёта, поняли, что не всем и не всё может в этой стране сходить с рук, и однажды такая же информация всплывет и о них.

Чтобы новое, подрастающее поколение не разочаровывалось в будущем своей страны и не стремилось поголовно уехать отсюда как можно дальше и быстрее.

Чтобы те, кто, возможно, знал, но боялся сказать и сделать то, что сказать и сделать был обязан, поняли: бороться можно, не так уж эти хозяева жизни непобедимы, как думают.

"Чтобы... — Иван как профессиональный журналист даже собственные мысли выстраивал, как абзацы в очередной газетной статье, — чтобы..."

Иван зашёл на свою почту, подготовил краткое сопроводительное письмо и внёс адреса для рассылки. Он сразу даже не увидел, а почувствовал, как резко открылась входная дверь кафе — чуть всколыхнулись шторы на окнах и салфетки на столиках бара. Двое высоких молодых людей в длинных тёмных плащах очень быстро, без лишних движений, не вынимая рук из карманов, казалось, одним шагом

преодолели весь зал и очутились возле Черепанова. Когда Иван обернулся, они уже внимательно всматривались в монитор его компьютера.

Он хотел спросить их, что, собственно, им надо, кто они, но тут в кафе внезапно погас свет, и стало очень темно.

Секундой раньше Иван успел нажать кнопку "мышки", курсор которой был наведен на слово "отправить".

Иван очнулся и понял, что не хочет этого делать. Голова была, словно чужая. Тяжёлая, ватная. Он открыл глаза и почувствовал резь. Ещё пекло в носу и даже дышать было больно. Постепенно глаза начали привыкать к темноте. Иван был в своей одежде. Небольшое — метров 10-12 — помещение, в котором он находился, состояло из сплошного бетона. Без окон. С одной железной дверью. Освещение отсутствовало. Скорее всего, это какой-то подвал. А диванчик, на который он был уложен, видимо, сюда принесли специально для него. Жутко захотелось пить. И, к своему удивлению, Иван обнаружил на полу бутылку с водой. Он прислушался, но вокруг стояла немая тишина. Дверь явно была заперта. Черепанов решил, что не стоит спешить обнаруживать, что он оч-

нулся. Хотя те, кто его пленил, наверняка знают о его состоянии больше, чем он сам. Иван вдруг вспомнил, как в детстве спросил бабушку, почему она не боится одна ночевать в доме. Она ответила тогда: "А я не одна, я с Богом". Иван себя не причислял ни к атеистам, ни к верующим. И сейчас он решил попросить помощи у Бога, у бабушки, наблюдавшей за ним откуда-то с небес, к которым мысленно обратился.

Неожиданно тишину разрезал раздавшийся где-то за дверью грохот. Иван приложил ухо к двери.

— Откройте, ОМОН!

Черепанову показалось, что это миф.

— Без санкции своего руководства никого не пускаем. У нас приказ — в нестандартных ситуациях вести огонь на поражение. Покиньте территорию.

— У нас санкция, здесь неправоммерно содержится журналист Черепанов.

Иван узнал голос Виталика Макаренко.

— А у нас инструкция.

— Доложите о нас руководству.

Потом Иван слышал, как кто-то с кем-то созванивался. В конце концов охрана разрешила зайти в помещение одному Виталику. После этого он по телефону кого-то убеждал, что в ситуации, когда

"утечка" случилась, Черепанова удерживать смысла нет. Потом кому-то за него ручался: "О том, как попал к нему этот материал, он забудет. Я гарантирую. Скажет, нашёл флешку в интернет-кафе". Судя по всему, начальство Виталика вело переговоры с людьми из "конторы", как в народе в своё время именовали КГБ...

Черепанов мог лишь догадываться, какими словами костерил его Макаренко, которого он втянул в эту историю. Правда, когда дверь наконец отворилась, Виталий, бросив взгляд на друга, лишь махнул рукой и обнял его. Подобное чувство испытал когда-то Иван, когда младший сын ушёл без разрешения в лес и заблудился. Когда его нашли, радость превзошла желание наказывать.

— И как вам удалось меня вычислить? — пытался он выведать уже в машине у Макаренко.

После двух таблеток цитрамона, который, к счастью, нашёлся в автомобиле, головная боль начала потихоньку отступать.

— Так я профессиональные тайны и сдам. Особенно тебе.

— А "Шкода" у нас на хвосте ваша была?

— Ну, допустим, наша. И не одна, скажу тебе по большому секрету. А место

твоей дислокации вычислили через... одного хорошего человека.

После взорванной Черепановым информационной бомбы началась череда отставок, в стране объявили досрочные выборы.

Нина всё время сбрасывала его звонки — над Ритой и Валентином Николаевичем крепко сгустились тучи, и она чувствовала себя виноватой. Иван подкараулил её у подъезда. Нина встретила его холодным взглядом.

— Ну прости, я не хотел никого подвести. Но есть выход, я долго думал. Пусть твоя подруга и Валентин или его шеф представят новым властям дело так, что, мол, слили информацию специально, чтобы навести в стране порядок. И им это зачтётся. Ведь благодаря этому новые люди тоже пришли к власти и заняли свои посты.

— Иван, Иван, — Нина покачала головой и как-то беззащитно уложила её на грудь Черепанову, который ощутил дикое желание её защитить, нет, оберегать и защищать всегда. — Ладно, герой, пошли, ужином тебя что ли накормлю, хоть и не заслужил, заодно с дочкой познакомлю. И смотри, если что, придётся тебе всех пострадавших от твоего тщеславия на работу в свою телекомпанию устраивать.

— Я готов, толковые люди нам нужны, — Иван почувствовал, что прощение не за горами.

* * *

— По-моему, вы отобрали хороший материал. Если и дальше работа пойдёт такими темпами, скоро нужно будет искать рецензентов.

Иван сдержанным мягким взглядом окинул свою загоревшую аспирантку.

— Иван Сергеевич, а можно вопрос не по теме?

— Через неделю в Киеве в "Евроконтинентале" состоится церемония вручения премии. Мне бы очень хотелось туда попасть, — Ольга лукаво взглянула на своего руководителя, а Иван опустил взгляд, что случалось с ним крайне редко.

Он уже пригласил на это празднество Нину. И какое-то чутьё, подкреплённое звонками организаторов мероприятия, твёрдо подсказывало: на сей раз ему стоять на сцене и получать чек на 50 тысяч евро.

— Иван Сергеевич, вашей аспирантке Ольге Петровне там хочется быть чисто из соображений профессионального роста. И за два пригласительных она будет вам благодарна. Как дочь.

— Ну, ты мудра не по годам...

Иван достал пригласительные, а Ольга чмокнула его в щёчку, точно как папу.

* * *

Владимир Иванович Лукьянец сам написал заявление об увольнении по собственному желанию. По появившимся о его деятельности материалам проводили проверку, несколько раз он наносил визиты следователям, но со временем дело закрыли. А недавно его пригласили поднимать одну из отстающих шахт в Павлограде.

* * *

Виталий Макаренко сделал большой карьерный скачок, перебравшись из милицейского ведомства на генеральскую должность в службу безопасности.

* * *

Что любопытно, несмотря на смену министра, Станислав Васильевич Журавский по-прежнему трудится в своём кабинете. Теперь один раз в году он обязательно ездит на пару недель отдыхать в Россию на озеро Селигер, на берегу которого построил свою базу отдыха его одноклассник Виктор Арнаут. Сейчас они вместе решили подготовить и спонсировать встречу одноклассников — как-ни-

как 40 лет выпуска будет. Ещё благодаря усилиям Журавского на шахты начали закупать более эффективное и экономное оборудование, оповещающее о возможных выбросах метана.

* * *

Василия Кондратьевича Матвеева после известных событий доставили в больницу в коме, три дня он находился между небом и землёй, между жизнью и смертью. Но каким-то непостижимым для врачей образом выжил. Поначалу на него даже пытались завести уголовное дело за незаконное проникновение в шахту, диверсию и порчу оборудования. Но после вмешательства Черепанова замминистра угольной промышленности Журавский прислал комиссию, по заключению которой ветерана наградили грамотой и ценным подарком — мопедом.

Кошка Маргаритка родила пятерых котят и оказалась очень заботливой и строгой мамой. Котята были приучены ею к чистоплотности и осторожности, так что пристроил их Матвеев без особых проблем, а самого шустрого и голубоглазого торжественно подарил соседу Фёдору. Фёдор назвал его важно — Генералом. Хотя отлично понимал, что за кусок мяса его Генерал с удовольствием готов родину про-

дать. Маргаритка частенько ложилась Кондратьичу на больное колено — полечить, и преданно урчала, когда он чесал ей шею под подбородком. И у него, и у кошки экстрасенсорные способности куда-то подевались, словно и не было их.

Профессор Кадочников констатировал, что новая травма каким-то образом вернула обострившиеся у Матвеева способности в исходное русло — так бывает. Правда, склонный к философии сосед Фёдор выдвинул на сей счёт свою особую гипотезу:

— Всё просто расшифровывается, — пояснял Василию за стопкой довольный своей прозорливостью Фёдор. — И ты, и она — вы своё предназначение в этом мире выполнили. Людей спасли. А если, стало быть, дар этот использовать для людского блага, а не во зло или в корыстных целях — Бог дарует за это прощение и помилование.

В последнее время Будыка-старший, всю жизнь привыкший верить в светлые идеалы, начал приходить к Богу. В кого-то ведь верить надо.

Содержание

Глава 1	
МИНИСТЕРСКАЯ ЗАКЛАДКА.....	1
Глава 2	
ВЗРЫВ.....	29
Глава 3	
ПРОЗРЕНИЕ.....	78
Глава 4	
ЧЕРНАЯ ПРОВИДИЦА С ГОЛУБЫМИ ГЛАЗАМИ.....	99
Глава 5	
ВЫБОР.....	135
Глава 6	
СБОЙ СИСТЕМЫ.....	182

– 304 –

Літературно-художнє видання

С. Богачева
УДАРНАЯ ВОЛНА
(російською мовою)

Худ. оформлення А. Недял
Комп'ютерне макетування І. Орлов
Літ. редактор Д. Добровольський

Здано до складання 1.08.2011 р.
Підписано до друку 15.08.2011 р.
Формат 70х90 1/32. Ум. друк. арк. 7,3.
Тираж 3.000 прим.
Замовлення № 3904

Надруковано з готових плівок
в ТОВ "Видавничий дім "Донеччина"